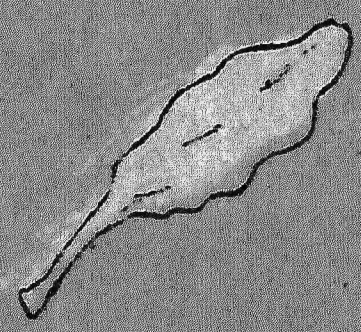
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 г.



ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1812

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать	По чьей вине
124	7 снизу	Сб. Инст. матер.	Сб. ист. матер.	Ред.
189	9 »	Шварценбергера	Шварценберга	»
191	7 »	выступил	вступил	»

Заказ № 1127.

1943к
184

ЕВ_1941_ОГО_336

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ

Отечественная война 1812 г.

39358

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ

Составлен научными сотрудниками Ленинградского отделения Института истории профессором А. В. Предтеченским, А. И. Васильевым и Б. Б. Фраткиным

1605

Под редакцией акад. Е. В. Тарле, проф. А. В. Предтеченского и канд. истор. наук Е. И. Бочкаревой

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Издательство Академии Наук СССР
Ленинград • 1941 • Москва

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ:
ПРОФ. А. В. ПРЕДТЕЧЕНСКИЙ
И КАНД. ИСТ. НАУК Е. И. БОЧКАРЕВА

ИСТОРИЯ ПОКАЗЫВАЕТ, ЧТО НЕПОБЕДИМЫХ АРМИЙ НЕТ И НЕ БЫВАЛО. АРМИЮ НАПОЛЕОНА СЧИТАЛИ НЕПОБЕДИМОЙ, НО ОНА БЫЛА РАЗБИТА ПОПЕРЕМЕННО РУССКИМИ, АНГЛИЙСКИМИ, НЕМЕЦКИМИ ВОЙСКАМИ. НЕМЕЦКУЮ АРМИЮ ВИЛЬГЕЛЬМА В ПЕРИОД ПЕРВОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ ТОЖЕ СЧИТАЛИ НЕПОБЕДИМОЙ АРМИЕЙ, НО ОНА НЕСКОЛЬКО РАЗ ТЕРПЕЛА ПОРАЖЕНИЯ ОТ РУССКИХ И АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИХ ВОЙСК И НАКОНЕЦ БЫЛА РАЗБИТА АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИМИ ВОЙСКАМИ. ТО ЖЕ САМОЕ НУЖНО СКАЗАТЬ О НЫНЕШНЕЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ АРМИИ ГИТЛЕРА. ЭТА АРМИЯ НЕ ВСТРЕЧАЛА ЕЩЕ СЕРЬЕЗНОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ НА КОНТИНЕНТЕ ЕВРОПЫ. ТОЛЬКО НА НАШЕЙ ТЕРРИТОРИИ ВСТРЕТИЛА ОНА СЕРЬЕЗНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ. И ЕСЛИ В РЕЗУЛЬТАТЕ ЭТОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ ЛУЧШИЕ ДИВИЗИИ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ АРМИИ ОКАЗАЛИСЬ РАЗБИТЫМИ НАШЕЙ КРАСНОЙ АРМИЕЙ, ТО ЭТО ЗНАЧИТ, ЧТО ГИТЛЕРОВСКАЯ ФАШИСТСКАЯ АРМИЯ ТАКЖЕ МОЖЕТ БЫТЬ РАЗБИТА И БУДЕТ РАЗБИТА, КАК БЫЛИ РАЗБИТЫ АРМИИ НАПОЛЕОНА И ВИЛЬГЕЛЬМА...

Из выступления по радио Председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина 3 июля 1941 года.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА

Советский народ ведет великую освободительную отечественную войну против германских фашистов, совершивших разбойное нападение на Советскую землю. Вся наша страна, охваченная великим патриотическим порывом, борется с теми, кто осмелился нарушить ее мирный труд. Не раз нашей родине приходилось отражать нашествия врагов, мужественный и свободолюбивый наш народ разбивал все попытки его порабощения. Одной из славных страниц в истории борьбы за целостность и независимость нашей родины была Отечественная война 1812 года. И теперь, когда неудержимо разгорается пламя народного гнева против немецких фашистов, пытающихся наложить кровавую лапу на свободу, честь и независимость советского народа, мы вновь обращаемся к событиям 1812 года, к грандиозной борьбе русского народа с нашествием Наполеона.

Со времени прихода к власти Наполеона Франция уже не вела справедливых, освободительных войн, какими была богата славная история французской революции. Войны Наполеона носили уже чисто завоевательный захватнический характер. В короткий срок почти вся континентальная Европа склонила голову перед императором Франции. Почти половина тогдашнего населения Европы входила в состав его империи: Бельгия, Голландия, часть Швейцарии, часть Италии, часть германских земель и другие области. С юга и запада наполеоновскую империю окружало кольцо вассальных государств (Итальянское и Неаполитанское королевства, королевство Вестфалия и др.), которыми управляли члены новой царствующей династии — Бонапартов, покорно выполнявшие то, что им предписывалось

из Парижа. Вассалами Наполеона были и прусский король и австрийский император. Огромная империя Наполеона к исходу первого десятилетия XIX в. достигла апогея своего могущества. С внешней стороны, казалось, все обстояло благополучно. Но так только казалось. В действительности наполеоновскую империю разъедали глубокие внутренние противоречия.

В то время как правительства большинства европейских государств покорились власти Наполеона и раболепно пресмыкались перед ним, порабощенные им народы не мирились с тем зависимым положением, на которое обрекали их успехи французского оружия. Национальное движение не прекращалось в Европе, а в некоторых странах, например в Испании, достигало огромных размеров. Испанский народ отказался подчиниться воле Наполеона и с первых же дней вступления французских войск в Испанию повел с ними борьбу, не прекращавшуюся вплоть до падения наполеоновской империи. В 1809 г. национальные восстания против гнета Наполеона охватили Тироль и Северную Германию. Внутреннее положение самой Франции было далеко не блестящим. Непрерывные войны истощили страну, несмотря на колоссальный грабеж подвластных Наполеону государств. Людские ресурсы Франции также начинали оскудевать.

Англия, несмотря на все усилия Наполеона, продолжала вести с ним борьбу, пользуясь своим превосходством на море и островным положением, делавшим ее неуязвимой для вторжения наполеоновских войск. Была еще одна сила, не сломленная Наполеоном, — это Россия. Россия продолжала сохранять свою независимость, наша страна отказывалась признать себя вассалом Наполеона.

Присоединение России к континентальной блокаде, явившееся результатом продиктованных Наполеоном условий Тильзитского мира 1807 г., ставило под угрозу разорения русское народное хозяйство. Внешняя торговля России вследствие разрыва англо-русских экономических отношений испытывала серьезнейший кризис. Зависимое от Наполеона Варшавское герцогство, составленное из земель, принадлежавших прусской Польше, Наполеон использовал как плацдарм для возможного нападения на Россию, что создавало для нее постоянную военную угрозу.

Для Наполеона Тильзитский мир был лишь этапом в его завоевательных планах. По мере укрепления власти Наполеона над Европой, время его нападения на Россию приближалось. Его воображению рисовались перспективы всемирного владычества, уже не только над Европой, но и над Азией. Но на пути к этому стояли Россия и Англия. Нападение на Россию должно было привести к расчленению нашей страны, присоединению ее к наполеоновской империи, к потере независимости нашего народа.

Заключив договоры с Австрией и Пруссией, по которым они давали под командование Наполеона вспомогательные корпуса для войны с Россией, обеспечив себе, таким образом, тыл, Наполеон начал переброску к русской границе своей армии, сформированной им из солдат почти всех государств Европы. К началу 1812 г. Наполеон собрал огромные силы. Мир не видел еще такой огромной армии. Наполеон имел под ружьем 1200 тысяч человек, из которых половина оставалась для покорения Испании и обороны Франции, а другая половина, т. е. 600 тысяч человек, и составила ту армию, которая должна была вторгнуться в Россию. Быстрое приближение наполеоновской армии в начале 1812 г. к границам России держалось в глубокой тайне, а дипломаты и сам Наполеон заверяли всех в миролюбивых намерениях. В ночь с 11 на 12 июня (все даты по ст. стилю) 1812 г. наполеоновская армия перешла границу России через Неман. Отечественная война 1812 года началась. Русский народ встал на защиту своей страны.

Русские военные силы были разделены на 3 части: 1-я западная армия под командованием Барклая де-Толли занимала линию от Россиен до Лиды, 2-я западная армия под командованием Багратиона стояла между Неманом и Бугом, 3-я западная армия под командованием Тормасова была расположена в Волыни и Подолии. Первые две русские западные армии могли противопоставить 420-тысячной массе наполеоновской армии, переправившейся через границу, всего лишь около 170 тысяч. 3-я русская армия предназначалась для отражения корпуса австрийских войск, находившегося на крайнем правом фланге наполеоновской армии. Рассчитывать, что силами двух разъединенных русских армий удастся разбить более чем вдвое превосходящего по численности противника, было невозможно.

Еще до войны военным советником Александра I, прусским генералом Фулем, перешедшим на русскую службу, был разработан план, состоявший в том, что 1-я армия отступает до укрепленного лагеря на р. Дриссе, увлекая за собой противника, 2-я же заходит ему в тыл и во фланг. Как предполагал генерал Фуль, силы Наполеона, оказавшиеся между двумя русскими армиями, будут раздавлены. Однако план Фуля оказался совершенно непригодным, он мог бы погубить армию, и потому русское командование отказалось от него и отдало приказ оставить Дрисский лагерь, а обеим армиям продолжать отступление и итти на соединение друг с другом.

Центральная и правофланговая группы наполеоновской армии несколько запоздали с переходом через реку Неман. Это лишило Наполеона возможности обрушить сразу же все силы своей армии на русских. 16 июня 1812 г. Наполеон занял Вильну и продолжал развивать наступление. Но задуманный им разгром русских армий не удался: к этому времени Барклай был уже на пути к Витебску, а Багратион шел на соединение с ним. Теперь Наполеону пришлось устремить все свои силы на то, чтобы не дать Барклаю и Багратиону возможности соединиться.

Началось знаменитое отступление Багратиона, во время которого он двадцать раз мог быть отрезан, загнан в Пинские болота и даже уничтожен вдвое сильнейшим противником. Наполеон проявлял лихорадочное нетерпение в операциях против Багратиона, которого он считал самым выдающимся русским военачальником. Но все меры Наполеона не привели ни к чему: Багратион ускользал, сохраняя свою армию.

Спасение армии Багратиона явилось второй крупнейшей неудачей Наполеона, считавшего, что Багратион у него в руках. Лишний раз Наполеону пришлось убедиться в том, что в лице Багратиона он имеет противника, не идущего ни в какое сравнение с теми бесчисленными генералами, которых он без труда разбивал в предшествующих войнах на континенте Европы.

Как было уже сказано, после того, как русским командованием было принято решение не задерживаться в Дрисском лагере, 1-я русская армия 2 июля 1812 г. покинула этот лагерь и направилась к Витебску, чтобы ожидать там соединения с

М. Б. БАРКЛАЙ ДЕ-ТОЛЛИ.

С портрета работы Дау. (Государственный Эрмитаж.)

армией Багратиона. Наполеон из Свенцян устремился на Бешенковичи, чтобы там перейти Двину и вызвать Барклая на сражение еще до того, как он окажется в Витебске. Но сделать это ему не удалось: Барклай занял Витебск 11 июля, а французский авангард начал переправу у Бешенковичей только на следующий день. Положение Барклая было весьма тяжким: принять бой с более чем вдвое превосходящим по числу противником он не мог, уходить же из Витебска не решался, так как здесь было назначено соединение обеих армий, и если бы Барклай ушел, то Багратион был бы отдан в руки Наполеону. 15 июля Барклай получил извещение, что Багратион отступает к Смоленску. Немедленно Барклай ушел из Витебска. 20 июля он вступил в Смоленск, а 22 июля к Смоленску подошел Багратион. Наконец, произошло столь желаемое соединение обеих русских армий. Труднейшая операция была закончена.

Замечательное искусство, с которым Барклай и Багратион уклонялись от боя с гораздо более сильным противником, нанесло серьезный удар планам Наполеона. К тому же состояние армии Наполеона после двухмесячного наступления начинало внушать ему тревогу. Стремительность наступления не давала возможности своевременно подвозить провиант. Во французской армии началось недоедание. Уже под Витебском лошади получали один лишь зеленый корм, а людям вместо хлеба выдавалась мука, которую им приходилось класть в суп. Мародерство и дезертирство развивалось в ужасающей степени.

Сразу же после перехода через границу армия Наполеона натолкнулась на упорное сопротивление русского народа. Крестьяне уходили в леса при подходе французов, сжигая деревни и запасы продовольствия и фуража, угоняя скот, заваливая колодцы трупами животных и убитых французских солдат. Они портили мосты, разрушали запруды и спускали воду, чтобы задержать продвижение вражеских отрядов. По словам французов, «каждая деревня превращалась при нашем приближении или в костер или в крепость». Эта жгучая ненависть русского народа преследовала их в течение всего времени пребывания в России.

4 и 5 августа происходил жаркий бой под стенами Смоленска. Жестокий артиллерийский обстрел города, предпринятый Наполеоном, не дал в первый день боя никаких существенных

результатов. Но численное превосходство сил неприятеля убедило Барклая в необходимости продолжать отступление. Тогда тактика отступления была единственно правильной. Было решено, что первой начнет отступление армия Багратиона, следом за ней, прикрывая ее, двинется вторая русская армия Барклая. Оборона Смоленска поручалась корпусу Дохтурова. В течение 5 августа отчаянные атаки Наполеона и интенсивный артиллерийский огонь не увенчались успехом: Дохтуров с поразительным упорством продолжал удерживать объятый пламенем город. Лишь после того, как Барклай со своей армией отошел, Дохтуров, взорвав склады боеприпасов, уничтожив мосты через Днепр, покинул развалины Смоленска. Попытка Наполеона перерезать дорогу отступающему Барклаю не удалась, и русская армия опять (в который уже раз!) ускользнула от него.

Война, длившаяся почти два месяца, показала всему миру героизм русской армии и русского народа. Несмотря на целый ряд кровопролитнейших сражений, русская армия стояла перед неприятелем все такой же грозной силой, какой была и в самом начале войны. Война 1812 года была войной в подлинном смысле слова отечественной. В этой войне участвовала вся страна, весь народ. Война велась на территории России, приходилось родину защищать от покушения на ее целостность и независимость. Защита родины придавала войне 1812 года глубоко народный характер. «Всюду, куда направлялись солдаты наполеоновской армии, из-под земли вырастали вооруженные люди», — писал один из современников отечественной войны 1812 года. «Крестьяне отсылали в леса баб и детей, сами же вооружались косами и топорами, устраивали засады, сжигали свои избы и продовольствие», — замечает другой. Сопровождавший Наполеона Ложье уже 20 июня 1812 года записал, что наполеоновская армия встречала на своем пути «пустыню, которая подавляла нас»... В селах «мы не находили ни жителей, ни одной головы скота». (См. документ № 14 на 17 стр. сборника.)

Участники войны в своих воспоминаниях о ней приводят целый ряд таких фактов, говорящих о патриотическом одушевлении народных масс (настроение народа, активно боровшегося против захватчиков, иллюстрируется многими документами V, VI и XVII глав сборника). В борьбе с наполеоновской

П. И. БАГРАТИОН.

С портрета работы Дау. (Государственный Эрмитаж.)

армией принял участие не один русский народ. Вместе с ним рука об руку сражались и другие народы России.

После боев под Смоленском русская армия продолжала отступать, избегая решительного столкновения с войсками Наполеона. Барклай понимал, что превосходство сил Наполеона не даст ему шансов на победу в генеральном сражении, и продолжал отступать. Однако в армейской массе и даже среди некоторых очень авторитетных и ответственных руководителей армии Барклая обвиняли в неспособности и даже в предательстве, требуя решительного сражения. Общественное мнение и армия требовали назначения нового главнокомандующего. Вся страна указывала на единственного кандидата, пригодного к занятию этого поста — Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова, которого, повинуясь этому настойчиво выраженному желанию, Александр I и назначил главнокомандующим. Кутузову было в этот момент 67 лет. В этом возрасте ему и пришлось навсегда связать свое имя с одним из величайших событий русской и всемирной истории и навсегда остаться в людской памяти в качестве истинного представителя русского народа в самую страшную минуту существования России. 17 августа Кутузов приехал в Царево-Займище, где произошла его первая встреча с армией.

Кутузов был единственным из оставшихся в живых сподвижников и почти ровесников Суворова. Участвуя вместе с Суворовым во многих походах, он приобрел великолепный боевой опыт и славу одного из талантливейших полководцев. В те дни, когда война с Наполеоном захватила весь народ, единственным вождем армии мог быть Кутузов, ибо никто из русских полководцев не был так близок к народу, как этот выученик суворовской школы. Все ждали, что он прекратит отступление, но Кутузов понимал, что русской армии переходить в наступление еще рано. Поэтому он, как и Барклай, продолжал вести армию в глубь страны. В то же время он прекрасно понимал, что рано или поздно решительный бой с Наполеоном, продвигавшимся к Москве, должен произойти. Поэтому Кутузов внимательно отыскивал наиболее удобное место для боя. Когда к русской армии прибыли подкрепления, было решено остановиться около села Бородино (в 12 км от Можайска) и здесь дать генеральный бой Наполеону. 26 августа на Бородинском поле произо-

шла битва — одна из самых замечательных в летописях всемирной истории.

Подробности, рисующие Бородинский бой, отражены в материалах, помещенных в XII главе настоящего сборника. Автор «Описания Бородинского боя» рассказывает, как кавалерийские корпуса наполеоновских генералов Нансути и Латур-Мобура стремились пробиться сквозь Измайловский и Литовский полки, примыкавшие к левому флангу русской третьей пехотной дивизии. Губительный огонь неприятеля, конные атаки его, огромные потери в людском составе не сломили сопротивления полков, которые, как говорит автор, «оставались в наилучшем устройстве и тем заслужили себе неувядаемую славу». Н. И. Андреев, долго служивший в армии и участвовавший в нескольких войнах, пишет, что Тарнопольский полк шел в атаку колонной с музыкой и песнями, «что я, — замечает он, — в первый и последний раз видел». Вот как встречали русские войска корпуса прославленных маршалов Наполеона: «батарея гвардейской конной артиллерии капитана Захарова, завидя выходящий из-за Утицкого леса корпус наполеоновского маршала Жюно, понеслась на него. Вся голова неприятельской колонны была в полном смысле положена на месте под его (Захарова) картечями. . .» (См. главу XII сборника).

В свете всех этих фактов становятся понятными слова герцога Виченцского, сказанные им, как передает наполеоновский генерал Пеле, в ответ на неудовольствие Наполеона по поводу малого количества русских пленных после убийственной атаки Шевардинского редута: «Русские показали себя стойкими, их мало убить, их надо еще валить». Боссе, дворцовый префект Наполеона, пишет, что на утро после Бородинского боя «целыми линиями русские полки лежали распростертые на окровавленной земле и этим свидетельствовали, что они предпочли умереть, чем отступить хоть на один шаг». Все иностранные мемуаристы в один голос говорят о героической стойкости русской армии.

С заходом солнца замолкла канонада орудий, прекратился ружейный огонь. Наступил конец великой битвы. Кутузов зорким взглядом опытного полководца сразу оценил положение: армия уцелела. Он был совершенно прав, когда писал в письме к жене, отнюдь не предназначенном для опубликования, дати-

рованном 29 августа, т. е. почти уже у самой Москвы: «Я, слава богу, здоров и не побит, а выиграл баталию над Бонапартием». В самом деле: русская армия сохранила свою боеспособность, и сила сопротивления ее не была сломлена. Более того, о нее, как говорил Ермолов, расшиблась французская армия. А это при данном соотношении сил обеих сторон нельзя было рассматривать иначе, как серьезную победу. В 1813 г. в Москве вышла книга некоего автора, скрывшегося под псевдонимом «Московского жителя», озаглавленная «Русские и Наполеон Бонапарте». В ней так говорится о Бородинском бое: «Можно поздравить с победой сей не токмо знаменитое российское воинство, но и весь человеческий род. На Бородинском поле погребены дерзость, мнимая непобедимость, гордость и могущество избалованного счастливца».

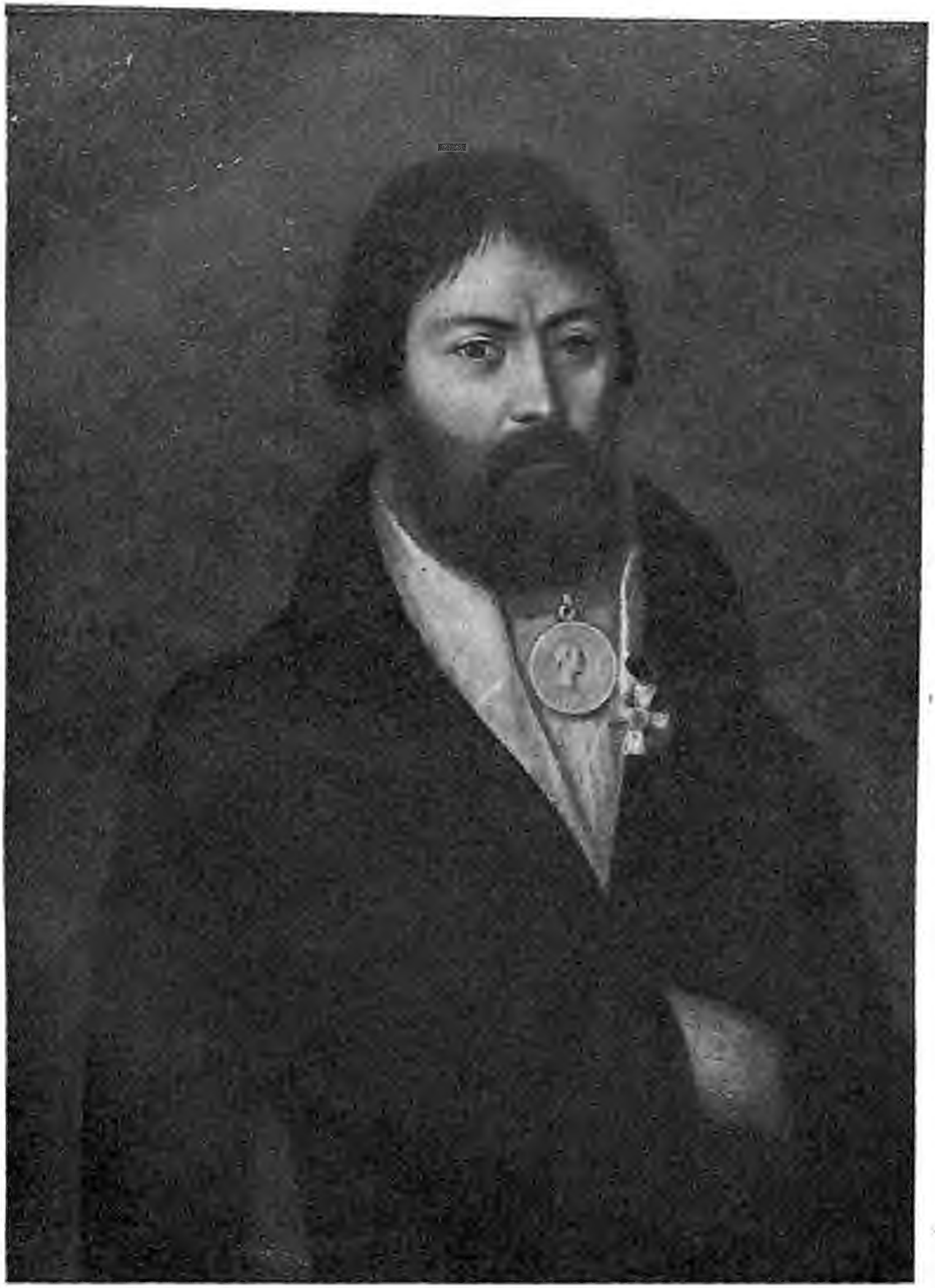
После короткого военного совета в Филях, созванного Кутузовым, было решено отступать за Москву. Русская армия, пройдя через Москву, двинулась по Рязанской дороге на восток. Следуя за ней по пятам, авангард наполеоновской армии 2 сентября вступил в Москву. Наполеон в окружении пышной свиты въехал на Поклонную гору. Здесь он остановился в ожидании депутации от «бояр» с ключами от города, того города, захват которого, по его убеждению, не мог не обозначать конца войны. Во всяком случае, теперь истощенная армия Наполеона получит те «удобные квартиры», которые ей были обещаны в его приказе в день Бородинского боя. Но депутации Наполеон так и не дождался: скоро ему сообщили, что Москва покинута всем ее населением. (См. XIV главу сборника.) Это были точные сведения: вслед за русской армией из Москвы ушли почти все жители, осталось всего лишь несколько тысяч человек. Изумленный этим сообщением, Наполеон отказывался ему верить. Начало не предвещало ничего хорошего. В первую же ночь пребывания Наполеона в Москве начались грандиозные пожары. (См. XIV главу сборника.) Сразу определившиеся размеры их не могли не внушить самой серьезной тревоги Наполеону. Начавшись в ночь с 2 на 3 сентября, пожары во все возрастающей степени продолжались до 6 сентября. За это время выгорело почти три четверти города. Огнем был охвачен и Кремль, где поселился Наполеон, что вынудило его перебраться из Кремля в Петровский дворец. Наполеон не

нашел в Москве ни продовольствия, ни фуража, ни покорного населения. Три раза Наполеон предлагал мир, но тщетно. Предложения о мире оставались без ответа.

После взятия Москвы французами народная война против Наполеона приняла особенно широкие размеры. (См. XVII главу сборника.) Командование армией понимало значение народной войны. Еще тогда, когда война шла в пределах Смоленской губернии, Барклай писал смоленскому губернатору: «Именем отечества просить обывателей всех близких к неприятелю мест вооруженной рукой напасть на уединенные части неприятельских войск, где оные увидят». Одним из первых организаторов партизанских отрядов был адъютант Багратиона поэт Денис Давыдов. Незадолго до Бородинского боя он предложил организовать партизанский отряд из казаков. Он указывал на важность партизанской войны: неприятель шел по одному пути, его транспорты покрывали огромное пространство. Создавалась возможность нападений на эти транспорты, чтобы «истреблять источник жизни и силы неприятельской армии». «К тому же обратное появление наших посреди рассеянных от войны поселян ободрит и их, обратит настоящую войну в народную». Кутузов дал Давыдову 50 гусар и 80 казаков. Впоследствии, кроме отряда Давыдова, были организованы отряды Фигнера, Дорохова, Сеславина и др.

Когда Давыдов появился со своим отрядом в тылу французской армии, то русские крестьяне сначала ему не верили, принимая его отряд за французский. Давыдов писал: «Общее и добровольное ополчение поселян преграждало нам путь. В каждом селении ворота были заперты; при них стояли стар и млад с вилами, копьями, топорами и некоторые с огнестрельным оружием». Давыдову приходилось убеждать крестьян, что его отряд состоит из русских людей и будет им помогать. Для большей убедительности Давыдов изменил свою наружность: отпустил бороду, надел кафтан, а вместо ордена Анны повесил на грудь образ Николая-чудотворца.

Придавая большое значение развитию партизанской войны, Кутузов написал специальную инструкцию о том, как надо действовать партизанам. «Партизан должен быть решителен, быстр и неутомим», — указывал Кутузов. Сила партизанских отрядов была в том, что они опирались на поддержку крестьян и что



Г. КУРИН.

С портрета работы неизвестного художника. (Государственный Исторический музей.)

EB_1941_OFO_336

их действия сочетались с действиями регулярных войск. Заходя глубоко в тыл противника, они разрушали его связи, уничтожали обозы, в громадной степени содействовали успеху русской армии.

Организовались многочисленные крестьянские отряды. Они нападали на неприятельский обоз, уничтожали фуражиров. Эти партизанские отряды скрывались в лесах, откуда делали вылазки на значительные группы неприятеля. Так, например, бронницкие крестьяне напали на отряд французов в 700 человек. Разгромив его, они 30 человек убили и многих взяли в плен.

Генерал Милорадович рассказывает, как к нему явились крестьяне деревни Каменской, Боровского уезда, и стали просить ружей с патронами для защиты от неприятеля. «Сии крестьяне, — пишет Милорадович, — заслуживают особливого внимания, ибо они под присягой соединились для общего своего защищения с тем, что положено наказание на случай, ежели бы нашелся трус. Сии почтенные крестьяне успели уже истребить много французов».

Яркие документы сборника (см. V и XVII главы сборника) показывают таких героев, как Федор Потапов, который организовал один из крупнейших партизанских отрядов. Знаменитая крестьянка Василиса Кожина организовала отряд из крестьянок и подростков, вооруженных косами и вилами.

Английский представитель при Кутузове Роберт Вильсон писал английскому послу в России лорду Каткарту, что русские крестьяне, снабженные оружием из армии, «много нанесли вреда разъездам фуражиров и конвоям неприятельским, а строгим исполнением военного закона распространяли много страху». Историк Отечественной войны 1812 года и участник ее А. И. Михайловский-Данилевский, записавший подробности о партизанской войне на основании расспросов крестьян, происходивших в присутствии Кутузова, сообщает, что «крестьяне действовали вокруг Москвы по всем направлениям и составляли первую цепь осаждающих около сей столицы». Эти яркие документы читатель найдет в нашем сборнике. Столкновения между крестьянами и наполеоновскими отрядами принимали иногда характер настоящих боевых действий. Так, например, крестьяне села Павлова Богородского уезда под предводи-

тельством своего односельчанина Герасима Курина 1 октября вступили в настоящий бой с двумя неприятельскими эскадронами и обратили их в бегство, захватив много военного снаряжения. Вильсон писал, что во время пребывания русской армии у Красной Пахры (с 8 по 13 сентября) он был свидетелем того, как крестьяне брали в плен не только фуражиров, но и солдат боевых отрядов армии Наполеона, причем иногда с трофеями в виде пушек, пороховых ящиков и т. п. Свои наблюдения над участием народа в войне с Наполеоном Вильсон заключает таким признанием: «Никогда война гверильясов в Испании не была более успешной и наверное не была столь пагубна для неприятеля».

Не только мужчины, но и женщины активно боролись с захватчиками. Мы уже указывали на «старостиху Василису» и на безвестных крестьянок, участвовавших в партизанских отрядах и не только в роли конвоиров пленных французов. Н. Н. Пущин в своем дневнике отмечает: «замечательно, что даже женщины дрались с ожесточением» и называет 18-летнюю девушку, которая, получив «смертельный удар, обладала настолько присутствием духа и силой, что вонзила нож французу, выстрелив-

шему в нее, и испустила дух, отомстив».

В «Войне и мире» Л. Н. Толстой правильно отметил народный характер войны 1812 года: «Со времени пожара Смоленска началась война, не подходящая ни под какие прежние предания войн. Сожжение городов и деревень, отступление после сражений, удар Бородина и опять отступление, пожар Москвы, ловля мародеров, переимка транспортов, партизанская война, все это были отступления от правил. . . Дубина народной войны поднялась со всей своей грозной и величественной силой, и, не спрашивая ничьих вкусов и правил . . . не разбирая ничего, поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все нашествие».

Кутузов справедливо учел, что Наполеон, не усматривая впереди «ничего другого, как продолжения ужасной народной войны, способной в краткое время уничтожить всю его армию, видя в каждом жителе воина», оставаться долго в Москве не сможет. Надежды Наполеона на мир исчезли. Для дальнейшего наступления не было сил. Русские солдаты и партизаны постоянно прерывали сообщения растянувшейся коммуникации француз-

ской армии, и Наполеон начинал бояться, что он может быть совсем отрезан от Польши и Пруссии. Продовольствия не было. Близилась зима. А между тем отступившая русская армия не только сохранила свою силу, но непрерывно укреплялась. Уйдя из Москвы, она совершила замечательный переход, переправилась через Москва-реку на Рязанскую дорогу, а затем круто повернула на Старую Калужскую дорогу. Кутузов настолько хорошо провел этот фланговый марш, что французы на некоторое время потеряли из виду русскую армию. А тем временем Кутузов занял удобную позицию у села Тарутина, на Старой Калужской дороге, в 75 километрах юго-западнее Москвы. Отсюда, из Тарутина, русские войска установили регулярное сообщение с Калугой, непрерывно получая продовольствие, вооружение и новые пополнения.

Каждый день пребывания Наполеона в Москве ослаблял его силы. Каждый день пребывания Кутузова в Тарутине усиливал русскую армию. К концу второй недели русская армия в Тарутине увеличилась до 80 тысяч человек, а к концу третьей недели — до 100 тысяч. Кутузов не только угрожал отрезать пути отступления Наполеону, но и начал переходить в наступление.

6 октября 1812 г. авангард французской армии, стоявший около Тарутина, был атакован русскими войсками и отступил, потеряв 3 тысячи человек, 36 пушек и знамя. Это был первый успех русского оружия после сдачи Москвы. Он вывел из бездействия Наполеона. Стало ясно, что русская армия переходит к наступательным действиям. Понимая безнадежность своего положения, Наполеон решил отступать.

7 октября 1812 г. началось отступление наполеоновской армии из Москвы. Наполеон собирался итти на Смоленск, где у него были заготовлены склады продовольствия и фуража, но итти не старой дорогой, в конец уже разоренной, а новой, еще не тронутой — через Калугу. Поэтому, выходя из Москвы, он заявил: «Идем в Калугу и горе тем, кто станет на моем пути!»

Двинувшись сперва по Старой Калужской дороге, Наполеон затем внезапно повернул на Новую Калужскую дорогу.

Получив сведения о движении армии Наполеона, Кутузов со всей русской армией перешел от Тарутина к Малоярославцу, чтобы перерезать французам путь к Калуге.

12 октября авангарды обеих армий столкнулись у Малоярославца. Постепенно к ним подошли главные силы и завязался кровопролитный бой. Восемь раз город переходил из рук в руки.

На рассвете следующего дня Кутузов приказал своим войскам отойти от города на $2^1/_2$ версты, чтобы занять более выгодные позиции. Наполеон понял, что если он попрежнему намерен прорваться к Калуге, ему предстоит принять генеральный бой, не менее кровопролитный, чем Бородино. И в первый раз за эту кампанию он повернулся спиной к русской армии, решился перейти из позиции преследующего на позицию преследуемого. На военном совете, который был собран Наполеоном вечером после сражения у Малоярославца, решено было не принимать боя со всей армией Кутузова и отступить на старую Смоленскую дорогу.

Теперь перед русской армией стояла задача организовать преследование отступающего врага.

Партизанское движение разгоралось с еще большей силой. Выдвигались новые и новые руководители партизанских отрядов. Одним из наиболее известных деятелей народной войны этого периода был уже упоминавшийся гусар Елизаветградского полка Федор Потапов, по прозванию Самусь. Раненый в одном из арьергардных боев на Московской дороге, Самусь отстал от своей части и скрывался в окрестных деревнях. Лечась от ран, Самусь все время говорил с крестьянами о бедствиях, постигших отечество, и убеждал их выступить на защиту родины. Слова Самуся находили широкий отклик среди крестьян. Окончательно выздоровев, Самусь организовал партизанский отряд, с которым начал действовать, преследуя отступающую французскую армию. Действия его были столь успешны, что он скоро приобрел широкую известность. Количество участников отряда Самуся непрерывно росло и составило внушительную цифру в 2 тысячи человек. Оружие Самусь отбирал у французов. С течением времени он обзавелся даже пушкой. Много вреда принес Самусь отступающей наполеоновской армии, забирая неприятельских солдат в плен, отбивая обозы и внося своими внезапными налетами панику в ряды противника.

Самусь был не одинок; солдат драгунского полка Ермолай

В. КОЖИНА. («Старостиха Василиса».)
(Государственный исторический музей).

Четвертаков организовал отряд в несколько сот человек крестьян. Действия его были столь успешны, что о Четвертакове заговорили. Обосновавшись в деревне Басманы, он превратил ее в укрепленный лагерь, расставляя пикеты, организовал разведку и провел правильные военные действия. В Сычевском уезде Смоленской губ. громкую славу приобрел крестьянин Семен Емельянов. Старый солдат, участвовавший еще в походах Суворова, он стал начальником партизанского отряда, успешно оперировавшего в Сычевском уезде. В одной из стычек с французами, пронзенный шестью пулями, он погиб. В Калужской губ. народная война приняла такие размеры, что, по выражению современника, «губерния походила более на воинский стан». Действия партизан особенно развернулись в Московской и Смоленской губерниях и в ближайших к ним уездах. Жители их организовывали отряды, производили разведки, уничтожали отдельные отряды неприятеля.

Армия Наполеона отступала к Смоленску. Кутузов шел параллельным маршем, имея в авангарде корпус Милорадовича. 20 октября Наполеон был уже в Вязьме. Здесь он получил известие о том, что генерал Гувион-Сен-Сир вытеснен из Полоцка русскими войсками. Это заставило Наполеона ускорить отступление. В Смоленск Наполеон прибыл 28 октября. Здесь его армию постиг неожиданный удар: заготовленного продовольствия оказалось значительно меньше, чем рассчитывал Наполеон. Дав солдатам кое-как отдохнуть, Наполеон двинулся из Смоленска дальше на запад. Кутузов следовал за ним по пятам, постоянно тревожа его короткими ударами с флангов. Крестьянские отряды продолжали свою губительную для отступающей наполеоновской армии деятельность. Наполеон торопился, так как с севера и юга к Березине надвигались русские войска под командой Витгенштейна и Чичагова, грозившие отрезать французам путь отступления. Искусным маневром, обманув Чичагова, Наполеон с большими потерями перешел через Березину.

Наступили дни агонии наполеоновской армии. После перехода через Березину начались жестокие морозы, доходившие до 20—25°. Совершенно измученные и голодные французы массами гибли от холода. 23 ноября в Сморгони Наполеон простился с маршалами, передал командование Мюрату, покинул

армию и уехал во Францию. Когда в Вильне герцог Бассано задал Наполеону вопрос об армии, он получил короткий, но выразительный ответ Наполеона: «Армии нет».

Остатки наполеоновской армии, преследуемые Кутузовым, бежали на запад. К 30 ноября французы подошли к Ковно. Оставалось несколько километров до русской границы. 2 декабря 1812 г. вечером арьергард маршала Нея, состоявший из нескольких сот человек, последним перешел через р. Неман и вступил на прусскую территорию. В течение декабря переходили границу последние разрозненные кучки французов. Всего из России ушло около 30 тысяч человек. Это было все, что осталось от полумиллионной армии Наполеона.

Жертвы, понесенные русским народом, были велики. Но когда последний неприятельский солдат был выброшен из пределов России, народ почувствовал глубокое удовлетворение: целостность и независимость родины были сохранены его мужеством, его волею к победе и беспримерными подвигами. Вся страна с радостью и гордостью читала приказ Кутузова по армии, изданный 31 декабря 1812 г. и начинавшийся такими словами: «Храбрые и победоносные войска! Наконец, вы — на границах империи. Каждый из вас есть спаситель отечества. Россия приветствует вас сим именем. Стремительное преследование неприятеля и необыкновенные труды, подъятые вами в сем быстром походе, изумляют все народы и приносят вам бессмертную славу».

Поражение Наполеона в России стало началом конца всей его империи. Рана, полученная им, оказалась смертельной. Через год с небольшим империя Наполеона прекратила свое существование. С глубоким облегчением вздохнули народы Европы, узнав о том, какой удар получил Наполеон в России. Огненная Европа была избавлена от наполеоновского владычества.

Теперь снова, как сто с лишним лет назад, над Родиной нашей нависла серьезная опасность. Наш великий народ, в Октябре 1917 г. сбросивший с себя власть помещиков и капиталистов, в упорных и жестоких боях гражданской войны отстоявший свою свободу и независимость, свои революционные завоевания, и достигнувший затем героическим трудом невиданных успехов во всех областях социалистического хозяйства и культуры, подвергся злодейскому нападению со стороны

кровавых фашистских псов. Озверелый враг ставит своей целью захват наших земель, нашего хлеба и нашей нефти, он ставит своей целью восстановление царизма и власти помещиков, разрушение национальной культуры и национальной государственности свободных народов Советского Союза. Дело идет, как сказал товарищ Сталин, о том — «быть народам Советского Союза свободными, или впасть в порабощение».

Но фашистам не удастся достигнуть своих гнусных, каннибальских целей. Весь наш могучий двухсотмиллионный народ как один человек поднимается против коварного и вероломного врага. По призыву своего вождя великого Сталина страна быстро перестраивает всю свою жизнь, всю свою работу на военный лад, подчиняя все интересам фронта и задачам организации разгрома врага.

Война идет не только между армиями. Весь советский народ стеною встал против немецко-фашистских войск в этой великой отечественной войне, целью которой является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь народам Европы и Америки, борющимся против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера.

Война носит подлинно всенародный характер. Об этом говорит создание мощного добровольческого Народного ополчения, в ряды которого десятками и десятками тысяч вступают патриоты всех возрастов, рабочие, крестьяне, интеллигенты. Об этом говорят отважные и самоотверженные партизанские действия советских людей в тылу у врага, на временно захваченных им территориях, ставящие его в невыносимое положение. Об этом говорит та повседневная действенная поддержка, которую население прифронтовых районов оказывает доблестным бойцам Красной Армии в борьбе с наглым врагом, с его диверсантами, шпионами, парашютистами. Об этом говорят стахановские подвиги рабочих и колхозников.

Красная Армия героически отстаивает каждую пядь родной, священной советской земли, нанося врагу сокрушительные удары. Сотни тысяч вражеских солдат уже нашли на нашей земле свою могилу. Отпор советского народа врагу крепнет и растет день ото дня. Союз Советов уверенно идет к своей победе.

Товарищ Сталин в своем историческом выступлении 3 июля, разоблачая нелепые хвастливые уверения фашистских пропагандистов о «непобедимости» немецко-фашистских войск, сказал:

«История показывает, что непобедимых армий нет и не бывало. Армию Наполеона считали непобедимой, но она была разбита попеременно русскими, английскими, немецкими войсками. Немецкую армию Вильгельма в период первой империалистической войны тоже считали непобедимой армией, но она несколько раз терпела поражения от русских и англо-французских войск и наконец была разбита англо-французскими войсками. То же самое нужно сказать о нынешней немецко-фашистской армии Гитлера. Эта армия не встречала еще серьезного сопротивления на континенте Европы. Только на нашей территории встретила она серьезное сопротивление. И если в результате этого сопротивления лучшие дивизии немецко-фашистской армии оказались разбитыми нашей Красной Армией, то это значит, что гитлеровская фашистская армия также может быть разбита и будет разбита, как были разбиты армии Наполеона и Вильгельма».

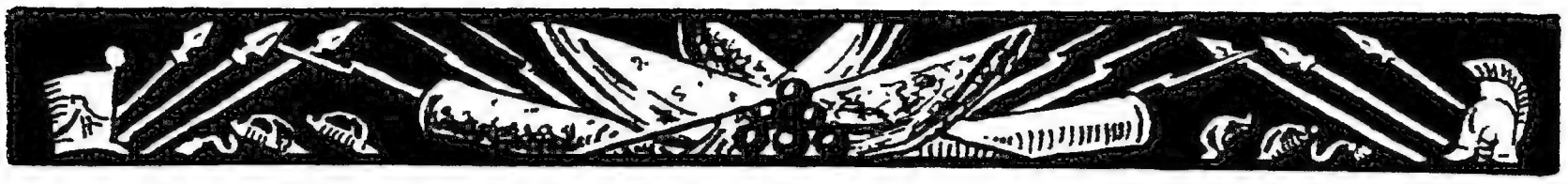
Тесно сплоченный вокруг Коммунистической Партии и Советского Правительства, вокруг Сталина, великий и могучий советский народ разгромит врага и освободит человечество от кровавого фашистского кошмара.

8 VII 1941.

ДОКУМЕНТЫ
И
МАТЕРИАЛЫ

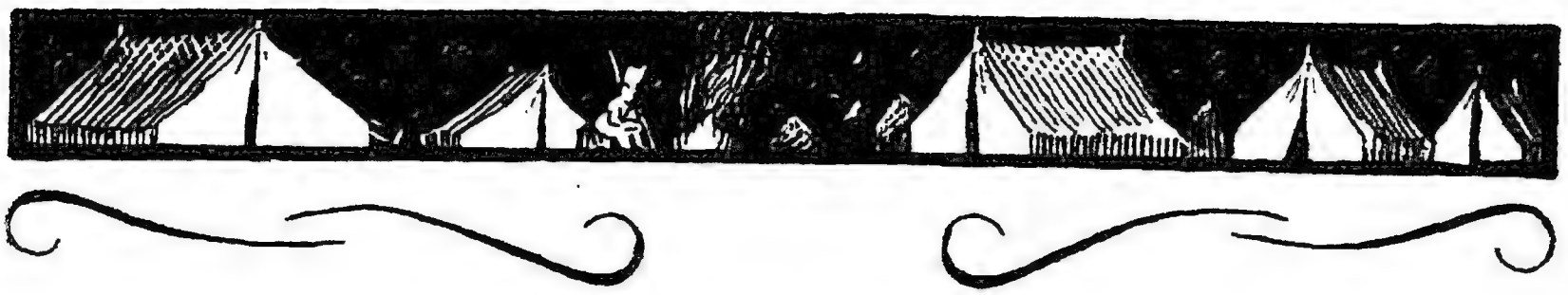
М. И. ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ.

С портрета работы Дау. (Государственный Эрмитаж.)



ХРАБРЫЕ И ПОБЕДОНОСНЫЕ ВОЙСКА! НАКОНЕЦ ВЫ — НА ГРАНИЦАХ ИМПЕРИИ. КАЖДЫЙ ИЗ ВАС ЕСТЬ СПАСИТЕЛЬ ОТЕЧЕСТВА. РОССИЯ ПРИВЕТСТВУЕТ ВАС СИМ ИМЕНЕМ: СТРЕМИТЕЛЬНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ НЕПРИЯТЕЛЯ И НЕОБЫКНОВЕННЫЕ ТРУДЫ, ПОДЪЯТЫЕ ВАМИ В СЕМ БЫСТРОМ ПОХОДЕ, ИЗУМЛЯЮТ ВСЕ НАРОДЫ И ПРИНОСЯТ ВАМ БЕССМЕРТНУЮ СЛАВУ...

Из приказа М. И. Кутузова по русской армии 31 декабря 1812 г., после изгнания наполеоновской армии из России.



I

ПОДГОТОВКА НАПОЛЕОНА К ВОЙНЕ С РОССИЕЙ

1

1811 г. августа 5. — Из донесения А. И. Чернышева Н. П. Румянцеву из Парижа о военных приготовлениях Наполеона.

...Деятельность во всех частях военного управления изумительна. Все, как уверяют, должно быть готово к 15-му сентября, к тому времени, когда предположена поездка императора в Голландию и в Гамбург. Трудно предвидеть, какие произойдут от того последствия, но все дает повод опасаться, что не только нельзя избегнуть войны, но даже и отсрочить. После получения депеш, привезенных из Петербурга двумя последними курьерами, французским и русским, приготовления к войне не только не уменьшились, но увеличились. Император сделал большие производства по армии... Немногие из генералов назначены в Испанию, остальные назначены начальниками крепостей в империи, вакантных бригад и на другие должности в северной армии. Маршалы Удино и Ней уже 8 дней как получают жалованье генералов, начальствующих над корпусами большой армии... Устройство администрации для большой армии окончено, лица назначены, многие части уже отправлены, другие получили приказание быть готовыми, огромные магазины с запасами устроены в Магдебурге, Гамбурге и преимущественно в Везеле. Из последнего перечня, который я отправил в Петербург, ваше сиятельство могли заметить увеличение сил внутри империи, независимо от конскриптов, отправленных в Испанию и другие корпуса, находящиеся вне пределов Франции. В настоящее время, не

довольствуясь обыкновенною конскрипциею, собирают еще недобранных конскриптов 1811 г. или резерв, и речь идет уже о конскрипции за 1812 г...

Сб. РИО, т. 21, стр. 221—222.

2

1810 г. марта 14. — Предписание М. Б. Барклая де-Толли К. И. Опперману о выборе мест для укрепленного лагеря и крепостей на западной границе.

Государь император высочайше указать соизволил, чтоб ваше превосходительство отправились, как возможно наискорее, в Витебск, где, обозрев все окрестности, должны вы избрать около Будилова выгоднейшее местоположение для укрепленного лагеря, по числу войск 30 тыс. человек с провиантскими запасами на 2 или 3 месяца, и начертать, сообразно выгодам того места, предположения ваши разбросанным полевым укреплениям со взаимною обороною.

По исполнении сего отправитесь для осмотра нужного пространства земли по течению Днепра до самого Киева; на сем протяжении назначьте выгоднейшее место для построения крепости, которая бы служила хранилищем запасов и к гос-подствованию нашему выше Киева обоими берегами Днепра для верного сообщения между Будиловым и Киевом. По сему предмету вы должны обратить внимание ваше на Рогачев и Старый Быхов. Как сим местам, равно и Будилову, имеются уже планы, нивелирование мест и прожекты покойного ген.-кварт. Боура, то сие весьма может облегчить труды ваши и ускорить выполнение вашего поручения.

Для выиграния времени и сбережения издержек крепость можно строить без каменной одежды, но штурмовые и другие палисады, фугасы и магазины для съестных и воинских припасов необходимо нужны. Сии последние для большей безопасности не должно вмещать в больших зданиях, но, сколько возможно будет, в разных особливых местах, отделенных одно от другого. Его и. в. уверен, что ваше превосходительство поспешите со всею возможностию доставить нужные прожекты и планы, чтобы немедленно с начала весны приступить уже к работам.

Высочайшее намерение есть поручить построение новой крепости ген.-м. Фелькерзаму, но как сей генерал еще находится при армии ген.-от-кав. Тормасова, то даны сему последнему нужные повеления, дабы ген.-м. Фелькерзам немедленно к вам явился в Киев для получения от вас наставлений. До прибытия же его ваше превосходительство не только вообще управ-

лять будете работами в Будилове и Киеве, но и особенно в новостроящейся крепости. Способных к исполнению сего поручения инженер-офицеров ваше превосходительство назначьте сами по соразмерности, сколько их ныне и впредь нужно будет.

Свиты его и. в. по квартирмейстерской части полковнику Вистицкому 3-му препоручено подробное обозрение пространства по меньшей мере от Минска до Витебска, начертание важнейших позиций и построение укреплений в окрестностях Будилова и сильно укрепляемых форпостов при Бобруйске и Борисове. Но дабы намерение его величества не так скоро сделалось известным, то ему сперва токмо предписано отправиться в Витебск с некоторыми офицерами свиты его и. в. Там уже получит он чрез нарочного курьера приложенный при сем в копии ордер.

Для всех работ, в которых только можно употреблять солдат, командировано будет нужное число баталионов и назначается сменять их помесячно. Вследствие сего ваше превосходительство означите в представляемом вами прожекте нужное число работников, наблюдая, чтоб оные в день 2 или 3 раза сменялись. Относительно распространения и усиливания крепостей Риги и Киева дожидаюсь в непродолжительном времени надлежащего выполнения по ордеру моему, данному вашему превосходительству секретно от 5 марта под № 46. Если ваше превосходительство найдете, что, сверх командированных пионерных рот, потребны были б еще другие, то уведомите меня о том заблаговременно.

Весьма полезно для уменьшения издержек, чтоб кирпич и известь приготовляемы были от самой казны, для чего можно командировать должное число людей из гарнизонов. По важности экономического предмета, ваше превосходительство всевозможное обратите на то внимание в представляемых вами прожектах.

В заключение присовокупляю, что все сии предположения должны пребыть в непроницаемой тайне и никому, кроме вас, не быть известными. Высочайшая воля его и. в. состоит в выполнении сего поручения в самом непродолжительном времени, почему вы и должны всегда доставлять мне все сведения не токмо о успехе, но и о предположениях ваших, дабы я мог заблаговременно делать все нужные распоряжения для содействия вам к скорейшему оных окончанию. Для путевых издержек и отправления нужных курьеров ваше превосходительство получите из Комиссариата 3 тыс. руб. О расходе их представлять будете следуемые отчеты и, в случае недостатка, требовать от меня нового отпуска денег. Его и. в. с совершенною доверенностию к известным вашего превосходитель-

ства познаниям и ревности на пользу службы ожидает наилучшего и совершенного успеха в исполнении чрез вас высочайшей своей воли.

P. S. В дополнение всего вышесказанного присовокупляю еще, что крепость, вновь построить предполагаемая, со временем может быть еще и более обделана и будет состоять в числе тех, кои составят вторую нашу оборонительную линию, следственно, со временем может быть обделана каменною одеждою.

Материалы, т. I, ч. 1, стр. 21—23.

5

1812 г. апреля 1. — Из приказа П. И. Багратиона по 2-й Западной армии об отправке в тыл «излишних тяжестей» и офицерских и солдатских жен.

... Гг. корпусным командирам предписываю с получения сего все палаточные ящики из полков вверенных им корпусов и все излишние тягости отправить без и малейшего замедления в город Житомир, где сдать по описи бригадному командиру 5-го округа внутренней стражи полковнику Зелепуге и взять в принятии квитанцию, лошадей же под палаточными ящиками возвратить к полкам. Офицерских жен, кто не имеет собственного дому, отправить в Житомир, предоставя, однако, офицерам отправлять и в другие города вовнутрь России. Офицерские жены могут иметь при себе денщиков их мужей, которых снабдить аттестатами о даче оным провианта и жалованья. Из солдатских жен оставить при полках необходимо нужное число прачек, а прочих, с находящимися при полку солдатскими детьми, снабдя их для получения положенных по штату пайков аттестатами с именными об их списками, отправить в Житомир, где и должны они явиться к полковнику Зелепуге. Гражданский же губернатор, быв предварен мною о доставлении им всех законами определенных выгод, назначит для пребывания как офицерских, так и солдатских жен уездный город по своему рассмотрению.

Подлинный подписал: ген.-от-инф. кн. Багратион.

Бумаги Щукина, ч. IX, стр. 21—22.

4

Из записок К. Клаузевица о Дрисском лагере.

...[Автору] было поручено съездить в Дриссу, чтобы посмотреть, насколько продвинулись там работы и одновре-

менно наметить на пути туда подходящие места для биваков.

Автор в сопровождении русского фельдъегеря отправился туда 23 июня. Когда он прибыл в Дриссу, офицер, руководивший там работами, готов был увидеть в нем шпиона, так как он не мог предъявить никакого документа, кроме написанного на французском языке приказа ген. Фуля, на которого в армии не смотрели как на начальство. Все же автору удалось рассеять эти подозрения, и он получил разрешение осмотреть лагерь. Этот инцидент наглядно показал автору то, чего он в общем опасался, а именно, что положение ген. Фуля приведет лишь к ряду унизительных недоразумений и вызовет крайне опасное замешательство. Автор нашел укрепления лагеря расположенными по системе, изобретенной самим ген. Фулем. Наружный пояс состоял из ряда окопов для стрелков; шагах в пятидесяти или ста позади находился ряд укреплений, попеременно открытых и сомкнутых; первые предназначались для батарей, вторые для отдельных батальонов, которые должны были прикрывать эти батареи. Позади этого полукруга, в 500 или 600 шагах, находился второй ряд сплошь сомкнутых укреплений, которые должны были играть роль резервной позиции; наконец, в центре, в 3-й линии, помещалось укрепление несколько большего размера, своего рода редюит, предназначенный для прикрытия отступления.

Хотя эта система была, очевидно, чересчур искусственна, число отдельных укреплений слишком велико и вся система в целом, казалось, была придумана без достаточно практического смысла, тем не менее оборона этого укрепленного лагеря значительной массой войск, при хорошо известной храбрости русского солдата, позволяла ожидать очень упорного сопротивления. Более того, можно с уверенностью утверждать, что если бы французы вздумали непременно овладеть лагерем с фронта, то они разбились бы о него, не достигнув своей цели. Укрепления имели хороший профиль, но грунт был песчаный; при этом никто не подумал об усилении позиции посредством сооружения искусственных препятствий: палисадов, засек, волчьих ям и т. п., и с этой стороны лагерь оставлял желать многого. Автор побудил штаб-офицера, руководившего этими работами, задуматься над дополнительным усилением лагеря и тотчас же приступить к возведению искусственных препятствий. Из семи мостов еще ни один не был построен, а так как офицер, руководивший этими работами, не обладал ни опытом, ни знаниями в этой области, то он сознался автору в своем затруднительном положении, добавив, что при многообразии размеров собранных для этой цели судов и лодок он не знает, как выполнить эту работу. Автор

обратил его внимание на те вспомогательные средства, которые можно использовать в подобных случаях, и обещал похлопотать о присылке военного инженера, который возьмется за эту работу.

На месте автору бросилось в глаза, как наиболее существенный недостаток Дрисского лагеря, это полное отсутствие каких-либо укреплений на правом берегу Двины. Городок Дрисса лежал против крайнего левофлангового опорного пункта, но как поселок, состоящий из деревянных домов, не обнесенный стеною, не обладал ни малейшей обороноспособностью. Позади моста не было ничего, что представляло бы какую-либо защиту; все продовольственные запасы, состоявшие преимущественно из огромного количества мешков с мукою, были навалены под простыми навесами, не имевшими боковых стен, и, следовательно, столь же легко могли быть уничтожены пожаром, как и приведены в негодность непогодой.

Мысль Фуля заключалась в том, чтобы из 120 тыс. человек, которые по его предположению должны здесь сосредоточиться, 50 тыс. оставить в укрепленном лагере, что было совершенно достаточно для защиты его, а остальными 70 тыс. встретить ту часть неприятельских сил, которые переправятся через реку для атаки лагеря с тыла. Если бы неприятель переправился через реку с чрезмерно большими силами и, таким образом, чересчур ослабил бы себя на левом берегу, то Фуль намеревался двинуться с превосходными силами из лагеря и атаковать эту ослабленную часть неприятельской армии. Все преимущество, предоставляемое лагерем, заключалось бы, следовательно, в том, что русские располагали бы более коротким и удобным сообщением между тем и другим берегами реки, в то время как неприятель, вероятно, был бы вынужден поддерживать связь между двумя частями своей армии при помощи одного моста, и притом несколько удаленного. Вместе с тем, что бесспорно, это преимущество не могло иметь решающего значения; на нем никак нельзя было основывать расчет на успех боя 120 тыс. человек, вовсе лишенных пути отступления, с превосходными силами противника. Кроме того, для таких наступательных действий на любом из берегов реки надо было, чтобы местные условия этому благоприятствовали; но местность перед фронтом позиции на левом берегу реки не отвечала этому требованию, так как лагерь был здесь окружен болотом и лесами, не допускавшими даже обзора сил противника; кроме того, необходима была известная возможность обороны и на другой стороне реки для того, чтобы в случае перехода в наступление на левом берегу можно было обеспечить небольшим отрядом свои магазины на правом; последнее обстоятельство

исключалось, так как местность была ровная и на ней не имелось ни следа каких-либо окопов. Если бы русские сами добровольно не покинули этой позиции, то они оказались бы атакованными с тыла, и безразлично, было бы их 90 тыс. или 120 тыс. человек, они были бы загнаны в полукруг окопов и принуждены к капитуляции.

Фуль остановился на этой идее укрепленного лагеря, так как вследствие своей односторонности он ничего лучшего придумать не мог; сражение в открытом поле при неравенстве сил не сулило успеха; он поэтому стремился добиться равновесия при помощи более искусственной, более сложной обороны. Но, как это часто бывает при стратегическом маневрировании, он не исследовал основательно тех причин, от которых ждал известных результатов. Не включая в свой план никакого нового принципа, повышающего сопротивление, он отказался от простейшего пути непосредственной обороны и избрал более сложный путь, который мог привести русскую армию к опаснейшей и немедленной катастрофе. Русская армия избегла этой опасности лишь благодаря чрезмерной неловкости и слабохарактерности Фуля, которые похоронили его план раньше, чем он успел вызвать катастрофу...

Клаузевиц, стр. 39—42.

5

1812 г. мая 1. — Письмо русского посла в Австрии гр. Г. О. Стакельберга П. И. Багратиону о наполеоновских шпионах, направляемых в Россию.

По секрету.

По дошедшим ко мне известиям уведомился я, что 42 человека французов, знающих говорить по-русски, назначены прокрасться в нашу армию в виде эмиссаров. 12 человек должны отправиться, тому уже месяц, в Константинополь. Некто известный Марго, также француз, который по уверению (доставившего мне сие известие) находился в Эрфурте во время пребывания там государя императора и которому предлагали переселиться в Россию, как искусному в гидравлике, должен уже уехать или приготовляется к отъезду из Парижа. Он назначен французским правительством к управлению скрытыми происками вышеозначенных лазутчиков. Хотя нельзя быть уверенным, чтобы сие простое известие

было совершенно правдоподобно, но я долгом почел довести сие до сведения вашего сиятельства.

Ахлестышев, стр. 32—33.

6

Из воспоминаний И. П. Радожицкого о наполеоновских шпионах.

... Стали ловить в Несвиже [1] шпионов, являвшихся под видом комедиантов, фокусников, странствующих монахов и тому подобных. Кажется, в правилах великого Наполеона было пред начатием войны с каким-либо государством впускать в него сперва легионы шпионов и зажигателей, которые приуготовляли и расчищали путь для его победоносного воинства.

Наиболее этих шпионов являлось тогда под видом землемеров, или по-польски — коморников, которые, попеременно с нашими офицерами квартирмейстерской части, снимали ситуацию окрестностей Несвижа инструментально. Я это заметил особенно по одному случаю. Мне назначили в городе для перемены другую квартиру. Со вступлением моим за порог в новое жилище представился мне коморник, окруженный математическими инструментами и планами. Я предложил ему, чтобы он очистил квартиру... и в удостоверение представил на лицо десятника еврея. Коморник отвечал мне по-польски, неловким наречием, что он квартирует тут с позволения кн. Р. [2] и не позволит себя согнать с места никому. Разговор у нас сделался живее; устрашенный десятник еврей убежал, а польский коморник превратился во француза... Догадавшись, каков был гость, я поспешил к своему командиру; но покуда отыскали городничего, коморник исчез, не оставив лоскута бумаги на месте.

Между тем как шпионы разгуливали в пограничных местах Европейской России и поджигали в городах лучшие здания, кабинеты союзных держав находились в чрезвычайной деятельности, истощая всю тонкость дипломатики для утверждения политических прав своих государей, и два могущественные государя-соперника грозно сближали свои воинства к пределам подвластных им земель...

Радожицкий, стр. 7—8.

---

[1] До войны часть, в которой служил автор записок, была расположена в Несвиже. — *Ред.*

[2] Кн. Радзивил. — *Ред.*

7

1812 г. июня 3. — Письмо А. П. Тормасова И. В. Гудовичу из Дубно о наблюдении за отправившимися в Москву французскими купцами.

Секретно.

Милостивый государь, граф Иван Васильевич!

Конечно, не безызвестно было вашему сиятельству, что французское правительство намеревалось прислать в российские города тайных комиссионеров под именем купцов. Теперь прибыли из-за границы швейцарские уроженцы купцы с пашпортами за подписанием государственного канцлера: Каспар Вебер № 4590, Иоган Шейн № 1244, Петр Вебер № 4591, Георг Кристиан Гейдер № 1243, которые, будучи по моему приказанию пропущены в Россию, отправились в Москву. Почему и считаю себя обязанным известить о сем вашего сиятельства, дабы московская полиция по приказанию вашему могла б иметь над ними строгое наблюдение. Честь имею пребыть с истинным почтением и совершенной преданностью, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейший слуга Александр Тормасов.

Бумаги Щукина, ч. II, стр. 59.

8

1812 г. июля 8. — Предписание А. Н. Голицына Петербургскому цензурному комитету по поводу проверки иностранцев.

Управляющий Министерством полиции г. ген.-от-инф. Вязмитинов сообщил мне высочайшее его и. в. повеление, чтобы о всех вообще иностранцах, как в столицах и губернских городах, так и в прочих местах Российской империи находящихся, сделать следующий разбор.

1. Из иностранцев в каждой губернии оставить тех только, в благонадежности коих начальник оной совершенно уверен и приемлет на себя точную ответственность в том, что они ни внушениями личными, ни переписками или другими какими сношениями не могут подавать повода к нарушению спокойствия или к совращению с пути порядка российских подданных, о каковых иностранцах прислать Министерству полиции немедленно списки. Между тем о тех из них, кои находятся в службе нашей, взять свидетельства от их начальств в тех же отношениях, кои выше в сей статье означены, и свидетельства сии равномерно доставить Министерству полиции, с замечаниями начальников губерний.

2. Всех тех иностранцев, кои окажутся неблагонадежными и сомнение наводящими, выслать за границу.

3. Тех же из них, коих высылка сочтется по усмотрению начальников губерний невместною по уважению, что они разглашениями своими в иностранных государствах известных им внутренних наших положений и обстоятельств могут подать повод к неблагоприятным или вредным для России последствиям, выслать их в разные российские города по усмотрению Министерства полиции.

При том государю императору благоугодно, чтобы мера сия, по обстоятельствам толико нужная, приведена была в действо со всевозможною поспешностию. Вследствие чего предлагаю на основании вышеизъясненной высочайшей воли немедленно учинить разбор находящимся в Цензурном комитете иностранцам, с объяснением о каждом по приложенной у сего форме.

P. S. Иностранцы, присягнувшие прежде на подданство России, не подлежат разбору.

Управляющий Министерством просвещения кн. Александр Голицын.

Директор Мартынов.

Бумаги Щукина, ч. X, стр. 369—370.

1812 г. октября 9 — Донесение М. И. Кутузова Александру I с приложением показаний шпиона А. С. Платера.

Вашему и. в. всеподданнейше доношу, что содержащегося на Дону под караулом польского уроженца гр. Платера, который по собственному признанию въехал в прошедшем году с несколькими товарищами в Россию, по поручению своего начальства, проехал от Радзивилова в Москву, а оттоль в Архангельск, в Вологду, в губернии: Калужскую, Тульскую, Орловскую, Курскую, Воронежскую, Тамбовскую, Рязанскую и по другим разным местам внутрь России, снимал положения городов, рек, переправ, замечал, есть ли где укрепления, имеют ли крестьяне оружие, находятся ли по селам довольные запасы хлеба и прочее, приказал я доставить ко мне, сковав, за строгим присмотром для взятия здесь с него подробнейших объяснений, кои могут открыть еще важнейшие разведывания неприятеля о России прежде обнаружения неприязненных противу нее видов. Причем на высочайшее благоусмотрение вашего и. в. всеподданнейше представляю у сего копию с поданного означенным гр. Платером рапорта.

Объявление содержащегося под караулом польской службы от кавалерии полковника гр. Александра Семенова Платера прокурору

Войска донского Александру Карловичу Арнольди. 23 сентября 1812 г.

Поданное от меня войска донского во 2-е донское сыскное начальство объяснение неправильное, что я российской службы офицер и паспорт фальшивый, а я действительно заграничный уроженец и природный граф и польской службы легкой кавалерии шашерского (?) полка имени ген.-м. и кавалера Рожневского полковник, отправленный по высочайшему повелению варшавского герцога с прочими чиновниками для обозрения России под видом российских офицеров, с отставными указами тех офицеров, кои находятся принятыми во французскую службу, в коем числе и я находился под видом отставного прапорщика Осипа Иванова сына Збиевского. И нахождение мое в России с прошлого 1811 г. мая с 1-го числа, переправясь в Радзивилове через границу, и прямо в столичный город Москву, а оттуда чрез Вологду в город Архангельск и обратно в Москву, а после в разные губернии, а именно: Калужскую, Тульскую, Орловскую, Курскую, Воронежскую, Тамбовскую, Рязанскую, из коей и отправлен мною геометр Крестковский с донесением маршалу Домбровскому, что в означенных губерниях никаких укреплений нет, и провианта достаточно в сельских магазинах. А оттуда я с маиором Пикорнелем, который был под названием отставного сержанта, за паспортом ген.-от-инф. Розенберга Степана Степанова сына Бутовского, и отправились под предлогом бедных офицеров, якобы для приискания себе места в Нижний-Новгород, Пензенскую и Оренбургскую губернии. И той губернии в Карсунском уезде я, сделавшись болен, принужден возвратиться в отечество чрез Симбирскую губернию и город Сызрань. И на Усть-Самаре, переправясь через реку Волгу, где поблизости Самары я с сотоварищем ограблены разбойниками. Бывшие у нас деньги и паспорты теми разбойниками отобраны, почему мы нашли, не упомню близ какого-то селения, в кабаке целовальника, который и написал мне и товарищу паспорты, которые находятся в сей канцелярии при деле, с коими мы и отправились в город Царицын, из коего прибыли в Качалинскую станицу, где я взят под караул атаманом Варламовым, а товарищ мой бежал в нашу армию, так как мы имели намерение к оной соединиться. По нахождению моему в России и товарищи мои никаких законам противных поступков не делали, кроме, соблюдая подданническую присягу, возложенную на нас комиссию исполняли, как то: снимали модель с переправ на реках, городов и полей и рассматривали, есть ли у крестьян оружие, и в каком крестьяне об нашем императоре мнении, и есть ли армия внутри России. Находившие же при нас бумаги некоторые остались у означенного маиора Пикорнеля, а которые были при мне, то я

оные, когда взят под стражу, бросил на переправе в Трех-Островянской станице в Дон. В российской службе я никогда не был, а наперед сего находился в свите полномочных министров кн. Тятвейки и гр. Велегурского, находившихся при всероссийском императорском дворе. Войсковой же канцелярии я не объявил по причине той, чтоб не был план пресечен нашим войскам, которые расположены будут на зимние квартиры в губерниях: Рязанской, Тамбовской, Воронежской, Орловской, Тульской и Калужской, а хотел лично объяснить российскому императору. Всего же я объяснить не могу в рассуждении дальнего моего путешествия по России, и будь за нужное поставлено будет, то я в дополнение объяснить имею. Касательно же до меня, то я действительно природный святой империи Римской граф и легионов маршала 2-го Домбровского, шашерского имени ген. Рожневского полка полковник, почему и прошу по состоянию чина и достоинства дать мне пристойное содержание, за которое император мой по подписании ратификации удовлетворит. К сему объяснению польской службы полковник гр. Александр, гр. Семенов, гр. Платер руку приложил.

К сему дополняю, что означенному майору Пикорнелю паспорт был написан таковой же на имя сержанта Бутовского и тем подписан целовальником, вместо ген.-от-инф. Розенберга, который от меня отлучился из Качалинской станицы августа 5-го числа. Гр. Платер.

Сб. ист. матер., вып. X, стр. 68—70.

10

Из рассказа гравера Лаля Иосифу Бонапарту о подделке им ассигнаций в Париже в 1810 г.

... Лаль рассказывает, что после приостановки этой первой работы [1] его снова призвали в Министерство полиции, где начальник отделения г. Демаре объявил, что ему хотят поручить важную работу, требующую такой же тайны, как и первая. Она будет сложнее, но представит то удобство, что ее можно будет раздробить на части, так чтобы второстепенные участники дела не поняли, в чем оно заключается. На этот раз приходилось подделать русские ассигнации и банковые билеты. Эти цветные бумажки были плохо гравированы, типографические буквы их дурны, но подписи чрезвычайно сложные. Зато их можно было гравировать крепкой водкой и притом довольно быстро. Принялись за дело. Когда десять гравированных досок выходило из рук Лаля, то их относили в

[1] Т. е. подделки английских банковых билетов. — *Ред.*

типографию г. Мало, в Вожирардской улице, № 26, близ военного провиантского магазина, в обширном здании, нанятом Министерством, где и поместили 23 станка для гравирования на меди; работа производилась ежедневно до 11 часов вечера...

Менее нежели в 3 месяца было награвировано более семисот досок. Число оттисков должно быть значительно, так как работа продолжалась до эпохи неудач французской армии в России. Готовые бумажки бросали на пол в комнату, наполненную пылью, и переворачивали во всех направлениях кожаной метелкой. Таким образом, они делались мягкие, принимали пепельный оттенок и выглядели как бы перешедшими через многие руки. Затем их складывали в связки и отсылали тотчас же в министерство...

Histoire intime du Second Empire par le v-te de Beaumont Vassy. Paris, 1874, p. 68—70.

II

ПЕРЕХОД АРМИИ НАПОЛЕОНА ЧЕРЕЗ НЕМАН И ПЕРВЫЕ ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ

11

1812 г. июня 10. — Приказ Наполеона при переходе армии через Неман.

Солдаты! Вторая польская война началась. Первая окончилась в Фридланде и в Тильзите. В Тильзите Россия поклялась быть в вечном союзе с Франциею и в войне с Англиею. Ныне она нарушает свои клятвы. Она не желает дать никакого объяснения в странных своих поступках, покуда французские орлы не отойдут за Рейн и тем не покинут своих союзников на ее произвол. Россия увлечена роком. Судьбы ее должны свершиться. Не думает ли она, что мы переродились? Или мы более уже не солдаты Аустерлица? Она постановляет нас между бесчестием и войною. Выбор не может быть сомнителен. Идем же вперед, перейдем Неман, внесем войну в ее пределы. Вторая польская война будет для французского оружия столь же славна, как и первая. Но мир, который мы заключим, принесет с собою и ручательство за себя и положит конец гибельному влиянию России, которое она в течение пятидесяти лет оказывала на дела Европы.

В нашей императорской квартире в Вилковишках, 22 июня 1812 г.

Наполеон.

Р. Ст., 1877, № 2, стр. 307.

12

1812 г. июня 13. — Рапорт Лаврова М. И. Платову о переходе армии Наполеона через Неман.

Копия. Секретно.

Начальнику иррегулярных войск г. ген.-от кав. и кавалеру Платову.

От начальника Главного штаба ген.-л. Лаврова.

От начальника 2-го корпуса ген.-л. Багговута получен от 12-го числа сего месяца к г. главнокомандующему рапорт, что неприятель сделал на нашу сторону того числа переправу выше Ковны верстах в шести ниже местечка Понемуни. Пехота переправляется перевозными лодками, и малая часть кавалерии уже на нашей стороне, а пехоты много и заняла лес по берегу над рекой. С казаками была уже перестрелка, с правой стороны у него слышно было 4 пушечных выстрела, но где, в каком месте, неизвестно. Неприятель наводит, где переправа, понтонный мост. Его высокопревосходительство приказал о сем известить ваше высокопревосходительство, дабы приказали собрать всех казаков и действовали вправо.

Подлинное подписал начальник Главного штаба ген.-л. Лавров.

Верно: ген. Платоф.

№ 128. Июня 13, 1812 г. Главная квартира город Вильно, в 3 ч. утра.

Получено в Гродне 14 июня в 3 ч. пополуночи.

Бумаги Щукина, ч. VIII, стр. 181—182.

13

Из воспоминаний П. А. Тучкова о начале военных действий.

Перед началом кампании 1812 г. я был бригадным генералом 2-й бригады 17-й пехотной дивизии. Бригаду мою составляли Белозерский и Вильманстрандский пехотные полки. Бригада находилась, как и вся дивизия наша, во 2-м пехотном корпусе, под начальством ген.-л. Багговута. Корпус расположен был близ местечка Янова, по правому берегу реки Вилии. Бригадная моя квартира была в селении Забелине, принадлежащем гр. Воловичу.

Хотя все уверены были, что война с французами неизбежна, ибо знали, что Наполеон сам прибыл уже к войскам своим, приближавшимся к границам нашим, но приезд в Вильну адъютанта его ген. Нарбонна и отъезд ген.-адъютанта Балашова к Наполеону подавали какую-то надежду, что начавшиеся переговоры могут отклонить, по крайней мере на некоторое время, военные действия, как вдруг 13-го числа июня,

в 3 или 4 часа пополудни, получаю я повеление от ген. Багговута, чтобы без малейшей медленности с бригадою моею итти к местечку Оржанишки и, приняв под начальство мое находившиеся там войска, защищать устроенный на реке Вилии, близ оного местечка, мост (в конце повеления ген. Багговут приписал своей рукой: «Скажу вам, что вчерашний день неприятель перешел чрез Неман и занял город Ковно»). В случае же невозможности защитить оный, сжечь, не допуская никак неприятеля овладеть переправою. Собрав расположенные по разным селениям полки мои и артиллерию, выступил я с оными к назначенному пункту и на рассвете 14-го числа прибыл в местечко Оржанишки, где нашел 3 роты артиллерии, Курляндский драгунский полк и команду Гвардейского морского экипажа, состоявшую из одного унтер-офицера и 12 человек рядовых, под командою мичмана Валуева, кои находились тут при построении вышеописанного моста чрез Вилию. По прибытии моем на место, тотчас занялся я расположением артиллерии, дабы, в случае неприятельского нападения, могла оная с выгодою действовать. Наш берег реки был выше и командовал противулежащим, а потому вся артиллерия и поставлена была по оному. По другую же сторону реки оставлены были только одни извещательные посты. Между тем приказал я мичману Валуеву собрать сколько можно более соломы, сухого хвороста и смоляных бочек и все оное разложить на мосту, дабы, в случае надобности, можно было в самой скорости исполнить предписание корпусного командира. Тем более сие нужно было, что пловучий мост был построен из толстых сплоченных сосновых бревен, кои, быв напитаны водою, скоро гореть не могли.

В 2 часа пополудни получил я повеление зажечь мост и, по совершенном истреблении оного, отступить со всем отрядом и присоединиться к корпусу, оставя для надзора и извещения о движениях неприятеля по берегу реки Вилии Курляндский драгунский полк, что мною и было исполнено в точности: мост зажжен и, когда был совершенно истреблен, то я, отступя от местечка Оржанишки верст 8, нашел весь 2-й корпус уже собравшимся, к коему и присоединился. В тот же день вследствие повеления главнокомандующего армиями ген.-от-инф. Барклая де-Толли начали мы отступление наше чрез селение Лабонари и другие к местечку Колтыням, куда и прибыли 17-го числа, 18-е число оставались на месте, но в ночь выступили по дороге к городу Дриссе. При вступлении нашем приказано было мне сжечь вновь выстроенные в Колтынях провиантские магазины, наполненные провиантом, что мною и было сделано. Более чем на миллион руб. хлеба истреблено огнем в несколько часов...

Р. А., 1873, № 10, стлб. 1928—1931.

М. И. ПЛАТОВ И КАЗАКИ.
С гравюры Югеля по рисунку Шадова.

EB_1941_OFO_336

1812 г. июня 20—24. — Из дневника Ц. Ложье о первых впечатлениях в России после перехода армии Наполеона через Неман.

1812 г. 20 июня. Неслыханный проливной дождь шел полтора суток. Дороги и поля затоплены; крайняя жара, которую мы терпели уже несколько дней, сменяется очень сильным холодом; лошади падают, как мухи, много их погибло ночью и, вероятно, падет еще много других. Что касается нас, то мы принуждены были под открытым небом оставаться на ногах до утра. Мы не могли в этот ливень согреться у огня: костры, которые пробовали разводить, тотчас же потухали, и мы не могли ни пошевелиться, ни улечься на этой грязи, в которую погружались, как в болото. К утру забрезжила бледная заря. Окоченелые, промокшие до костей, полусонные, измученные, мы похожи на призраки или на потерпевших кораблекрушение. Недостаток съестных припасов отягчает положение.

У нас, итальянцев, свои суеверия. Такое неожиданное зрелище, такое неожиданное несчастие для армии, вызывает среди нас печальные разговоры. Запоздание обоза, страх пред грядущей борьбой, потеря большого количества лошадей, всеобщее беспокойство, грозный вид неба, которое воспламеняется как раз тогда, когда мы проникаем в Россию, кажутся нам печальными предзнаменованиями. Но большинство армии — солдаты — мало озабочены будущим; они всецело живут настоящим, и эти печальные предчувствия, без сомнения, скоро исчезнут и уступят место надежде вместе с появлением солнца во всем его сиянии.

Мы быстро-быстро удаляемся от этой топи. Земля, по которой приходится итти, промочена дождем. Мы находим приют в крестьянских хижинах в одной миле от проклятого бивака. Там мы находим водку, на которую жадно набрасываются солдаты; но мы не находим тут ни жителей, ни одной головы скота. Дома покинуты хозяевами, из них унесено все ценное; сверх того, они были разграблены войсками, прошедшими уже раньше. К чему этот уход? Эта пустыня подавляет нас. Литовцы — союзники наши или нет? К чему уничтожать перед нашим приходом припасы? . .

Лагерь в Новых Троках 23 или 24 июня. Провиант у наших людей истощился за последние дни, и они делают большие переходы, не получая ни крошки хлеба; поэтому часто раздаются жалобы. Солдаты видят, что обозов все еще нет, и тайком от офицеров направляются в глубь страны в поиски за пищей. Чтобы предупредить неизбежные злоупотребления, отправляют отряды, которым поручено бороться с мародер-

ством и в порядке водить людей на поиски пропитания. Но, увы! Ничего нельзя найти. Добывать удается только мед, он здесь в изобилии. Сначала это очень нас обрадовало, но скоро настало разочарование, потому что очень многие солдаты заболели дизентерией.

Во избежание потерь, могущих произойти от недостатка припасов, вице-король требует присылки из Вильны хотя бы самого необходимого. Но провианта, полученного оттуда, так мало, что его едва хватило на один день. Боюсь, что снисходительность, с какою допускаются хотя бы и урегулированные походы за провиантом, скоро уничтожит дисциплину. В покинутых домах, из которых жители уже вывезли имущество, все переворачивается верх дном, в надежде найти съестное. Вице-король и его помощники с ужасом видят зло, которого не могут пресечь. Растущий поток всюду грозит выйти из берегов: и дисциплина, и умеренность, и честь солдата, и разумная предусмотрительность начальников — все рушится...

Санитарное положение армии, повидимому, совсем не блестяще; госпитали переполнены больными. Жестокие опустошения производит дизентерия, это роковое последствие запаздывания обозов, задерживаемых разливами рек и дождями. Наконец, внезапная перемена погоды вызвала у нас гибель массы ломовых лошадей...

Ложье, стр. 22—23, 27—28, 30—31.

15

Из записок П. де-Боволье о продовольственных затруднениях армии Наполеона при вторжении в Россию.

Поход только что начинался еще, а армия чувствовала уже недостаток во всем — в продовольствии, фураже, амуниции, даже в боевых припасах. Мародерство и отделение солдат от своих частей начались вслед за выходом армии из Пруссии. Эти два бедствия достигли вскоре ужасающих размеров. Позже они стали необходимостью, вызванною дурною администрациею и неустройством правильных сообщений между частями. Когда полк съедал свое продовольствие, приходилось высылать более или менее значительные отряды, иногда на очень далекие расстояния, для фуражировки. Солдаты, усталые и голодные, удалялись от своих частей в ближайшие деревни, где захватывали провиант, грабили жителей, разбирали избы на топливо. Эти беспорядки значительно пошатнули дисциплину и заметно уменьшили число штыков. Уменьшал это число и обоз: иногда треть полка расходовалась на охрану обоза, растягивавшегося на несколько верст. От на-

чальников отдельных частей требовался точный счет годных к бою людей, но при данных условиях требование это оказывалось невыполнимым.

Недостаток фуража легко объясняется числом лошадей. Не только офицеры, даже многие унтер-офицеры имели в обозе свою повозку и лошадь или две. Можно с уверенностью сказать, что из Польши было уведено не менее 100 тыс. коней. Грабеж, насилие и воровство, произведенные французскими солдатами в Польше, превосходят всякое вероятие... Напрасно жители просили командиров частей об охране их имущества, — солдат, доведенный до крайности, не обращал уже внимания ни на стражу, ни на приказы начальников. Даву приказал расстрелять несколько мародеров, но и этот суровый пример не мог устранить беспорядка, коренившегося в военно-административной системе Наполеона, не заботившегося об экономическом быте армии, и еще более в голоде, не знающем никаких законов.

Весь путь от Вильны до Смоленска и от Смоленска до Москвы покрыт сосновыми лесами, в полном смысле дремучими. Местами встречаются болота, почти непроходимые, и реки с дном настолько вязким, что беспрестанно приходится наводить мосты. Случалось, что кавалеристы, обманутые мелководием, пускались вброд и гибли вместе с лошадью. Русские дороги втрое шире французских; они окаймлены канавами и деревьями, но ни одна дорога не вымощена камнем, и в распутицу они все непроходимы. В России, очень мало населенной, деревни расположены на довольно большом расстоянии друг от друга, что заставляло французскую армию располагаться бивуаком нередко в сырой, нездоровой местности. Кажется, полагаясь на свое счастие и на боевую славу своих войск, Наполеон не обратил должного внимания на особенности страны, столь отличной от тех стран, в которых ему приходилось воевать прежде, и не предвидел тех затруднений, которые предстояли движению войск в России, особенно большими массами. Он не ожидал, кажется, встретить такое упрямое сопротивление, которое парализовало все его военные планы. Он ожидал, что первое же генеральное сражение решит судьбу России. Он не допускал даже мысли о возможности поражения. Эта слепая уверенность в себе и зависимая от нее непредусмотрительность имели самые печальные последствия...

Р. Ст., 1893, № 1, стр. 9—11.

III

ХАРАКТЕРИСТИКА РУССКОЙ АРМИИ

16

1810 г. — Английский офицер Р. Вильсон о русских солдатах.

Пехота вообще составлена из людей атлетического (самого крепкого) сложения от 18 до 40 лет, одаренных великою силою, но ростом вообще не высоких. Вид их и строение тела совершенно воинские; они привычны ко всем переменам погоды и нуждам, к самой худой и скудной пище, к походам днем и ночью, к трудным работам и тягостям; упорно храбры, удобно возбуждаются к славным подвигам, преданы своему государю, начальникам и отечеству; набожны, но не помрачены суеверием; терпеливы и сговорчивы, они соединяют всю силу характера необразованного народа со всеми преимуществами просвещенного.

Недостатки, приписываемые российскому войску, суть токмо последствия несовершенной военной системы, а не личной неспособности воинов. Сила их требует только направления, а храбрость — опыта. Природа одарила их самыми лучшими существенными способностями к военным действиям. Для устройства сего войска не нужен творческий гений, но нужен порядок в управлении и искусство в начальстве.

Штык есть истинное оружие русских. Одни англичане могут спорить с ними о исключительном праве на сие оружие. Но поелику русский солдат выбирается из большого числа народа с великим вниманием к его телесным качествам, то и полки их должны иметь гораздо большее превосходство.

Храбрость русских в поле беспримерна. Но движения их войска, не соответствующие русским правилам войны и так-

тике Суворова, дают предприимчивому и даже слабейшему неприятелю все выгоды, происходящие от расстройства свойственного им военного порядка; самое трудное дело для человеческого ума (в 1807 г.) состояло в том, чтоб управлять русскими во время отступления. Когда ген. Беннигсен, стараясь избегнуть нападения неприятеля, ретировался от Янкова во время темных ночей польской зимы, то, несмотря на превосходство французских сил, простиравшихся до 90 тыс. человек, негодование русских солдат было столь дерзко, требование сражения столь сильно и неотступно и начавшийся от того беспорядок сделался столь велик, что ген. Беннигсен принужден был обещать исполнить их требование.

Русский, приученный с самых молодых лет считать русских за народ первый в свете, почитает самого себя членом необходимо нужным в составе непреоборимого государства. Суворов знал сей образ мыслей и, пользуясь оным, достигал с самыми малыми способами блистательнейших успехов; и хотя он менее дорожил человеческою кровью, чем его предшественники, но солдатами был любим, как отец; и народная гордость, равно и личное к нему удивление столь много его возвеличили, что Суворов поныне признается божеством, присутствующим при их сражениях. Известный состав его армии, малозначащее число солдат ее, внутренние препятствия, всегда ему встречавшиеся, в самом деле возвышая достоинство подвигов его, дают ему все право на имя первейшего военачальника, какой когда-либо существовал в свете.

«Выписка из книги „Краткие замечания о свойстве и составе русского войска", сочиненной английским офицером сером Робертом Вильсоном». СПб., 1812, стр. 11—14.

17

1812 г. ранее июля 17. — Из «Наставления гг. пехотным офицерам в день сражения» М. Б. Барклая де-Толли.

... Запрещать наистрожайше, чтобы никто из офицеров или солдат никогда не осмелился что-нибудь сказать такое, что могло бы устрашить или удивить их товарищей. Надобно стараться видеть неприятеля, как он есть, хотя он и силен, хотя бы он был проворен и смел, но русские всегда были и будут гораздо храбрее. Никто еще никогда против русских штыков не удержался. Надобно только дружно итти и, пробивши неприятеля, не всем гнаться, а только некоторым, как то выше сказано.

В прошедшую в Пруссии войну во многих полках была пагубная и престыдная привычка — кричать: отрезаны! Часто

никто и не думал заходить ни вправо, ни влево, а фрунт от сего крика приходил в смятение. За таковой поступок нет довольно сильного наказания. Храбрые люди никогда отрезаны быть не могут. Куда бы ни зашел неприятель, туда и поворотиться грудью, итти на него и разбить. Ежели неприятель был силен, то, буде он частью заходит к нам во фланг, он разделяет свои силы и тем делает себя слабее. Ежели же он и прежде был слаб и хочет только испугать захождением, то ему же хуже, как скоро на него пойдут в штыки. Теперь по уложению тот, кто причинит смятение во фронте, наказан будет как изменник.

Офицера, который громко скажет: нас отрезывают, в тот же день по крайней мере надобно выгнать из общества офицеров, а солдата — прогнать сквозь строй. Ежели честный начальник на одном фланге увидит, что неприятель делает такое движение, которого главный начальник, будучи впереди, не может приметить, то он должен или сам итти тихонько его о том уведомить, или послать надежного человека, который бы, не разглашая и без малейшей торопливости, доложил о том начальнику, дабы сей мог взять на то нужные меры и обратить неприятельское предприятие к собственной его гибели. Вообще, к духу смелости и отваги надобно непременно стараться присоединить ту твердость в продолжительных опасностях и непоколебимость, которая есть печать человека, рожденного для войны. Сия-то твердость, сие-то упорство всюду заслужат и приобретут победу. Упорство и неустрашимость больше выиграли сражений, нежели все таланты и все искусство.

Господам офицерам, особенно ротным командирам, в сражении крепко и прилежно замечать, кто из нижних чинов больше отличается храбростью и духом твердости и порядка. Таковых долг есть высшего начальства скорее производить в чины, ибо корпус офицеров всегда выигрывает получением настояще храброго офицера, из какого бы рода он ни был. С другой же стороны непременная обязанность есть всех офицеров непослушного или трусливого унтер-офицера или солдата, ежели тут же его для примера прочим не закололи, тотчас после дела представить в полк к суду с свидетелями его преступления, дабы без потери времени по законам можно было наказать его смертию... Офицер должен чувствовать в полной мере важность звания своего и что от него зависят поступки и поведение его подчиненных во время сражения. Когда офицер умел приобресть доверенность своих солдат, то в деле каждое слово его будет свято исполнено, и от него никогда люди не отстанут. Тех из нижних чинов, которые бы оказались боязливыми или непослушными, должно тут же удержать примерною строгостию, но сие редко случается.

В некоторых полках есть постыдное заведение, что офицеры и ротные командиры в мирное время строги и взыскательны, а в войне слабы и в команде своих подчиненных нерешительны. Ничего нет хуже таковых офицеров: они могут иногда казаться хорошими во время мира, но, как негодных для настоящей службы, их терпеть в полках не должно. В деле против неприятеля солдат должен в той же мере больше бояться провиниться пред своим начальником, сколько вина его в таком случае важнее тех, которые случаются на ученье. Воля всемилостивейшего нашего государя есть, чтоб с солдата взыскивали только за настоящую службу. Прежние излишние учения, как-то: многочисленные темпы ружьем и прочее уже давно отменены, и офицер, при всей возможности за настоящие преступления строгости, может легко заслужить почтеннейшее для военного человека название — друг солдата. Чем больше офицер в спокойное время был справедлив и ласков, тем больше в войне подчиненные будут стараться оправдать сии поступки, и в глазах его один перед другим отличаться.

Военный сборник, 1902, № 7, стр. 242—244.

1812 г. августа 9. — Из донесения М. Б. Барклая де-Толли Александру I о необходимости поднятия дисциплины.

... Я употребляю все возможное для поддержания порядка и воспрепятствования насилиям. Я приказал расстрелять в Смоленске семерых отсталых. Эта мера действительно произвела впечатление; но до тех пор, пока наши офицеры и даже некоторые полковые командиры не придут к убеждению в необходимости строгой дисциплины, общая цель поддержания порядка не может быть вполне достигнута. Рядовой солдат армии вашего и. в., несомненно, лучший в мире. Значительная часть штаб-офицеров и в общем почти все обер-офицеры, умеющие лишь в малой степени заслужить доверие солдата, далеко ниже его в отношении представляемой им надежности. Это справедливо в особенности по отношению к последним, большею частью слишком юным и неопытным и, за исключением обыденной фронтовой службы, совершенно незнакомым с своим делом...

В главной квартире при Коровине 9 августа 1812 г.

Военный сборник, 1903, № 11, стр. 257.

IV

МЕРОПРИЯТИЯ ПО УВЕЛИЧЕНИЮ ЧИСЛЕННОСТИ РУССКОЙ АРМИИ

19

1812 г. июля 12. — Предписание С. К. Вязмитинова вологодскому гражданскому губернатору о наборе стрелков из охотников и об отправлении их в Петербург.

Министерство полиции, июля 12. О сборе и высылке сюда стрелков.

Г. вологодскому гражданскому губернатору.

Во исполнение высочайшего его и. в. повеления Комитет гг. министров поручил мне предписать вашему превосходительству, дабы вы по получении сего тотчас приказали набрать из обитающих в нашей губернии народов, в стрелянии зверей упражняющихся, до 500 и более и, по сборе оных с теми самыми ружьями, которые они при своем промысле употребляют, отправили их на подводах сюда в С.-Петербург для причисления их к тому ополчению, которое здесь против неприятеля, вторгнувшегося в пределы России, составляется. От попечения вашего зависеть будет исправность в исполнении сего высочайшего поручения и та поспешность, с какою люди сии должны быть сюда доставлены, равно как и весь распорядок в сборе оных, и в верном сюда препровождении, чего Комитет и ожидает от ваших стараний и вашей опытности.

Главнокомандующий в С.-Петербурге В я з м и т и н о в.

Отправление помянутых стрелков сюда можете, ваше превосходительство, делать по мере, как они набираемы будут, не дожидая сбора всего полного обозначенного числа. С 111 душ 3 лошади, 2 повозки и 1 проводник с округ Вологодской, Кадниковской и Грязовицкой, стрелков с четырех округ.

Бумаги Щукина, ч. III, стр. 5.

1812 г. июля 6. — Из манифеста Александра I о сборе земского ополчения.

Божиею милостию мы, Александр I, император и самодержец всероссийский и прочая, и прочая, и прочая. Неприятель вступил в пределы наши и продолжает нести оружие свое внутрь России, надеясь силою и соблазнами потрясть спокойствие великой сей державы. Он положил в уме своем злобное намерение разрушить славу ее и благоденствие. С лукавством в сердце и лестию в устах несет он вечные для нее цепи и оковы. Мы, призвав на помощь бога, поставляем в преграду ему войска наши, кипящие мужеством попрать, опрокинуть его, и то, что останется неистребленного, согнать с лица земли нашей. Мы полагаем на силу и крепость их твердую надежду; но не можем и не должны скрывать от верных наших подданных, что собранные им разнодержавные силы велики и что отважность его требует неусыпного против нее бодрствования. Сего ради, при всей твердой надежде на храброе наше воинство, полагаем мы за необходимо-нужное собрать внутри государства новые силы, которые, нанося новый ужас врагу, составляли бы вторую ограду в подкрепление первой и в защиту домов, жен и детей каждого и всех.

Мы уже воззвали к первопрестольному граду нашему — Москве, а ныне взываем ко всем нашим верноподданным, ко всем сословиям и состояниям, духовным и мирским, приглашая их вместе с нами единодушным и общим восстанием содействовать противу всех вражеских замыслов и покушений. Да найдет он на каждом шаге верных сынов России, поражающих его всеми средствами и силами, не внимая никаким его лукавствам и обманам. Да встретит он в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина...

Народ русский! Храброе потомство храбрых славян! Ты неоднократно сокрушал зубы устремлявшихся на тебя львов и тигров. Соединитесь все: со крестом в сердце и с оружием в руках никакие силы человеческие вас не одолеют.

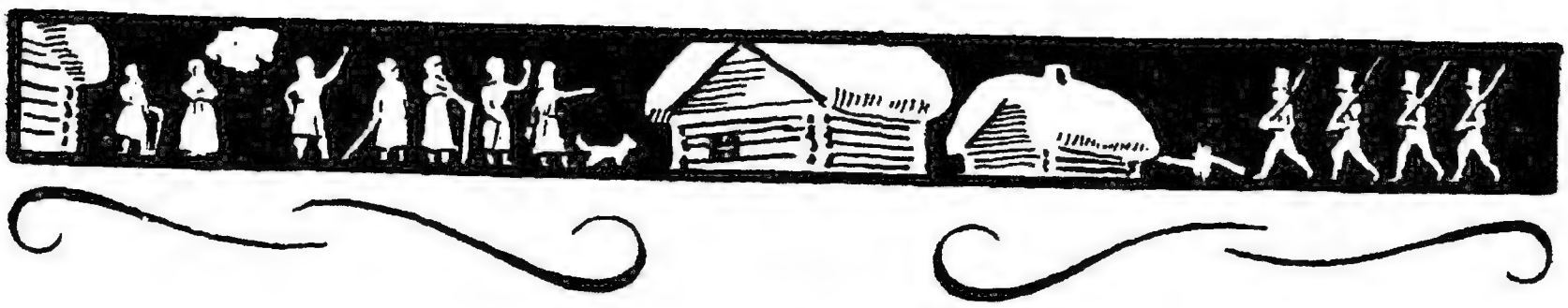
Для первоначального составления предназначаемых сил предоставляется во всех губерниях дворянству сводить поставляемых ими для защиты отечества людей, избирая из среды самих себя начальника над оными, и давая о числе их знать в Москву, где избран будет главный над всеми предводитель.

ПСЗ, т. XXXII, № 25176, стр. 388.

Из записок Н. Н. Муравьева о Московском ополчении.

... По приезде в Москву государь, созвав дворянство, предложил собрать ополчение, что было единодушно всеми принято, и ополчение начали собирать по всей империи. Те губернии, которые не ставили ополчения, обязаны были доставить продовольствие в армию. Говорили, что одна Московская губ. должна была выставить более 40 тыс. ратников.

Р. А., 1885, № 3, стр. 81—82.



V

НАЧАЛО НАРОДНОЙ ВОЙНЫ С АРМИЕЙ НАПОЛЕОНА

22

Заметка из журнала «Русский Вестник» о патриотизме порецкого крестьянина.

17 июля вступила главная квартира 1-й западной армии в Поречье, первый город Смоленской губ. Жители с радостью приняли своих соотчичей, но и ужасались также, зная, что неприятель недалеко. Поутру велено войскам выступать. Сей приказ распространил повсеместный страх; все начали с торопливостью выбираться. Какое скорбное зрелище представлял тогда город Поречье! Жители слезно прощались с домами своими; печально шли русские воины через город. «Мы отдаем врагу родные пепелища, — говорили они, — идем в сердце матушки России». Во время общей тревоги, пришел я в дом, где был постоем. Добрый мой хозяин, крестьянин порецкий, собирал семью свою в поход. Жена и дети приготовились итти, куда глаза глядят. Снабдя семейство свое на дорогу деньгами, старик стал посреди комнаты на колени. Жена его, невестка и пятеро внучат также стали на колени подле него. Все со слезами и рыданием молились богу. Крестьянин встает, снимает со стены образ спасителя, благословляет внучат, потом отдает жене и восклицает: «Прощайте! бог с вами! ступайте скорее с войском православным»... Обнимает жену, невестку, внучат; выпроваживает, а сам затворяет дверь и бросается в угол на скамью. «Добрый старик, — спросил я, — что же ты не пошел с семьею?» — «Да куда, родимый, итти? Не побегу из своего дома, что ни будет со мною, будь во всем воля божия. У меня есть пика, топор и ружье. Чего мне бояться? Умру, а нечестивых в дом свой не пущу». — «Что за прибыль? — сказал я, — тебя убьют понапрасну, и нечестивцы

осквернят твое жилище». — «Пока жив, — отвечал крестьянин, — не бывать этому, а коли меня убьют, так ненапрасно. Смерти не боюсь; руки и ружье есть; есть еще и сила; поможет бог, сгинет от меня врагов десяток и более, а потом хоть и самого убьют, что за беда, я умру по-христиански».

Не заслуживает ли сей крестьянин быть помещен в число героев? И пусть Наполеон разочтет, каковы должны быть его полчища, чтобы на каждого верного русского крестьянина пришлось по 10 и 15 его рабов.

Русский Вестник, 1814, кн. 5, стр. 47—50.

23

1812 г. августа 1. — Из письма Ф. В. Ростопчина А. Д. Балашову из Москвы о борьбе крестьян против войск Наполеона.

Вы, я думаю, уже известны о происшествии в с. Сычевке, на границе Смоленской губ. к Тверской. Партия пленных французов в числе 99 человек под начальством одного армейского офицера и 30 рядовых, пришед в сие селение, напоила конвой и, схватя ружья, стала стрелять. Крестьяне ударили в набат. Собрались и, всех пленных обезоружа, били и перевязали, убив до смерти шестерых. Но я уверен, что и из связанных много после умерло. Слух разнесся, что французы пришли, и от сей тревоги к вечеру в Сычевку прискакало до 9 тыс. человек на защиту и бой с французами. Соседние дворяне все были из первых с их людьми. В некоторых селениях от злости крестьяне зажгли хлеб на полях, говоря: не доставайся же им. Вот еще доказательство того, что я говорил и говорю. Наполеон рассчитывал на слово свобода, но оно не подействует, и если бы народ и желал ее, то ненависть ко врагу отечества удалит его от соучастия в успехе его намерения, и в злобе к нему последний холоп наравне с первым барином. Немного еще терпения, много чрезвычайных средств, и государь император наш избавит и себя, и свое царство, и Европу от замыслов Наполеона...

Дубровин, стр. 75—76.

24

Из воспоминаний А. П. Бутенева об отношении крестьянства Смоленской губ. к своей армии и о борьбе с врагом.

... Пока мы проходили бывшие польские места, жители городов и деревень относились к войскам с молчаливым равнодушием, видимо, озабоченные только тем, чтобы их чем не обидели. Они знали о строгом воспрещении насилия и грабежа, и если изредка случалось что-нибудь подобное, смело

приносили жалобы военному начальству, уверенные в удовлетворении.

Совсем иное было в губернии Смоленской, знатную часть которой наша армия проследовала, прежде чем дойти до самого города Смоленска. Несмотря на наступавшее время жатвы, на полях немного было видно народу. Крестьяне собирались толпами, принимали войска в деревнях или выходили к ним навстречу, с радостными криками. Мужики подносили хлеб и соль. Бабы с младенцами на руках приветливо и сердобольно глядели, как мимо них шли обремененные тяжкою амуницией, покрытые пылью и потом солдаты, менявшиеся с ними добрыми пожеланиями, а иной раз отпускавшие какое-нибудь меткое, веселое словцо, на которое русский солдат бывает такой мастер. Меньшая часть войск со штабами размещалась по деревням, остальные располагались бивуаком, а главнокомандующий и начальство обыкновенно занимали соседнюю господскую усадьбу: помещики выезжали за ними в разнообразных своих экипажах, жены их не щадили угощений и оказывали всякое гостеприимство. Но так было только на первых переходах. Дальше, крестьянское население показывалось реже, так как тут уже составлялись ополчения, спешно собираемые помещиками, к которым для того были отряжаемы офицеры или сержанты из армии или из Москвы, где, по первому слову государя, тотчас начала образовываться боевая сила. Уже все знали, что неприятель гонится по пятам за нашею отступающею армиею, но, вместо страха и уныния, во всех слоях русского народа разгоралось единодушное, сердечное усердие к спасению родины. По деревням, как и по городам, помещики, крепостные крестьяне (а их было отменно много), свободные люди, мещане и купцы, сельское духовенство, гражданские чиновники всякого положения, все одушевлены были пламенною любовью к России и сильнейшим негодованием против неприятеля. Все готовы были на всякую жертву для обороны святой Руси и для истребления дерзкого врага. Кто жил в это достославное, поистине великолепное время, тот во всю жизнь его не позабудет... Сам Наполеон, во время своего бегства, проговорился в Варшаве аббату Прадту: «Русские показали себя, какой это народ».

Чем дальше шла армия в глубь страны, тем безлюднее были встречавшиеся селения, и особенно после Смоленска. Крестьяне отсылали в соседние леса своих баб и детей, пожитки и скотину; сами же, за исключением лишь дряхлых стариков, вооружались косами и топорами, а потом стали сжигать свои избы, устраивали засады и нападали на отсталых и бродячих неприятельских солдат. В небольших городах, которыми мы проходили, почти никого не встречалось на улицах: оставались только местные власти, которые по большей части уходили с

нами, предварительно предав огню запасы и магазины, где к тому представлялась возможность и дозволяло время...

Р. А., 1881, т. 19, кн. III, стр. 70—72.

23

Из воспоминаний А. Ф. Мевиуса о намерении студентов Горного корпуса вступить добровольцами в армию.

21 октября 1873 г. исполнилось 100 лет со дня основания Горного института. Празднование этого юбилея заставило меня сосредоточить свои воспоминания на времени, давно прошедшем, на времени, когда я был в числе молодых людей, получавших образование в этом учебном заведении, и кончил в нем курс 62 года тому назад. Между прочим живо вспомнилось мне великое время великого 1812-го года, и я хочу рассказать теперь о небольшом эпизоде, показывающем, насколько отражались на нас, студентах, события той грозной и славной эпохи.

Живо помню я лето и осень 1812 г. и то тревожное чувство, которое испытывали все петербуржцы, опасаясь за судьбу столицы. Маршал Удино угрожал ей, а победоносное шествие Наполеона вело его к сердцу России — Москве. Сидя в Горном корпусе, слышали мы о сборах и отъездах жителей, слышали о бедствиях, которые испытывало наше любезное отечество; слышали и частью видели, как все как бы растерялись и с напряженным вниманием прислушивались ко всяким вестям из армии Барклая де-Толли и Витгенштейна. В корпусе нашем настала полная безурядица. Начальников не стало видно между нами, лекции прекратились, провизовали нас дурно. Чуялось что-то такое, что отвлекало всех от исполнения своих обязанностей, что-то нарушающее обычное течение дел и стоящее выше всего обыденного.

Все почти первоклассные учебные заведения, равно как и ценные имущества столицы частные и казенные, в том числе и минералогическое собрание Горного корпуса, были увезены в Або и другие места. Чиновники разных ведомств, учителя и, наконец, самые учащиеся, особенно имевшие постоянное местожительство в Петербурге или около него, оставили столицу и удалились в более безопасные убежища. Только начальствующие лица, вышепоставленные, оставались на своих местах. В корпусе нашем из студентов остались одни сибирские уроженцы, не имевшие родства и близкого знакомства в Петербурге. Число этих сибиряков было настолько значительно, что последний или старший класс, называвшийся студентский, в котором был и я, оставался почти в полном своем составе.

Не имея занятий, ходили мы, студенты, целыми часами и днями по обширному парадному крыльцу корпуса и вели бес-

конечные разговоры о предмете, всех занимавшем. Не зная, на что решиться, и опасаясь, чтобы неприятель, заняв Петербург, не заставил нас волей-неволей поступить в его войска, мы, наконец, порешили всем классом подать общее прошение о принятии нас в военную службу и о зачислении нас в действующие полки. Были между нами и такие, которым это решение было весьма тягостно или по личным побуждениям, или по тем обязанностям, которые на них лежали в отношении их семей, но чувство патриотизма большинства товарищей оказалось сильнее их, слово «трус» имело тогда более позорное значение, чем когда-либо, и общая просьба была подана. Директор корпуса Андрей Федорович Дерябин передал ее без замедления министру финансов гр. Гурьеву. Но последний, жалея лишить государственную службу стольких горных офицеров и будучи хорошего мнения о наших познаниях в горных науках, задержал у себя некоторое время наше прошение, не доводя его до высочайшего усмотрения, а вскоре потом, когда Москва была оставлена неприятелем, возвратил его нам обратно с сообщением, что оно будто бы написано не по форме и чтобы каждый желающий перейти в военную службу подавал о том от своего лица отдельное прошение. Победа Витгенштейна и ряд успехов Кутузова дали возможность вздохнуть свободнее каждому русскому и стряхнули то напряжение, которое все ощущали. Опасения миновались...

Р. Ст., 1888, № 7, стр. 22—24.

26

«Отечественные Записки» о деятельности одного из организаторов крестьянских партизанских отрядов Емельянова.

Город Сычевка и уезд его более других были страшны неистовым врагам нашего отечества. Из всех сычевских воинских сподвижников преимущественно снискал себе славу и признательность потомства из сдаточных Сычевского у. крестьянин майор Емельянов, учинившийся известным, когда бессмертный Суворов метал на галлов гром со снежных гор Альпийских. Емельянов, тяжело раненный на Цюрихском поле и оставленный в числе убитых, нашел там русское знамя и сохранил его на груди до возвращения своего из плена. За толь благородный поступок император Павел, умевший награждать заслуги, произвел его в офицеры. Пред нашествием же Наполеона на Россию Емельянов покоился в семействе своем. Сей герой, при вступлении известных уже ему французов в Смоленскую губ., вскипя на них негодованием, первый начал сычевских дворян, мещан и крестьян возбуждать к при-

нятию оружия. Многие стали к нему приставать, со дня на день число сообщников умножалось, и потом, вооружась чем было можно, избрали храброго Емельянова над собою начальником, дав присягу не щадить живота за веру, царя и землю русскую и во всем ему повиноваться. Скоро Емельянов составил значительный отряд, с которым при всяком удобном случае ходил на сшибки с неприятелями. Крестьяне, истребляя их более и более, запасались их оружием. Тогда Емельянов ввел между воинами-поселянами удивительный порядок и устройство. По одному знаку, когда неприятель шел в превосходных силах, деревни становились пусты, по другому опять собирались в домы. Иногда отличный маяк и колокольный звон возвещали, когда и как итти конными или пешими на бой. Сам же, как начальник, поощряя примером своим, был всегда с ними во всех опасностях и всюду преследовал злочестивых врагов, многих побил, а более брал в плен, и, наконец, в одной жаркой перестрелке в самом блеске воинских действий крестьян жизнью запечатлел любовь свою к отечеству...

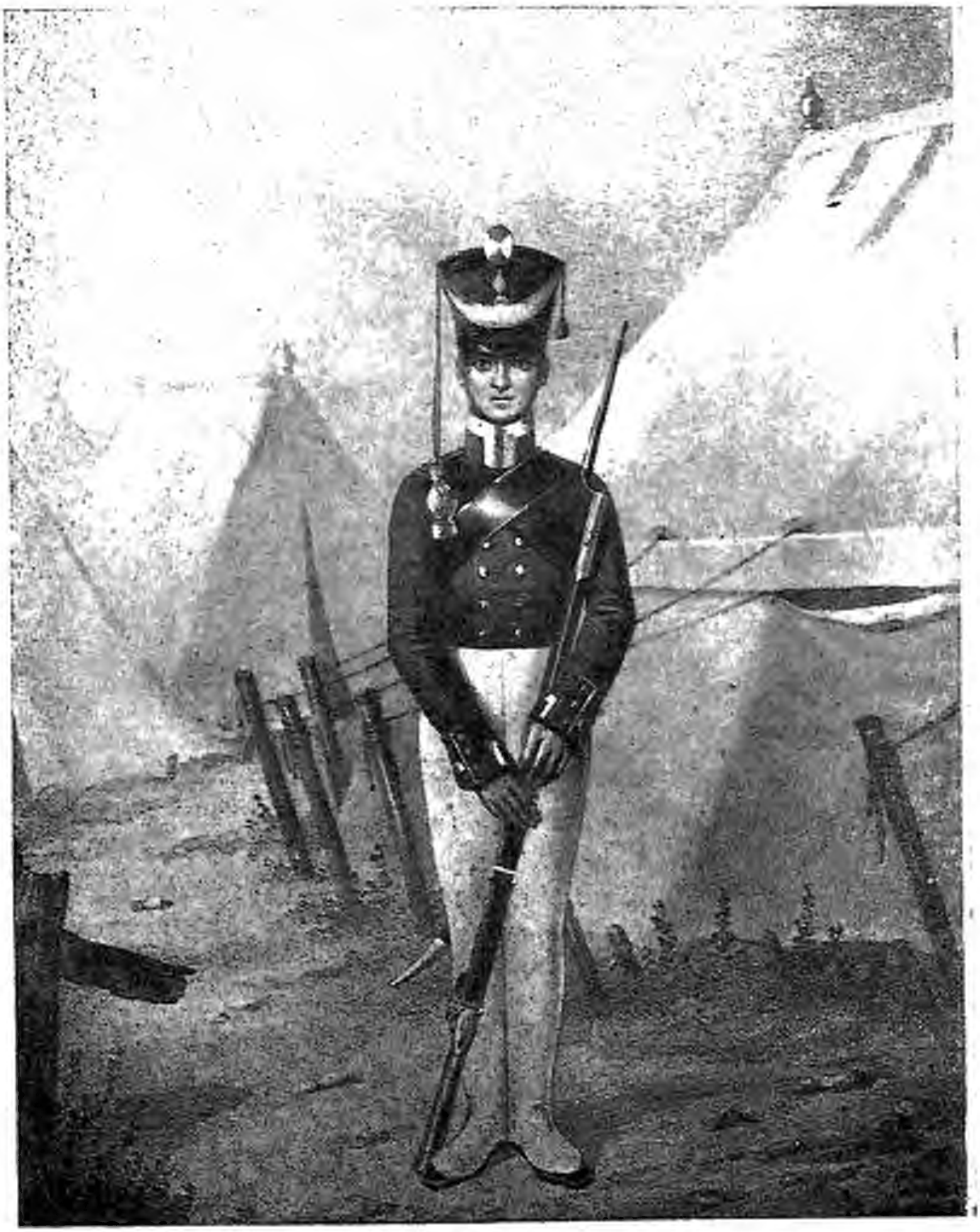
Отечественные Записки, ч. 25, 1826, стр. 416—418.

1812 г. августа... — *Воззвание М. Б. Барклая де-Толли к жителям Псковской, Смоленской и Калужской губ. с призывом к борьбе с армией Наполеона.*

Обыватели псковские, смоленские и калужские.

Вы, истинные сыны отечества, верные подданные монарху своему и бесстрашные защитники собственности! Внемлите гласу воззывающему вас к собственному успокоению вашему, к собственной безопасности вашей.

Непримиримый враг наш, предприяв алчное против нас намерение, питал себя доселе надеждою, что и одной наглости его довольно будет, чтобы устрашить нас, чтобы восторжествовать над нами. Но две храбрые армии наши, остановя дерзкий полет насилий его, грудью противустали ему на древних рубежах наших, грудью готовы сами итти на истребление его. В таком неожидаемом для него положении, избегая решительной битвы, он для насыщения зверской алчности своей обратился ныне к неистовствам всякого рода. Партии, или, лучше сказать, разбойничьи шайки его, нападая на безоружных поселян, тиранствуют над ними со всею жестокостию времен варварских: грабят и жгут домы их, оскверняют храмы божии, оскорбляют разными ругательствами священнослужителей их и, словом, все встречающееся делают жертвою насилия своего. Но многие из жителей губернии Смоленской



Унтер-офицер егерских полков русской армии 1812—1816 гг.

пробудились уже от страха своего. Они, вооружась в домах своих, с мужеством, достойным имени русского, карают злодеев без всякой пощады.

Подражайте им все любящие себя, отечество и государя. Воинство ваше не выйдет из пределов ваших, доколе не изгонит или не истребит сил вражиих. Оно до самой крайности решилось бороться с ними, и вам остается подкреплять его одною защитою собственных домов ваших от набегов более дерзких, нежели страшных.

Не меньшую употребляйте осторожность противу самих из тех воинов наших, кои, забыв бога и обязанности свои, дерзнут посягать на собственность вашу. Таковых препровождайте к воинским и гражданским начальствам и будьте уверены, что вы за малейшую нанесенную вам обиду удовлетворены будете жесточайшим их наказанием.

Бумаги Щукина, ч. VII, стр. 246.

VI

УЧАСТИЕ НАРОДОВ РОССИИ В ЗАЩИТЕ СТРАНЫ

28

Из воспоминаний Э. Арндта о народах России в армии.

... Тут мимо меня проходили и проносились вскачь разнообразные представители многочисленных народов России от Ледовитого океана и Урала до Волги и Черного моря, красивые татары из Кабарды и из Крыма, статные казаки с Дону, калмыки с плоскими носами, плоским станом, косыми ногами и косыми глазами, как за полторы тысячи лет описал Аммиан своих гуннов, и башкиры с луком и стрелами. Но всего красивее был взвод конных черкесов, в стальных кольчугах и стальных шлемах с развевающимися перьями — красивейшие, стройные мужчины на красивейших лошадях...

Мы лишь на следующее утро выехали из Вязьмы и среди дня остановились на несколько часов в чистеньком приветливом городке Гжатске, потому что экипаж моего полковника нуждался в починке. Я вышел из города и лег на стог сена на зеленом лугу, на котором мирно паслись стада, как будто бы войны и не бывало; надо мною повисла густая береза, и я в раздумье глядел на летучие облака. Вдруг раздалась музыка, стала звучать все ближе и ближе, и вскоре мимо меня пронеслись длинные ряды повозок с ополченцами; впереди скрипки и дудки, тут же и родители, и братья, и невесты. Так весело пронеслись они мимо меня, с цветами и песнями, на бой и на смерть, словно фантастический свадебный поезд. Тут расстался я с моим полковником. Он из Гжатска поехал прямо в Петербург, я же с моим офицером в маленькой русской телеге объездом — в Москву...

Р. А., 1871, стр. 085—087.

EB_1941_OFO_336

1812 г. ранее августа 8 — Записка С. К. Вязмитинова Александру I об организации полков из башкир и мишарей. [1]

В Оренбургской и сопределенных с оной губерниях: Саратовской, Вятской и Пермской, как представляет мне Войска оренбургского войсковой атаман полковник Углицкий, состоит по исчислению 1811 г. башкирцев 109 409 и мещеряков 19 800, всего 129 209 душ. Народы сии, кроме содержания по Оренбургской линии кордонной стражи, более никаких государственных повинностей не отправляют. Они, по природной своей склонности к воинским упражнениям и навыкам, весьма способны к казачьей службе и могут быть с пользою употребляемы в армии противу неприятеля. Знатное число народа сего без отягощения поставит ныне из себя на службу от 10 до 30 и более пятисотенных полков.

Полковник Углицкий, будучи движим усердием на пользу службы и любовию к отечеству, приемлет на себя составление сих полков, как равно одного атаманского тысячного из Войска оренбургского. Составление оных, по мнению его, можно произвести на следующем основании.

1. Число людей в полках, образ управления оными и продовольствие их вообще должно быть точно на том же основании, на каком находятся уже в армии от сих народов казачьи полки.

2. Вооружение составит употребляемое ими, и именно: ружья, пистолеты, сабли, пики и луки, кто чем может и навык употреблять, не требуя единообразия.

3. Равномерно не требовать единообразия и в одежде, а дозволить им иметь оную по своему обычаю. Если же кто по собственному своему желанию употреблять будет мундир, установленный для казачьих войск, то сего не только не возбранять, но считать оное отличною ревностию к службе, и о таковых для поощрения к тому прочих доносить начальству в месячных рапортах.

4. Полковых командиров и прочих чиновников выбрать из башкирского и мещерякского народов, но как не весьма много найдется знающих хорошо русский язык, то недостающее затем число дополнить из Оренбургского войска. Равномерно дать из оного войска по нескольку человек казаков в каждый полк, для введения порядка службы и внутреннего благоустройства, также в полковые квартирмистры и писаря, и дозволить определять в сии должности из другого звания людей по аттестатам.

---

[1] Записка была утверждена Александром I 8 августа 1812 г. — *Ред.*

5. Для пользования больных прикомандировать нужное число медицинских чиновников и снабдить их аптечными веществами.

6. Командирование полков произвесть на правилах существующих на подобные случаи, т. е. обыкновенною и утвержденною подмогою.

7. За выкомандированием сего войска в армию, освободить от воинского постоя домы чиновников и казаков, отправившихся на службу, и оказывать женам их и детям всякое покровительство и защиту, что и возложить на обязанность войскового начальства.

8. Дальнейшее образование оного войска предоставить последствию времени, по совершенном познании на опыте нравов, обычаев и состояния сего народа.

Сие предположение Войска оренбургского войскового атамана полковника Углицкого нахожу я сообразным пользе службы и теперешним чрезвычайным военным обстоятельствам, а потому полагаю:

1. Составить на точном основании вышеизложенного предположения один атаманский тысячный полк из Войска оренбургского и от 10 до 30 пятисотенных полков из башкирского и мещерякского народов, коим дать название башкирских казачьих по нумерам.

2. Составление сих полков возложить на полковника Углицкого, который, по служению в Оренбургском войске с 1776 г., конечно, приобрел достаточные сведения о состоянии оного народа, как равно и его к себе доверенность.

3. Для поспешнейшего исполнения сего он может во все обитаемые башкирскими и мещерякскими народами губернии отправиться сам и посылать известных ему чиновников Оренбургского, Башкирского и Мещерякского войска.

4. Начальники губерний обязаны оказывать ему в сем деле возможные содействия и пособия и удовлетворять все законные его требования беспрекословно.

5. Войскам сим находиться в непосредственной его команде. На сей конец присвоить ему звание Войска оренбургского, башкирского и мещерякского войскового атамана и иметь двух адъютантов, коих изберет он из Войска оренбургского.

6. Ему предоставить право производить нижних чинов до обер-офицерского чина; к производству же в обер-офицеры и к другим наградам представляет на основании общего порядка по команде.

7. По мере сформирования сих полков отправлять к Нижнему-Новгороду.

8. Атаман Углицкий обязан будет по выкомандировании остальных полков отправиться вслед и обозреть все полки на марше.

9. Как он ныне находится в С.-Петербурге, то снабдить его из казны прогонными деньгами, равно и находящихся при нем чиновников, на проезд в места составления башкирских полков. Впрочем, все оное, как равно таковой полковника Углицкого похвальный подвиг, всеподданнейше повергая на благорассмотрение вашего и. в., испрашиваю высочайшего повеления.

Бумаги Щукина, ч. VII, стр. 86—88.

30

1812 г. августа 19 — октября 18. — Сообщения газеты «Северная Почта» о пожертвованиях немцев Поволжья и о калмыцких и башкирских полках.

Из Саратова, от 19 августа.

Водворенные здесь колонисты, во изъявление истинной признательности и приверженности к новому отечеству своему, внесли в пожертвование при нынешних обстоятельствах 12 520 руб. и несколько оружия. Многие из них вызвались охотно вступить в ополчение по первому востребованию.

Из Вышнего-Волочка, от 18 октября.

Сего октября 3-го, 16-го и 17-го чисел прошли чрез наш город 3 башкирских полка, каждый из 500 человек, с полным вооружением и с множеством заводных верховых лошадей. Они следуют из Уфы, и соблюдаемый ими совершенный порядок военной дисциплины обратил на себя внимание здешних жителей, которые вслед за сими воинами воссылали усердные молитвы ко всевышнему о даровании им победы над врагами нашими.

Из Ярославля, от 14 октября.

Недавно прошло чрез наш город более 2 тыс. уральских казаков, калмыков и башкирцев, кои все вооружены по их обыкновению наилучшим образом.

Северная Почта, 1812, № 74 и № 87.

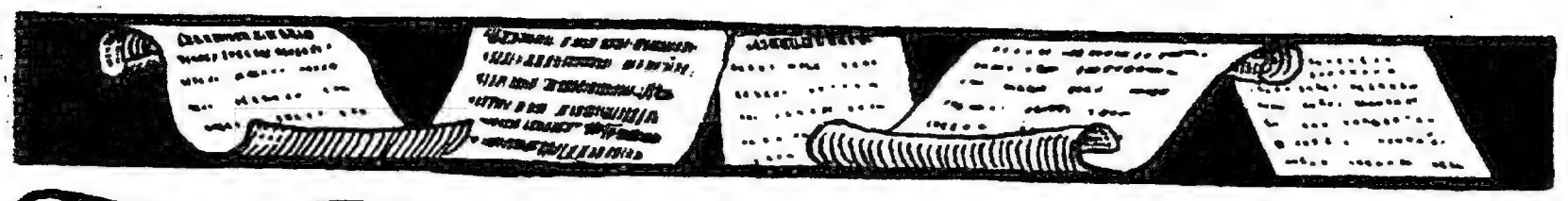
31

1812 г. ноября 12. — Из предписания А. А. Аракчеева П. Х. Витгенштейну по поводу вооружения башкирских полков пиками.

... Честь имею по воле государя императора сообщить следующее: следуемые от кн. Волконского 3 башкирских

полка, кои по высочайшему повелению от 3-го сего месяца назначены на усиление вверенного вам корпуса, не имеют другого при себе оружия, кроме лук и стрел. А как государь император полагает, что они удобнее могут действовать противу неприятеля пиками, то вашему сиятельству предлагается для успешнейшего исполнения сей монаршей воли приказать псковскому гражданскому губернатору, дабы он немедленно дал предписание заняться изготовлением сих пик и доставил бы оные во вверенный вам корпус для вышеозначенного употребления. . .

Материалы, т. XX, стр. 246.



VII

АГИТАЦИЯ РУССКОГО КОМАНДОВАНИЯ В РЯДАХ АРМИИ НАПОЛЕОНА

32

Воззвание М. Б. Барклая де-Толли к немцам-солдатам армии Наполеона.

Немцы! Зачем вы воюете с Россиею, перешли ее границы, вражески относитесь к ее народонаселению, тогда как в продолжение многих столетий она постоянно находилась в дружеских к вам отношениях, принимала к себе тысячи ваших соотечественников, вознаграждала их дарования и поощряла их занятия торговлею и промыслами? Что побудило вас на это несправедливое нашествие, которое грозит гибелью вам самим и может окончиться или смертью ста тысяч вас самих или совершенным порабощением для вас? Впрочем, вы не по своему желанию решились на это нашествие, ваш здравый ум, ваше чувство справедливости не допустили бы вас до этого; вы — несчастное орудие в руках иноземного властолюбия, которое неуклонно стремится к порабощению всей Европы.

Немцы! Жалкое и постыдное орудие чуждого властолюбия, образумьтесь, вспомните, что в продолжение столетий вы были великим народом в истории, отличившимся успехами в науках и художествах во время мира и доблестью в войне, возьмите за образец Испанию и Португалию, где сила воли целого народа успешно противодействует иноземному порабощению. Вы угнетены, но не выродились и не унизились: многие из вас, принадлежащих к высшим сословиям, забыли свои обязанности в отношении к отечеству, но большая часть из вашего народа честны, храбры, недовольны чужеземным порабощением, верны богу и отечеству.

Вы, которых завоеватель пригнал к границам России, оставьте знамена рабства и соберитесь под знаменами отече-

ства, свободы, народной чести, которые будут подняты под защитою русского императора, моего милостивого повелителя. Он обещает вам помощь всех храбрых русских людей из 50 миллионов своих подданных, решившихся вести войну до последнего издыхания за свою независимость и народную честь. Его величество император Александр поручил мне всех храбрых немецких солдат и офицеров, которые перейдут к нам, помещать в немецкий легион. Над вами будет начальником один из государей Германии, который делами и пожертвованиями доказал свою преданность делу отечества, и ваше назначение будет состоять в том, чтобы снова завоевать свободу Германии. Когда великая цель будет достигнута, признательное отечество вознаградит мужественных и верных своих сынов за спасение его от последней погибели. Ежели же борьба и не увенчается полным успехом, то мой милостивый государь обещаст обеспечить ваше существование в южных областях России. Немцы! Избирайте одно из двух: или последуйте за призывом отечества и чести и потом наслаждайтесь наградами за мужество и подвиги, или пригибайтесь более и более под то иго, которое вас угнетает к стыду, унижению и насмешке иностранцев и проклятию ваших потомков.

Главнокомандующий русской армией Барклай де-Толли.

Р. Ст., 1893, № 2, стр. 396—397.

33

1812 г. ранее июня 7. — Воззвание русского командования к итальянцам — солдатам армии Наполеона.

Итальянские солдаты! Вас заставляют сражаться с нами, вас заставляют думать, что русские не отдают должной справедливости вашему мужеству. Нет, товарищи, они ценят его, и вы в час битвы убедитесь в этом. Вспомните, что вы находитесь за 400 миль от своих подкреплений. Не обманывайте себя относительно наших первых движений; вы слишком хорошо знаете русских, чтобы предположить, что они бегут от вас. Они примут сражение, и ваше отступление будет затруднено. Как добрые товарищи, советуем вам возвратиться к себе. Не верьте уверениям тех, которые говорят вам, что вы сражаетесь во имя мира. Нет, вы сражаетесь во имя ненасытного честолюбия государя, не желающего мира. Иначе он давно заключил бы его. Он играет кровью своих храбрых солдат. Возвращайтесь к себе или, если предпочитаете это, найдите на время убежище себе в наших южных провинциях.

Ложье, стр. 38—39.

54

1812 г. июля 13. — Рапорт И. А. Эссена 1-го М. Б. Барклаю де-Толли по поводу получения им прокламаций на испанском и португальском языках.

На повеление вашего высокопревосходительства от 7 июля № 486 имею честь донести, что полученные при том экземпляры прокламации на гишпанском и португальском языке не упущу употребить в пользу в то время, когда будут противу меня гишпанские и португальские войска.

Ген.-л. Эссен 1-й.

Материалы, т. XIV, стр. 126.

55

Из записок А. И. Антоновского о добровольной сдаче в русский плен испанцев-солдат армии Наполеона.

С рассветом мы опять были за Двиною, и кавалерия отправилась на поиски, и к полудню удалые гродненцы притащили человек 200 сброду, в том числе и несколько гишпанцев с офицером. Они передались добровольно в наши руки и говорили, что, будучи взяты французами в плен в делах Гишпании, Наполеон под угрозой смертной казни принудил их служить во французской службе. Но это едва ли справедливо. Притом рассказывали, вошедши в Россию, все гишпанцы искали случая передаться к нам; но многие из товарищей их попали в важную ошибку. Не зная, что здешний край от границ России населен поляками, которые не расположены к русским, и спрашивавших проводить к нашим войскам поляки провожали к французским, и много таким образом погибло. Гишпанский офицер много рассказывал нам подобных происшествий, а между тем и то, что польские паны весьма дружественно и с необыкновенным уважением принимают французов, называя их своими избавителями.

Перед вечером наши гусары и еще привели пленных, а с ними и одного польского, мелкую шляхту, на которого гишпанцы и голландцы пленные показали, что этот негодяй спрашивавших дороги к русской армии провожал к французам. Обвиненный таким образом здесь же и возмездие получил. Ген. Кульнев приказал 26-му егерскому полку над преступником устроить экзекуцию...

Харкевич, III, стр. 39—40.

VIII

БОРЬБА ВОКРУГ ВОПРОСА ОБ ОТСТУПЛЕНИИ РУССКОЙ АРМИИ

56

1812 г. июля 20. — Приказ М. Б. Барклая де-Толли по 1-й армии с объяснением причин отступления к Смоленску.

Солдаты! Я с признательностию вижу единодушное желание ваше ударить на врага нашего. Я сам с нетерпением стремлюсь к тому. Под Витебском мы воспользовались уже случаем удовлетворить сему благородному желанию: вы знаете, с какою храбростью 4 корпус и 3 дивизия и напоследок малый арьергард наш удерживали там превосходнейшего числом неприятеля и открыли путь 6-му корпусу соединиться с нами. Мы готовы были после того дать решительный бой, но хитрый враг наш, избегая оного и обыкши нападать на части слабейшие, обратил главные силы свои к Смоленску, и нам надлежало защиту его, а с ним и самого пути в столицу, предпочесть всему. Теперь мы летим туда и, соединясь со 2-ю армиею и отрядом Платова, покажем врагу нашему, сколь опасно вторгаться в землю, вами охраняемую. Последуйте примеру подвизавшихся под Витебском и вы будете увенчаны бессмертною славою; наблюдайте только порядок и послушание: победа ваша.

Бумаги Щукина, ч. X, стр. 440—441.

1812 г. июля 28. — Из письма Н. М. Лонгинова С. Р. Воронцову из Петербурга по поводу конечных целей войны и желания армии прекратить отступление.

... Многие страны жаждут уже свергнуть давящее их иго, но соединение их воедино невозможно, пока Россия не перейдет в наступление... Долго будут чувствоваться бедствия и разорение страны от варварства этих современных гуннов. Теперь никто уж не удивляется, что Бонапарт достает деньги и людей, чтоб воевать. На такой способ ведения войны, какого он до сих пор придерживался, всегда найдутся и люди, и деньги. Его можно будет одолеть только его собственным оружием, т. е. когда его лишат возможности употреблять его в дело и направят его против него же самого. Но только одни испанцы, кажется мне, способны это доказать на деле, а они доведены до такого отчаяния, что приступят к этому. Бургосские расстрелы ужасны. Но думаю, что французы не посмеют уже более расстреливать инсургентов, как они их называют. Испанцы им доказали, что из этих инсургентов состоит вся Испания. От наших поляков нельзя ожидать таких подвигов, и единому господу ведомо, что станется с Россией...

Следует еще принять в соображение, что наш солдат не так годен для оборонительной войны, как немецкий или английский.

У нас скоры видеть измену и падать духом, причем победы становятся невозможными. Целые корпуса уже отказывались итти, особенно корпус гр. Шувалова. До Свенцян наши солдатики выказали себя очень терпеливыми, но после Дриссы и Витебска не было возможности их сдерживать. Вместе с необходимостью сформировать ополчение, это и было поводом оставления императором армии... Солдаты наши сражаются отлично, но, чтоб они могли победить врага, их нужно вести на него. Избави нас бог отступать. И если б это продолжалось, солдаты наши сами пойдут в бой, без начальства, без всякого порядка и сразятся наверняка.

Такого мнения держались все наши генералы при обсуждении плана Фуля и принца Ольденбургского о дальнейшем отступлении. Все пришли в негодование от него, что делает честь нашим достойнейшим корпусным и дивизионным начальникам, подобных которым не найдется у неприятеля.

Несчастие в том, что нет достойной главы, чтобы руководить всеми...

Р. А., 1912, № 4, стр. 490—491.

1812 г. июля... — Письмо П. И. Багратиона А. А. Аракчееву по поводу необходимости наступления.

Милостивый государь, граф Алексей Андреевич!

Я ни в чем не виноват: растянули меня сперва, как кишку, пока... неприятель ворвался к вам без выстрела; мы начали отходить, не ведаю за что; никого не уверить ни в армии, ни в России, чтобы мы не были проданы. Я один всю Россию защищать не могу. 1-я армия тотчас должна итти и наступать к Вильне непременно. Чего бояться? Я весь окружен и куда продерусь, заранее сказать не могу, что бог даст, а дремать не стану, разве здоровье мое мне изменит — уже несколько дней очень чувствую. Я вас прошу непременно наступать, как приятеля, а то худо будет и от неприятеля, а, может быть, и дома шутить не должно. И русские не должны бежать. Это хуже пруссаков мы стали. Я найду себе пункт продраться, конечно, и с потерею, но вам стыдно, имевши в заду укрепленный лагерь, фланги свободные, а против вас слабые корпуса. Надобно атаковать. Мой хвост всякий день теперь в драке. А на Минск и на Вилейку мне не можно пройти от лесов, болот и мерзких дорог. Я не имею покою и не живу для себя, бог свидетель, рад все делать, но надобно иметь и совесть и справедливость. Вы будете отходить назад, а я все пробивайся. Ежели для того, что фигуру мою не терпит, лучше избавь меня от ярма, которое на шее моей, а пришли другого командовать, но за что войска мучить без цели и без удовольствия? Советую наступать тотчас. Не слушайтесь никого. Пуля баба — штык молодец. Так я полагаю. Остроумие г. Фуля... что он делает нас бабою.

Пожалейте государя и Россию. Зачем предаваться законам неприятельским тогда, когда мы можем их победить весьма легко? Можно сделать приказать двинуться вперед, сделать сильную рекогносцировку кавалерий и наступать целой армией. Вот и честь и слава. Иначе, я вас уверяю, вы не удержитесь и в укрепленном лагере. Он на вас не нападет в лоб, но обойдет. Наступайте ради бога. Войско ободрится. Уже несколько приказов дано, чтобы драться, а мы бежим. Вот вам моя откровенность и привязанность государю моему и отечеству. Если не нравится, избавьте меня, и я не хочу быть свидетелем худых последствий. Хорошо ретироваться 100—150 верст, но, видно, есть злодей государю и России, что гибель нам предлагает. Итак, прощайте. Я вам все сказал, как русский русскому, но если ум мой иначе понимает, прошу в том простить.

Материалы, т. XVI, стр. 215—216.

39

1812 г. июля 29. — Письмо П. И. Багратиона А. А. Аракчееву с жалобами на Барклая де-Толли.[1]

Милостивый государь, граф Алексей Андреевич!

Истинно и по совести вам скажу, что я никакой претензии не имею, но со мною поступают так неоткровенно и так неприятно, что описать всего невозможно. Воля государя моего! Я никак вместе с министром не могу. Ради бога пошлите меня куда угодно, хотя полком командовать, в Молдавию или на Кавказ, а здесь быть не могу. И вся главная квартира немцами наполнена, так что русскому жить невозможно и толку никакого нет. Воля ваша, или увольте меня хотя отдохнуть на месяц. Ей-богу, с ума свели меня от ежеминутных перемен, я ж никакой в себе не нахожу. Армия называется только, но около 40 тыс., и то растягивают, как нитку, и таскают назад и в бок. Армию мою разделить на два корпуса, дать Раевскому и Горчакову, а меня уволить. Я думал — истинно служу государю и отечеству, а на поверку выходит, что я служу Барклаю. Признаюсь, не хочу.

Материалы, т. XVI, стр. 217.

40

1812 г. ранее октября 25. — Из объяснения М. Б. Барклая де-Толли, представленного Александру I из Владимира по поводу отступления русской армии.

С самого того времени, когда неприязненные поступки императора французов поставили нас в необходимость помышлять о войне настоящей, когда проникнуты были способы, принятые им к совершению алчного против нас намерения, предположено было с совещания общего начать войну сию оборонительно. При таком положении политических дел в Европе, в каком находились они в последнее время, невозможно было нам предпринять войны другого рода. Но и оборонительная война была бы для нас бесполезна и даже пагубна, ежели бы цель ее клонилась к одной только упорной защите границ наших. Пространство их и неожиданное превосходство сил неприятельских, от всех почти европейских на твердой земле держав двинутых, делали сие также

---

[1] Оценка Багратионом действий Барклая де-Толли, как показал ход дальнейших событий, была односторонней и несправедливой (см. также документ № 44). — *Ред.*

невозможным. Удачное сопротивление на одном пункте никак не могло бы обеспечить другого, да и самое счастливое отражение неприятеля вообще от границ наших продлило бы только войну с новыми для нас опасностями, ибо он, имея за собою союзные державы, имел бы все удобнейшие средства подкрепляться и возобновлять свои нападения. А ежели прибавить к тому, что в западных губерниях наших многие умы по непостоянству и легковерию поколебались разными от него обольщениями, то нельзя не согласиться, что с открытием военных действий на границах имели бы мы впереди внешних, а за собою внутренних врагов и, сражаясь с теми и другими, поставили бы себя в положение затруднительнейшее самого нападения. Тогда война оборонительная сделалась бы для нас опаснее войны наступательной.

Итак, чтобы, спасая отечество от предстоящей ему грозы, положить с тем вместе конец бедствиям, в продолжение 20 лет угнетающую (sic!) лучшую часть света, предположено было с общего совещания открыть кампанию отступлением к древним нашим границам и, завлекши неприятеля в недра самого отечества, заставить его ценою крови приобретать каждый шаг, каждое средство к подкреплению и даже к существованию своему и, наконец, истощив силы его с меньшим, сколько возможно, пролитием своей крови, нанести уже ему удар решительный. Правда, с таким предположением должно было ожидать стеснения некоторых провинций наших, но из двух неизбежных зол надлежало избрать легчайшее: лучше пожертвовать на время частью, нежели убить навсегда целое!

С сим планом, предначертанным благотворительною заботливостию не только о своем, но и о чужих народах, западные армии наши, 1-я и 2-я, заняли границы, к Литве прилегающие, 3-я расположилась на границах волынских. Коль скоро неприятель, вопреки правам народным, без всякого объявления войны вторгнулся в границы наши и обратил главнейшие силы на границы литовские, то обе первые армии искусным движением своим уничтожили наглое намерение его разделить их на части или заставить решиться на генеральное сражение тогда, как силы его, превосходя втрое наши, были еще в самом лучшем состоянии. Оставляя ему провинции литовские, лишенные уже важных средств к содержанию войск, мы не упускали однако же ни одного удобного случая истощать его нашими встречами. Частные битвы под Вильно, Свенцянами, Видзою, Витебском, Миром, Мошлевым, Красным и проч. суть вернейшие тому свидетели. Напоследок обе армии, преодолев все противопоставленные препоны, соединились в Смоленске, и здесь начались уже настоящие действия по принятому плану.

Неприятель со всеми силами своими, все еще гораздо нас превосходивший, расположась на левом берегу Днепра, старался разделить армии наши и, овладев без боя пунктом соединения, отрезать их и от провинций южных, откуда получали они свое продовольствие, и от 3-й армии и, наконец, от дороги к Москве. Но намерение его предупреждено: 2-я армия быстрым движением к Дорогобужу удержала за нами дорогу сию, а 1-я, приняв на себя остановить стремление его, не взирая на величайшее неравенство сил, противостала ему у стен смоленских, и он принужден был решиться на приобретение города сего кровопролитием для того только, как известно, дабы исполнить данное прежде времени войскам своим обещание ввести их сюда торжественно. Дорого стоило ему предприятие сие! Нападение его и оборона наша покрыли защищавшихся новою славою и поля смоленские трупами нападавших, и дерзкий враг отбит от Смоленска. Но по занятии 2-ю армиею назначенного пункта 1-я должна была спешить к новому соединению с нею, а Смоленск, истребленный уже огнем и без жителей, оставить. На сем важном марше 1-я армия отличила себя тем, чем только может отличить себя армия русская: неприятель, устремившийся на нее среди самого движения, отражен и разбит, и замыслы его остались без всякого успеха. Смело можно сказать, что Наполеон во всех операциях своих не имел подобных претковений. После сего обе армии, по принятому плану, нашли полезнейшим завлечь неприятеля далее от провинций, через кои, при пособии некоторых обольщенных им, как выше объяснено, жителей, мог он без затруднения получить все от держав союзных. Сверх того, предстоявшее нам подкрепление вновь образованным в Калуге корпусом, и как тамошним, так и московским ополчением, давало новую причину к отступлению. Намерение наше имело желаемый успех: неприятель с каждым движением более и более оскудевал в способах к продовольствию, и нужды его дошли, наконец, до такой крайности, что солдаты уже питались лошадиным мясом и пареною рожью.

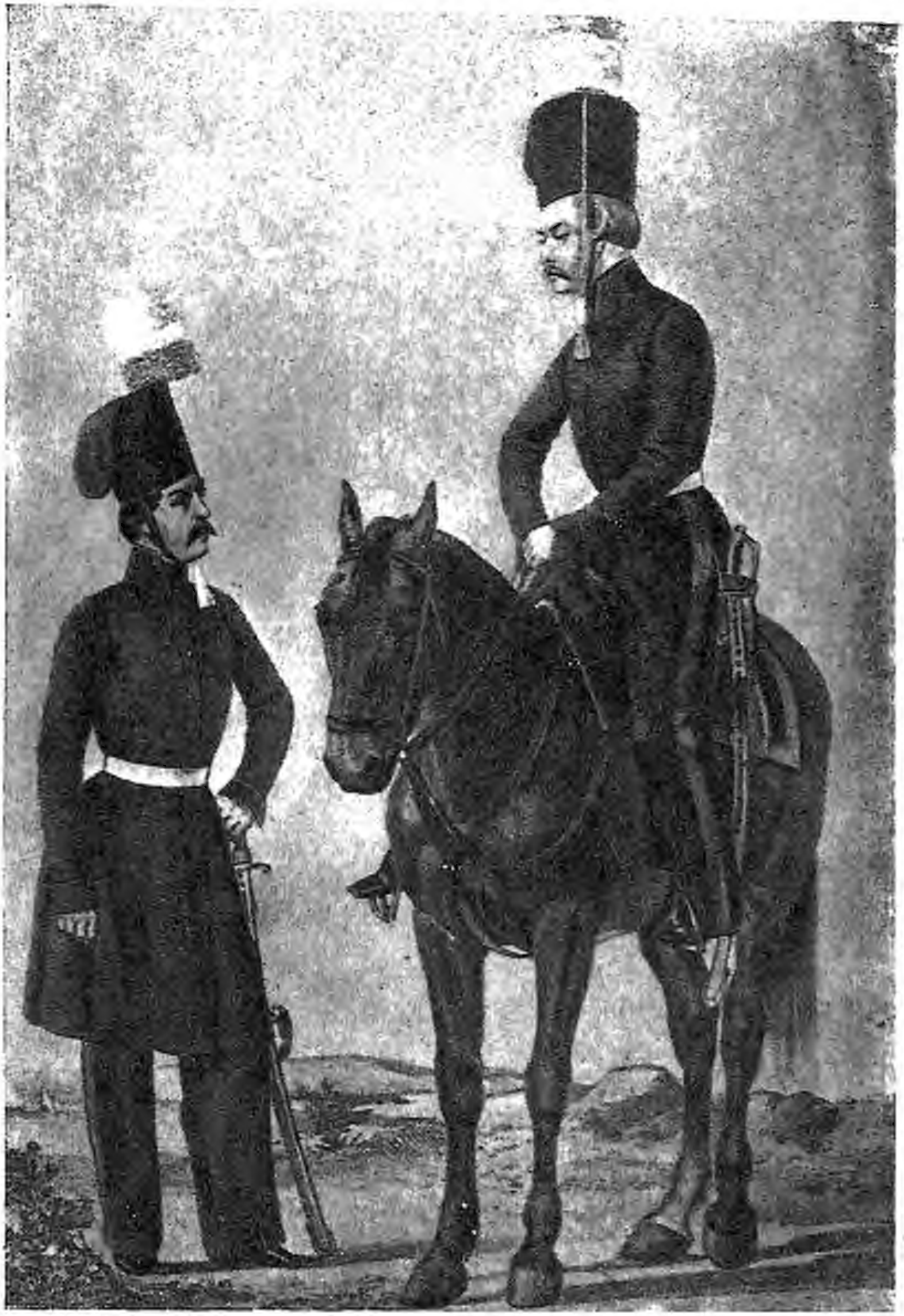
За Вязьмою у с. Царево-Займище положен был предел нашему отступлению. Мы, став в выгодную позицию, изготовились уже с твердостию встретить врага своего, но по переменам, в начальстве армиями последовавшим, отступление продолжено до с. Бородина, что у Можайска. Там 26 августа показали мы врагу нашему и целому свету, как можем мы защищать себя... Известно, что он, отраженный от всех пунктов с бесчисленною потерею, удалился с места сего, можно сказать, беспримерного сражения. Одному только высшему начальству известны причины отступления победоносных армий наших от Бородина. Отступление сие и невыгод-

ная позиция под самою Москвою были следствием, что к оскорблению общему и особливо к оскорблению храбрых воинов наших, с неслыханным мужеством под Бородиным подвизавшихся, оставили мы врагу нашему Москву. С самого занятия ее не мог он предпринять против нас ничего решительного и, как известно, мыслил более о прекращении, нежели о продолжении войны. Вот неоспоримое доказательство, до чего ослабел он от сражения Бородинского и какие предстояли нам над ним выгоды с удержанием места сего. Но и теперь не ушло еще время совершить намерение наше, враг уже в сетях и должен быть погребен в землю, на которую дерзнул он ступить нагло.

Изложив перед всеми и каждым отчет о действиях двух западных армий во время главного командования моего ими, я после сего не страшусь уже порицаний, злобою, клеветою, завистью и неведением вымышляемых. Благомыслящие сами увидят истину объяснений моих; перед недоверчивыми оправдает меня время; пристрастные изобличатся собственною совестью в несправедливости своей, а безрассудных можно, хотя и с сожалением, оставить при их заблуждении, ибо для них и самые убедительные доводы не сильны.

Ген.-от-инф. Барклай де-Толли.

Дубровин, стр. 288—292.



Казак и урядник Донского атаманского казачьего полка начала XIX в.

IX

ОСТАВЛЕНИЕ СМОЛЕНСКА

41

Из воспоминаний Н. И. Андреева об отступлении 2-й армии к Смоленску.

... Мы присоединились к армии под названием второй. Полки сии большею частию были вышедшие из Турции, где недавно Кутузов заключил мир с турками. Были 12-я, 24-я и 2-я гренадерские дивизии. Сия последняя была отличная, старые солдаты-усачи, их можно сравнить с гвардией 1805 и 1807 гг., уже после я по сие время подобных полков не видал ни одной роты и в гвардии. Были у нас: Ахтырский гусарский, Александровский, Литовский уланский; первым командовал Ларион Васильевич Васильчиков, а последним — Тутолмин; и Владимирский уланский, весьма дурной полк. Мы шли так скоро, что нередко делали 70 верст в сутки, не имея времени сварить кашицы солдатам, часто навешивали котлы, разводили огни и в мгновение варку сию убирали, выливали наземь и продолжали ретироваться. Было начало июня, жар нестерпимый. Мы несколько раз переправлялись через Неман в Могилевской губ. В больших лесах бывали пожары, зрелище ужасное, для нас трудное и опасное для артиллерии. По дороге обе стороны были в огне. Как нас бог пронес, это непостижимо. Ретирада наша была изнурительная, но за тем отсталыми нашими не пользовались неприятели. Всякий спасал себя и не отставал. Я, частный офицер, не зная плана похода, не мог видеть, почему мы одну и ту же реку Неман переходили на понтонных мостах довольно часто и иногда с трудом, но о сем известно было князю, нашему главнокомандующему. Под местечком Миром была первая свалка у кавалеристов; начали казаки и кончили Александровский и Ахтырский гусарские полки, где последний отличился храбростью. После сего мы почти бежали, получа известие, что наши дерутся в Могилеве на Днепре: корпус

ген.-от-кав. Николая Николаевича Раевского, где отличился дивизионный начальник ген.-м. Паскевич (ныне фельдмаршал, кн. Эриванский). Мы, хотя и прошли 70 верст в сутки и, подходя к Могилеву, слышали близко выстрелы, но они уже были последние, и мы не поспели в дело. Мы или армия наша была отрезана от 1-й Барклая де-Толли сильнейшим противу нас неприятелем, но гений ученика Суворова, незабвенного кн. Петра Ивановича Багратиона вывел нас из беды и, по трудной ретираде, окруженный со всех сторон, он вывел армию свою и соединился под Смоленском с 1-й армией. Хвала тебе, герой бессмертный!..

Р. А., 1879, № 10, стр. 181—182.

42

1812 г. августа 7. — Из дневника Ц. Ложье о вступлении армии Наполеона в Смоленск.

... Единственными свидетелями нашего вступления в опустошенный Смоленск являются дымящиеся развалины домов и лежащие вперемешку трупы своих и врагов, которые засыпают в общей яме. В особенно мрачном и ужасном виде предстала перед нами внутренность этого несчастного города. Город кажется покинутым. Немногие оставшиеся жители укрылись в церквах, где они, полные ужаса, ждут дальнейшей своей участи. На улицах встречаем в живых только французских или союзных солдат, уже водворившихся в городе. Они отправляются шарить по улицам, надеясь отыскать что-нибудь пощаженное огнем. Потушенный теперь пожар истребил половину зданий: базар, магазины, большую часть домов, так что почти ничего нельзя найти... Что касается военной добычи, то она сводится к нескольким плохим железным пушкам. И вот среди этих груд пепла и трупов мы готовимся провести ночь с 7-го на 8-е...

Ложье, стр. 101—102.

43

Из воспоминаний П. А. Тучкова о разговоре с ним Наполеона в Смоленске по поводу возможности заключения мира.

... Наполеон спросил меня: как я полагаю, дадим ли мы скоро генеральное сражение, или будем все «ретироваться». Я ему отвечал, что мне не известно намерение главнокомандующего. Тут он начал отзываться об нем очень невыгодно, говоря, что немецкая его тактика ни к чему хорошему нас не доведет, что россияне нация храбрая, благородная, усердная к государю, которая создана драться благородным образом, на

чистоту, а не немецкой глупой тактике следовать. «Да и к чему хорошему она может довести? Вы видели пример Пруссии (сказал он мне): она с тактикою своею кончилась в 3 дни. Что за отступление? Почему ж вы вместо того, если уже расположены были иметь войну, не заняли Польши и далее, что вы легко могли сделать, и тогда, вместо войны в границах ваших, вы бы перенесли ее в неприятельскую землю? Да и пруссаки, которые теперь против вас, тогда были бы с вами. Почему же главнокомандующий ваш ничего этого не умел сделать? А теперь, отступая беспрестанно, опустошает только свою собственную землю. Зачем оставил он Смоленск? Зачем довел этот прекрасный город до такого несчастного положения? Если он хотел его защищать, то для чего же не защищал его далее? Он бы мог его удерживать еще очень долго. Если же он намерения этого не имел, то зачем же останавливался и дрался в нем: разве только для того, чтоб разорить город до основания? За это бы его во всяком другом государстве расстреляли. Да и зачем было разорять Смоленск, такой прекрасный город? Он для меня лучше всей Польши. Он был всегда русским и останется русским. Императора вашего я люблю, он мне друг, несмотря на войну. Война ничего не значит. Государственные выгоды часто могут разделять и родных братьев. Александр был мне другом и будет». Потом, помолчав несколько, как будто думая о чем-то, оборотясь ко мне, сказал: «Со всем тем, что я его очень люблю, понять однако же никак не могу, какое у него странное пристрастие к иностранцам. Что за страсть окружать себя подобными людьми, каковы например: Фуль, Армфельд и т. п., людьми без всякой нравственности, признанными во всей Европе за самых последних людей всех наций? Как, неужели бы он не мог из столь храброй, приверженной к государю своему нации, какова ваша, выбрать людей достойных, кои, окружив его, доставили бы честь и уважение престолу?»

Мне весьма странно показалось сие рассуждение Наполеона, а потому, поклонясь, сказал я ему: «Ваше величество, я подданный моего государя, и судить о поступках его, а еще менее осуждать поведение его, никогда не осмеливаюсь. Я солдат и, кроме слепого повиновения власти, ничего другого не знаю». Слова сии, как я мог заметить, не только его не рассердили, но даже, как бы с некоторою ласкою, он, дотронувшись слегка рукою до плеча моего, сказал: «О, вы совершенно правы! Я очень далек от того, чтобы порицать ваш образ мыслей, но я сказал только мое мнение, и то потому, что мы теперь с глазу на глаз, и это далее не пойдет. Император ваш знает ли вас лично?» — «Надеюсь, — отвечал я, — ибо некогда имел счастие служить в гвардии его». — «Можете ли вы писать к нему?» — «Никак нет, ибо я никогда не осмелюсь

утруждать его моими письмами, а особливо в теперешнем моем положении». — «Но если вы не смеете писать к императору, то можете написать к брату вашему, что я вам теперь скажу?» — «К брату — дело другое: я к нему все могу писать». — «Итак, вы мне сделаете удовольствие, если вы напишете брату вашему, что вот вы теперь видели меня и что я препоручил вам написать к нему, что он мне сделает большое удовольствие, если сам, или чрез великого князя, или главнокомандующего, как ему лучше покажется, доведет до сведения государя, что я ничего более не желаю, как прекратить миром военные наши действия. Мы уже довольно сожгли пороху, и довольно пролито крови, и что когда же-нибудь надобно кончить. За что мы деремся? Я против России ничего не имею. О, еслиб это были англичане! Говорите мне об этом! Это было бы другое дело». При сих словах, сжавши кулак, он поднял его вверх. «Но русские мне ничего не сделали. Вы хотите иметь кофе и сахар, ну, очень хорошо, и это все можно будет устроить, так что вы и это иметь будете. Но если у вас думают, что меня легко разбить, то я предлагаю: пусть из генералов ваших, которые более других имеют у вас уважение, как то: Багратион, Дохтуров, Остерман, брат ваш и прочие (я не говорю о Барклае: он и не стоит того, чтоб об нем говорили), пусть из них составят военный совет и рассмотрят положение и силы мои и ваши, и если найдут, что на стороне вашей более шансов к выигрышу и что можно легко меня разбить, то пускай назначат, где и когда им угодно будет драться. Я на все готов. Если же они найдут, напротив того, что все шансы в выгоду мою, так как сие и действительно есть, то зачем же нам по-пустому еще более проливать кровь? Не лучше ли трактовать о мире, прежде потери баталии, чем после? Да и какие последствия будут, если сражение вами проиграно будет? Последствия те, что я займу Москву, и какие б я меры не принимал к сбережению ее от разорения, никаких достаточно не будет: завоеванная провинция, или занятая неприятелем столица похожа на девку, потерявшую честь свою. Что хочешь после делай, но чести возвратить уже невозможно. Я знаю, у вас говорят, что Россия еще не в Москве, но это же самое говорили и австрийцы, когда я шел в Вену, но когда я занял столицу, то совсем другое заговорили. И с вами то же случится. Столица ваша Москва, а не Петербург. Петербург не что иное, как резиденция, настоящая же столица России — Москва».

Я все сие слушал в молчании, он же, говоря беспрестанно, ходил по комнате взад и вперед. Наконец, подошел ко мне и, смотря на меня пристально, сказал мне: «Вы лифляндец?» — «Нет, я настоящий россиянин». — «Из какой же вы провинции России?» — «Из окрестностей Москвы», отвечал я. — «А, вы

из Москвы, — сказал он мне каким-то особенным тоном, — вы из Москвы. Это вы-то, господа московские жители, хотите вести войну со мною?» — «Не думаю, — сказал я, — чтоб московские жители особенно хотели иметь войну с вами, а особливо у себя в земле, но если они делают большие пожертвования, то это для защиты отечества и угождая тем воле государя своего». — «Меня право уверяли, что этой войны хотят московские господа, но как вы думаете, если б государь ваш захотел сделать мир со мною, может ли он сие сделать?» — «Кто же оное может ему воспрепятствовать?» — отвечал я. — «А Сенат, например?» — «Сенат у нас никакой другой власти не имеет, как только ту, которую угодно государю ему предоставить. . .» [1]

Р. А., 1873, № 10, стлб. 1959—1964.

44

1812 г. августа 7. — Письмо П. И. Багратиона А. А. Аракчееву с жалобами на М. Б. Барклая де-Толли.

М. г. Алексей Андреевич!

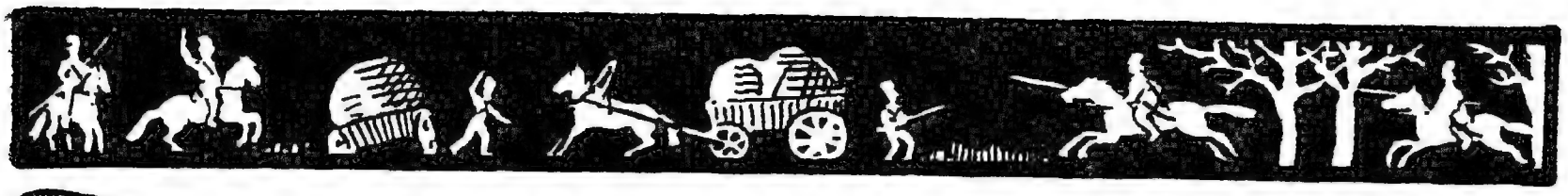
Я думаю, что министр уже рапортовал об оставлении неприятелю Смоленска. Больно, грустно, и вся армия в отчаянии, что самое важное место понапрасну бросили. Я, с моей стороны, просил лично его убедительнейшим образом, наконец, и писал, но ничто его не согласило. Я клянусь вам моею честью, что Наполеон был в таком мешке, как никогда, и он бы мог потерять половину армии, но не взять Смоленска. Войска наши так дрались и так дерутся, как никогда. Я удержал с 15 тыс. более 35 часов и бил их, но он не хотел остаться и 14 часов. Это стыдно и пятно армии нашей, а ему самому, мне кажется, и жить на свете не должно. Ежели он доносит, что потеря велика, — неправда. Может быть, около 4 тыс. не более, но и того нет. Хотя бы и 10, как быть — война. Но зато неприятель потерял бездну. Наполеон, как ни старался и как жестоко ни форсировал и даже давал и обещал большие суммы награждения начальникам только ворваться, но везде опрокинуты были. Артиллерия наша, кавалерия моя истинно так действовали, что неприятель стал в пень. Что стоило еще оставаться 2 дня? По крайней мере они бы сами ушли, ибо не имели воды напоить людей и лошадей. Он дал слово мне, что не отступит, но вдруг прислал диспозицию, что он в ночь уходит. Таким образом воевать неможно, и мы можем неприятеля скоро привести в Москву. В таком случае не надо медлить государю. Где что есть нового войска, тотчас собирать в Москву, как из Калуги, Тулы, Орла, Нижнего, Твери, где

[1] Письмо П. А. Тучкова его брату с изложением беседы его с Наполеоном было доставлено Александру I, но осталось без ответа. — *Ред.*

оно только есть, и быть московским в готовности. Я уверен, что Наполеон не пойдет в Москву скоро, ибо он устал, кавалерия его тоже, и продовольствие его не хорошо, но на сие смотреть не должно, а надо спешить непременно, готовить людей, по крайней мере 100 тыс. с тем, что если он приближится к столице, всем народом на него навалиться, или побить, или у стен отечества лечь. Вот как я сужу, иначе нет способа.

Слух носится, что вы думаете о мире. Чтобы помириться, боже сохрани! После всех пожертвований и после таких сумасбродных отступлений мириться! Вы поставите всю Россию против себя, и всякий из нас за стыд поставит носить мундир. Ежели уже так пошло, надо драться, пока Россия может и пока люди на ногах, ибо война теперь не обыкновенная, а национальная, и надо поддержать честь свою и всю славу манифеста и приказов данных. Надо командовать одному, а не двум. Ваш министр, может, хороший по министерству, но генерал не то что плохой, но дрянной, и ему отдали судьбу всего нашего отечества... Я право с ума схожу от досады, простите мне, что дерзко пишу. Видно, тот не любит государя и желает гибели нам всем, кто советует заключить мир и командовать армиею министру. И так я пишу вам правду: готовьтесь ополчением, ибо министр самым мастерским образом ведет в столицу за собою гостя. Большое подозрение подает всей армии г. флигель-адъютант Вольцоген. Он, говорят, более Наполеона, нежели наш, и он советует министру. Министр на меня жаловаться не может. Я не токмо учтив против него, но повинуюсь как капрал, хотя и старее его. Это больно, но любя моего благодетеля и государя, повинуюсь. Только жаль государя, что вверяет таким славную армию. Вообразите, что нашею ретирадою мы потеряли людей от усталости и в гошпиталях более 15 тыс., а ежели бы наступали, того бы не было. Скажите, ради бога, что наша Россия — мать наша — скажет, что так страшимся и за что такое доброе и усердное отечество отдаем сволочам и вселяем в каждого подданного ненависть и посрамление? Чего трусить и кого бояться. Я не виноват, что министр нерешим, трус, бестолков, медлителен и все имеет худые качества. Вся армия плачет совершенно, и ругают его насмерть... Ох грустно, больно! Никогда мы так обижены и огорчены не были, как теперь. Вся надежда на бога. Я лучше пойду солдатом в суме воевать, нежели быть главнокомандующим и с Барклаем. Вот, вашему сиятельству всю правду описал, яко старому министру, а ныне дежурному генералу, и всегдашнему доброму приятелю. Прочтите и в камин бросьте.

Материалы, т. XVI, стр. 224—226.



X

НАПОЛЕОНОВСКАЯ АРМИЯ В ЗАХВАЧЕННЫХ МЕСТНОСТЯХ

45

1812 г. июля 26. — Письмо А. Бертье Евгению Богарне из Витебска об организации Наполеоном управления в Витебской губ.

Витебск, 26 июля (7 августа) 1812 г.

Ваше высочество! Император, согласно приказа своего от 6 августа, решил, что будет назначена административная комиссия Витебской губ., состоящая из пяти членов и одного генерального секретаря, под председательством интенданта; что этой комиссии будет поручено заведывание финансами и средствами края и организация жандармерии; что управление уездами Витебской губ. будет поручено подпрефектам, под начальством административной комиссии. Ген. Шарпантье вверено начальство в Витебской губ. Г. Пасторе, аудитор в государственном совете, назначен интендантом этой губернии. Его величество также назначил лиц на другие должности. Что касается уездной полиции, то император установил, что в Витебской губ. будет 12 уездов. Его величество назначил туда подпрефектов. Равным образом в каждом из этих уездов будет по военному коменданту.

Вследствие этого, прошу ваше высочество распорядиться назначением одного военного коменданта в Суражском у. и другого в Велижском у., которые находятся в районе вашего корпуса. Обязанности этих комендантов будут состоять: в задержании всех отсталых, как при помощи тех сил, которые будут им даны, так и при помощи жителей, в ведении переговоров с дворянами и помещиками на предмет возвращения жителей, охранения жатв и учреждения повсюду хорошей полиции, в распоряжениях по закапыванию трупов лошадей и

др. на главных дорогах, в починке мостов и, наконец, в организации необходимых магазинов для войск, в постановке при почтовых конторах постов, дабы обеспечить сообщение с армией и движение курьеров. Коменданты должны сноситься с ген. Шарпантье, витебским губернатором, посылать ему донесение о положении дел и заботиться об исправности полицейской службы. Ген. же Шарпантье должен в самом непродолжительном времени прислать им подробные инструкции. Прошу, ваше высочество, дать мне знать, кто будет назначен комендантами в Суражский и Велижский уезды.

Беляев, стр. 61.

46

1812 г. августа 23. — Приказание А. Бертье о мерах охраны фуражиров армии Наполеона от крестьян и казаков.

Гжатск, 23 августа (4 сентября) 1812 г. 5 ч. утра.

Приказание.

Император поручил мне сообщить гг. маршалам и генералам, командующим корпусами, что мы ежедневно теряем много людей вследствие отсутствия порядка в способах сбора продовольствия. Необходимо, чтобы они условились с различными начальниками частей о мерах, которые надлежит принять, чтобы положить конец подобному положению вещей. Число пленных, захватываемых неприятелем, доходит ежедневно до нескольких сот. Императору угодно, чтобы под угрозой самых строгих взысканий солдатам было запрещено уходить в сторону. Следует посылать за припасами, согласно положения о производстве фуражировок, от корпусов, когда армия сосредоточена, и от дивизий, когда она разбросана. Фуражирами должен командовать генерал или штаб-офицер, и достаточные силы должны прикрывать предприятие от крестьян и казаков. Самое лучшее, при нахождении на месте жителей, взять, что они могут поставить, но не причинять излишнего зла стране. Этот вопрос настолько важен, что император ожидает от гг. маршалов, генералов и начальников частей рвения в принятии всех возможных мер, дабы положить конец этому беспорядку.

Гг. маршалы прикажут выдать копии этого приказания начальникам дивизий их корпусов. Эти последние объявят его командирам бригад и начальникам частей, чтобы еще больше гарантировать его выполнение.

Беляев, стр. 93—94.

1812 г. сентября 22. — Из донесения комиссара Щербакова смоленскому военному губернатору Барб-Негру о насилиях армии Наполеона над крестьянами Смоленской губ.

... Разных наций военные люди, а особливо прусской армии конные солдаты с их офицерами, человек по 50, наезжая на господские и крестьянские домы, расположась в них квартирами суток на двое и на трое, делают чрезвычайные грабежи, вытравливают не только в полях, но и на гумнах хлеб и, забирая оный, а также скот, лошадей, сено, пожитки и все, что только найдут и им угодно, увозят с собой, не оставляя в селениях ничего, а жителей бьют до полусмерти и по ним стреляют, невзирая ни на какие воинские залоги и охранные команды, от которых хотя и объявляются им данные от французского правительства письменные о том запрещения, но оными пренебрегают; которые ж из грабителей мною забраны и отправлены были в Смоленск, оных у проводников отбирают и отпускают попрежнему на свободу. Ваше высокопревосходительство! Сжальтесь над бедными стонающими, страждующими и вопиющими на небо жителями. Войдите в сожаление человечества, защитите всех нас силою данной вам власти. Нет возможности более сносить таких жестокостей и грабежей. Если далее хотя малое время все оное от них происходить будет, то данных комиссарам повелений ни под каким видом выполнить будет неможно, ибо жители, не имея чем себя содержать и пропитать, оставя свои домы, разбредутся. Пожалуйста, поскорее запретите им те буйства, насилия и грабежи чинить и снабдите меня на все оное вашею милостивою резолюциею...

Р. Ст., 1901, № 4, стр. 143.

XI

НАЗНАЧЕНИЕ М. И. КУТУЗОВА ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМ

48

1812 г. июля 19. — Из письма И. П. Оденталя А. Я. Булгакову о настроении в Петербурге в пользу назначения М. И. Кутузова главнокомандующим.

. . . Вот уже 11 часов утра, а из армий нет никаких известий. В таком случае лучше не делать никаких догадок. Божусь вам, что сам себе дал слово никак не толковать и даже не думать о сей медленности. Ухожу от тех, которые бы могли меня на то наводить. Чувствую токмо и про себя разумею, что г. Голенищев-Кутузов здесь. Опять повторяю мольбу: продли токмо бог жизнь его и здравие. Его выбрало здешнее дворянское сословие начальником вновь набираемых защитников отечества. Натурально ему от сего отказаться было неможно. Но ежели не последует по высочайшей воле полезнейшего для него, а следовательно и для России, назначения, то накажет праведный и всемогущий судья тех, которые отъемлют у нас избавителя. Вчерась на сего почтенного, заслугами покрытого мужа не мог я взирать без слез. Глас общий взывает: пустите героя вперед с регулярными! Все уцелеет, и до задних оруженосцев дело не дойдет. Им достанется токмо возсылать к богу усердные благодарения за победы, за истребление врага. . .

Р. Ст., 1912, № 7, стр. 140—141.

49

1812 г. августа 6. — Из письма Ф. В. Ростопчина Александру I из Москвы по поводу желания московского населения назначения М. И. Кутузова главнокомандующим.

Москва, 6 августа, 1812 г.

Государь! Ваше доверие, занимаемое мною место и моя верность дают мне право говорить вам правду, которая, может быть, встречает препятствие, чтобы доходить до вас. Армия и Москва доведены до отчаяния слабостью и бездействием военного министра, которым управляет Вольцоген. В главной квартире спят до 10 часов утра, Багратион почтительно держит себя в стороне, с виду повинуется и, повидимому, ждет какого-нибудь плохого дела, чтобы предъявить себя командующим обеими армиями. По возбудившей подозрение записке, найденной в бумагах Себастиани, выслали четырех флигель-адъютантов вашего величества. Влодек здесь ждет вас, Любомирский в Петербурге, Браницкий и Потоцкий в Гжатске. Они не могут быть все четверо изменниками, зачем же наказаны они столь позорным образом? Отчего же Вольцоген или кто другой сообщал вести неприятелям? Москва желает, чтобы командовал Кутузов и двинул ваши войска. Иначе, государь, не будет единства в действиях, тогда как Наполеон сосредоточивает все в своей голове. Он сам должен быть в большом затруднении, но Барклай и Багратион могут ли проникнуть в его намерения...

Решитесь, государь, предупредить великие бедствия. Повелите мне сказать этим людям, чтобы они ехали к себе в деревни до нового приказа. Обязуюсь направить их злобу на меня одного: пусть эта ссылка будет самовластием с моей стороны. Вы воспрепятствуете им работать на вашу погибель, а публика с удовольствием услышит о справедливой мере, принятой против людей, заслуживших должное презрение.

Я в отчаянии, что должен вам послать это донесение, но его требуют от меня моя честь и присяга.

Р. А., 1892, № 8, стр. 444.

50

1812 г. августа 16. — Из письма И. П. Оденталя А. Я. Булгакову из Петербурга об отношении петербургского населения к М. И. Кутузову.

... Вчерась обедал я вместе с бойким казанским протопопом. Он до слез тронул меня и всех присутствовавших рассказом об отъезде Михаила Ларионовича. Будущий избавитель

наш в дорожном экипаже в воскресенье пред самою обеднею при великом стечении народа приехал служить молебен в Казанский собор. Во все продолжение оного стоял он на коленях, вся церковь с ним. Он заливался слезами, воздевая руки к распорядителю судеб, вся церковь рыдала. По окончании молитвы всяк хотел подхватить русскую надежду под руки. Два протопопа собора воспользовались сим счастьем. Народ теснился вокруг почтенного старца, прикасался его платья, умолял его: «Отец наш, останови лютого врага, низложи змия!» Несчастным считаю себя, что не зрел сего величественного и умилительного шествия.

Кутузов! Ты восторжествовал над кознями. С обетом народа, с твоим умом, с твоею опытностью, с любовью к отечеству ты восторжествуешь и над страшным врагом. Гони вон строптивых, мнимых героев, сделай в начальстве другой распорядок, расставь непобедимых так, чтоб коварство везде обретало себе оплот (sic!)...

Р. Ст., 1912, № 8, стр. 170.

51

Из воспоминаний И. М. Снегирева о разговоре Ф. Опочинина с М. И. Кутузовым.

... Когда кн. Кутузову поручили начальство над армиею в 1812 г. и когда он, задумавшись, сидел облокотясь, зять его Ф. Опочинин спросил его: «О чем вы задумались? Верно, о том, как разбить Наполеона?» — «Нет, мой друг, я не о том думаю, как бы разбить его, на это надобна такая же армия, как его, а о том, как бы его обмануть».

Р. Ст., 1912, № 9, стр. 372.

52

1812 г. августа 19. — Письмо М. И. Кутузова его дочери А. М. Хитрово из-под Гжатска о возможности перенесения театра военных действий в район Тарусы.

Друг мой, Аннушка и с детьми, здравствуй!

Это за меня пишет Кудашев; у меня немного болят глаза и я их берегу. Какое несчастье, дорогой друг, быть так близко от вас и не иметь возможности вас обнять, но обстоятельства очень трудные. Я вполне уверен, что с помощью бога, который никогда меня не оставлял, поправлю дела к чести России.

Но нужно сказать откровенно, что мне не нравится ваше пребывание около вашей Тарусы; вам могут наделать беды,

так как что такое представляет собою одна бедная женщина с детьми? Поэтому я хочу, чтобы вы уехали подальше от театра войны. Уезжайте же, дорогой друг, но я требую, чтобы сказанное мною было хранимо вами в глубочайшей тайне, потому что, если оно получит огласку, мне это сильно повредит. Если бы Николаю не удалось получить согласие губернатора на выезд, то вы могли бы уехать одни; тогда я улажу дело с губернатором, напирая на то, что ему (Николаю) следовало бы сопровождать свою жену и детей, но вы, мои дети, уезжайте непременно. Мое здоровье довольно хорошо, и я полн надежды; не будьте же удивлены, что я немного отошел назад без боя: это чтобы усилить себя подкреплениями, как можно больше. Детей целую. Боже тебя благослови и их, кланяйся Николаю, все его дела поправятся; кажется, и Балашов очень за него принялся.

Верный друг Михайла Голенищев-Кутузов.

ЖМНП, 1912, № 1, стр. 31.

XII

БОРОДИНСКАЯ БИТВА

35

1812 г. августа 24. — Диспозиция русской армии перед Бородинским боем.

Армии, присоединив к себе все подкрепления, от Калуги и Москвы прибывшие, ожидают наступления неприятельского при с. Бородине, где и дадут ему сражение.

Армии расположены ныне в позиции следующим образом, начиная с правого фланга: 2-й, 4-й, 6-й и 7-й пехотные корпуса и 27-я пехотная дивизия, находящаяся на левом фланге, составляют кор-де-баталь и расположены в две линии. За ними расположатся кавалерийские корпуса, имеющие вступить в ордер-де-баталь, в полковых колоннах, следующим образом: за 2-м пехотным корпусом — 1-й кавалерийский корпус, за 4-м — 2-й кавалерийский корпус, за 6-м — 3-й кавалерийский корпус, за 7-м — 4-й кавалерийский корпус, т. е. кавалерийские полки 2-й армии. В центре боевого порядка, за кавалерийскими корпусами, стоят резервы в баталионных колоннах на полных дистанциях, в две линии, а именно: в 1-й линии 3-й пехотный корпус, а за ним 5-й или гвардейский корпус и сводные гренадерские баталионы: 4-й, 17-й, 1-й и 3-й пехотных дивизий. 2-я гренадерская дивизия и сводные гренадерские баталионы 2-й армии становятся за 4-м кавалерийским корпусом и составляют резерв 2-й армии. Егерские полки 1-й армии, ныне в арьергарде находящиеся, равно и те, которые стоят в кор-де-баталии, проходят за оный и идут на правый фланг армии за 2-й пехотный корпус, где и поступают частью для занятия лесов, на правом фланге находящихся, и частью для составления резерва правого фланга армии. Все кирасирские полки обеих армий должны во время действия стать позади гвар-

дейского корпуса, также в полковых колоннах. Артиллерия, при резерве остающаяся, составляет в сем боевом порядке резервную артиллерию.

Начальники кор-де-баталии:

Правый фланг, из 2-го и 4-го корпусов, под командою ген.-от-инф. Милорадовича. Центр, из 6-го корпуса, под командою ген.-от-инф. Дохтурова. Левый фланг, из 7-го корпуса и 27-й дивизии, под командою ген.-л. кн. Горчакова 2-го. Главнокомандующие армиями предводительствуют, как и прежде, войсками, их армии составляющими. Ген.-л. кн. Голицин 1-й командует 1-ю и 2-ю кирасирскими дивизиями, кои соединить вместе в колоннах за 5-м корпусом.

В сем боевом порядке намерен я привлечь на себя силы неприятельские и действовать сообразно его движениям. Не в состоянии будучи находиться во время действия на всех пунктах, полагаюсь на известную опытность гг. главнокомандующих армиями и потому представляю им делать соображения действий на поражение неприятеля. Возлагая все упование на помощь всесильного и на храбрость и неустрашимость русских воинов, при счастливом отпоре неприятельских сил, дам собственные повеления на преследование его, для чего и буду ожидать беспрестанных рапортов о действиях, находясь за 6-м корпусом.

При сем случае не излишним почитаю представить гг. главнокомандующим, что резервы должны быть сберегаемы сколь можно долее, ибо тот генерал, который сохранит еще резерв, не побежден. В случае наступательного во время действия движения оное производить в колоннах в атаке, в каковом случае стрельбою отнюдь не заниматься, но действовать быстро холодным оружием. В интервалах между пехотными колоннами иметь некоторую часть кавалерии, также в колоннах, которая бы подкрепляла пехоту.

На случай неудачного дела ген. Вистицким несколько дорог открыто, которые сообщены будут гг. главнокомандующим и по коим армии должны будут отступать. Сей последний пункт остается единственно для сведения гг. главнокомандующим.

На подлинном подписано: ген. кн. К у т у з о в.

Главная квартира, двор Татаринова. Августа 24-го дня 1812 г.

Афанасьев, стр. 3—5.

54

1812 г. августа 25. — Диспозиция армии Наполеона перед Бородинским боем.

Генеральные диспозиции для сражения, имеющего быть завтра, 26 августа.

На рассвете две новые батареи, в продолжение ночи построенные на равнине, занимаемой принцем Экмюльским, откроют огонь на противостоящие две неприятельские батареи. В тот же момент ген. Пернетти, командующий артиллериею 1-го корпуса из 30 пушек дивизии Компана и из всех гаубиц дивизий Дезе и Фриана, которые двинутся вперед, начнет стрельбу и собьет гаубицами неприятельскую батарею. Против нее таким образом будут находиться: 24 орудия гвардии, 30 орудий дивизии Компана, 8 орудий дивизии Фриана и Дезе, — 62 орудия.

Ген. Фуше, командующий артиллериею 3-го корпуса, двинется со всеми гаубицами 3-го и 8-го корпусов, состоящими из 16 орудий, вокруг батареи, действующей против левого редута, что составит 40 орудий, направленных противу этой батареи. Ген. Сорбье будет в готовности при первом приказе выступить со всеми гаубицами гвардии против того или другого редута. Во время стрельбы кн. Понятовский вступит в деревню со стороны леса и обойдет неприятельскую позицию. Ген. Компан направится вдоль леса для овладения первым редутом. Сражение начнется указанным образом. В дальнейшем приказания будут даны согласно неприятельским диспозициям.

Канонада с левой стороны начнется, как скоро начнется канонада на правой. Дивизия Морана и дивизия вице-короля произведут сильный ружейный огонь, коль скоро увидят, что на правой стороне началась атака. Вице-король овладеет деревнею, пройдет ее тремя мостами на возвышенность и образует линию, в то время как генералы Моран и Жерар двинутся для овладения неприятельским редутом. Все это имеет быть произведено в порядке, стараясь, чтоб значительное число войска было всегда в резерве.

В императорском лагере близ Можайска 25 августа 1812. Подписано: кн. Невшательский начальник Генерального штаба Александр.

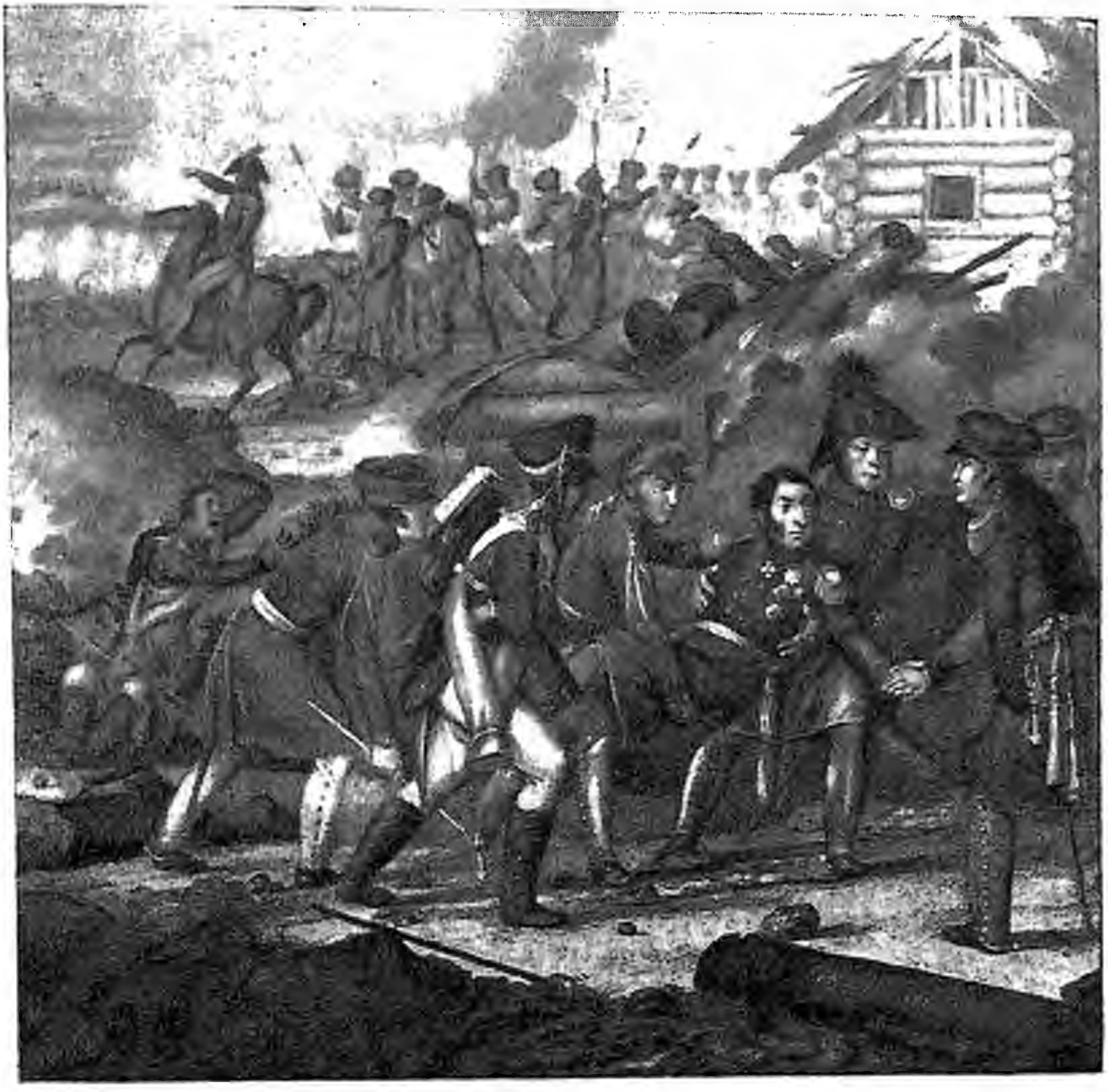
Отечественные записки, ч. 11, 1822, стр. 322—323.

55

Из воспоминаний А. С. Норова о Бородинском бое.

... Бой кипел уже во всем разгаре против нас в центре, а еще более на левом фланге; но клубы и занавесы дыма, из-за которого сверкали пушечные огни или чернели колонны, как пятна на солнце, закрывали от нас все. А что может видеть фронтовой офицер, кроме того, что у него делается на глазах? Первая из рот гвардейской артиллерии, которую двинули из нашей 3-й линии в дело, была батарейная рота гр. Аракчеева, которою командовал мой друг барон Таубе. Вот что тогда делалось.

Воин пеших дружин С.-Петербургского ополчения 1812—1813 гг.



Ранение Багратиона.
С рисунка Жерэна. (Государственный Эрмитаж.)

На пространстве не более двух верст — от Горок до Семеновского — под покровительством 300 орудий наваливала французская армия одновременно на всю нашу линию, но приметно стягиваясь на наш левый фланг, который был предметом всех усилий неприятеля. Самый сильный удар обрушился на кн. Багратиона, на его дивизии гр. Воронцова и Неверовского. Весь корпус маршала Даву, потом корпуса маршалов Нея и Жюно, подкрепляемые артиллериею, сверх тех орудий, которые были на позиции, рвались отчаянно овладеть флешами. В это время 1-я легкая батарея гвардейской конной артиллерии капитана Захарова, завидя выходящий из-за Утицкого леса корпус маршала Жюно, быстро понеслась на него. Вся голова неприятельской колонны была в полном смысле положена на месте под его картечными выстрелами, чем он и дал случай нашим кирасирам произвести блестящую атаку и отбить несколько орудий. Храбрый Захаров был убит. Беспрестанно подкрепляемые французы ворвались, наконец, в одну из флешей, но не могли в ней удержаться и были выбиты штыками Воронцова и Неверовского. Ней и Жюно отчаянно возобновили атаку и завладели флешами. В этот критический момент Барклай, который везде присутствовал, где была наибольшая опасность, выслал к Багратиону три полка 1-й кирасирской дивизии и полки Измайловский и Литовский и две батарейные роты гвардейской артиллерии его высочества и гр. Аракчеева, а кн. Багратион прежде того успел призвать к себе из корпуса Тучкова дивизию Коновницына и сам двинулся атаковать. Флеши были отбиты...

В это время Ней послал к Наполеону сказать, что теперь уже не он, а Багратион его атакует и что нельзя терять ни минуты. Жертвы, понесенные французами при первых атаках нашего левого фланга, были уже так огромны и число убитых лучших их генералов так велико, что весь воинственный гений Наполеона в этот день ему совершенно изменил: он не знал, на что решиться, советовался с Бертье, давал приказания и отменял, говорил, что битва еще не довольно обрисовалась, что шахматная доска его еще не ясна, тогда как судьба битвы была почти уже решена. Дивизия Фриана, подоспевшая, хотя уже поздно, на помощь Нею, значительно его подкрепила; он отчаянно пошел в третий раз на флеши Багратиона (который в это время был ранен, а вслед за ним и начальник его штаба, гр. Сен-При) и после жестоких потерь с обеих сторон овладел ими. Но как велико было удивление неприятеля, когда армия русских, окровавленная, но в наилучшем порядке, перешла только овраг, отделявший Семеновские флеши от холмистой площади, за ними находящейся, под прикрытием грозно выстроившихся наших батарей, громивших взятую французами Семеновскую высоту, и дерзостно вызывала его на новый бой!

Дохтуров, принявший команду после Багратиона, заявив, что он не отойдет отсюда ни на шаг, сошел с лошади, под ужасным огнем сел спокойно на барабан и стал распоряжаться отражениями и атаками...

Приближалась к нам небольшая группа, поддерживая полунесомого, но касавшегося одною ногою земли, генерала... И кто же был это? Тот, которым доселе почти сверхъестественно держался наш левый фланг — Багратион... А мы все еще с орудиями на передках стояли, сложа руки. Трудно выразить грусть, поразившую нас всех. Мы узнали кое-что о происходившем от прошедшего мимо нас на перевязочный пункт. с окровавленною головою, нашего товарища подпоручика Сумарокова, роты его высочества; он едва мог итти от потери крови.

Наконец, дошла очередь и до нас. Заметим, что когда мы вступили в дело (нас потребовали на левый фланг), это уже было гораздо за полдень; почти все главные фазисы битвы уже развернулись. Но, несмотря на то, положение нашей 3-й линии не изменилось: никакой суматохи, никакого беспорядка не было тогда заметно; параллельная нам вторая наша линия хотя иногда и просвечивалась, но нигде не была прорвана. Мы стояли как бы на маневрах, за исключением только того, что ядра вырывали тогда у нас несколько более жертв, чем вначале.

В то самое время, как мы шли на левый фланг, жестокая борьба происходила на центральной батарее, которую мы, артиллеристы, называли по имени батарейного командира Шульмановою, а в реляциях она названа именем Раевского, корпус которого оборонял ее. С самого начала битвы, когда французы, пользуясь туманом, напали врасплох на наших гвардейских егерей, временно вытеснили их из Бородина и потом были опрокинуты в расстройстве ими же (подкрепленными егерями храбрых полковников Карпенки и Вуича), с самого этого времени центральная наша батарея была предметом усиленных атак неприятеля, направленных под командою вице-короля Евгения. Эта батарея, защищаемая дивизиями Паскевича и Васильчикова, с самого утра истребляла ряды неприятеля, который, наконец, с помощью усиленного огня своей артиллерии (тогда как в нашей батарее оказался уже недостаток в зарядах) успел ворваться в редут с бригадою ген. Бонами. В это время Ермолов, посланный Кутузовым на левый фланг (находившийся в самом трудном положении после отбытия пораженного кн. Багратиона), встретил на пути своем две роты конной артиллерии Никитина и повел их на левый фланг; тут же встретился с ним его эйлауский товарищ, начальник артиллерии, пламенный гр. Кутайсов, который присоединился к нему. Поровнявшись с центральною батареею, они с ужасом увидели

штурм и взятие батареи неприятелем, оба бросились в ряды отступающих в беспорядке полков, остановили их, развернули батареи конной артиллерии, направя картечный огонь на торжествующего неприятеля и, став во главе баталиона Уфимского полка, повели их в атаку прямо на взятую французами батарею, меж тем как Паскевич с одной стороны, а Васильчиков с другой, ударили в штыки. Неприятель был везде опрокинут и даже преследуем; центральная батарея опять перешла в наши руки, уже с штурмовавшим ее французским генералом Бонами, взятым в плен, и опять начали громить бегущего неприятеля, который понес при этом случае огромную потерю.

Но с этим торжеством связана великая потеря для всей нашей армии. В это время был убит наш гениальный артиллерийский генерал гр. Кутайсов. В кровавой схватке никто не видал, как он, вероятно, был сорван ядром с своей лошади, которая побежала с окровавленным седлом в свои ряды, и даже труп его не был найден.

... Замечательно, что та именно центральная батарея, возле которой Кутайсов был убит, не переставала действовать, доколе неприятель не сел верхом на ее пушки; но они тут же были опять выручены, искупив вполне временную свою потерю устланными вокруг нее неприятельскими трупами. Весьма справедливо сказал Данилевский, что смерть Кутайсова имела важные последствия на весь ход сражения, лишив 1-ю армию начальника артиллерии в такой битве, где преимущественно действовали орудия, и что неизвестность сделанных Кутайсовым распоряжений произвела то, что многие роты, расстреляв заряды, не знали, откуда их пополнить. И надобно прибавить, что многие роты простояли без дела, а другие были довольно поздно употреблены. Последнее и мы испытали...

Линия дыма на левом фланге, несколько ослабленная лесом, огибала его, и показывала нам, что за этим лесом идет немаловажная борьба. Там пролегала старая Смоленская дорога. Само собою разумеется, что Наполеон не выпустил из виду возможности обойти наш левый фланг, и мы туда часто поглядывали; но там стоял корпус Тучкова, и все усилия Понятовского [1] разбились об эту преграду. Хотя Тучков долго оставался с одною только дивизиею, будучи принужден уступить другую на помощь кн. Багратиону, и начал ослабевать перед напором Понятовского, но Кутузов подкрепил его дивизиею Олсуфьева из корпуса Багговута. Тучков принудил Понятовского отступить, но сам был смертельно ранен, и Багговут заступил его место. Наполеон, узнав о неуспехе Понятовского, сильно опасался в продолжение всей битвы, чтобы Тучков, освободясь от Понятовского, не зашел в тыл Нею и Мюрату.

---

[1] Командир польского корпуса армии Наполеона. — *Ред.*

Мы были в одно время весьма неприятно удивлены несколькими продольными неприятельскими выстрелами с правой стороны нашей батареи. Причина тому была перегнувшаяся линия нашего левого фланга по взятии французами Семеновских флешей, так что огонь французских батарей, направленный на нашу центральную батарею, названную Раевскою (бывшую предметом возобновлявшихся усилий неприятеля овладеть ею), начал досягать до нас. Мы подвинулись поэтому вперед, но вскоре увидели перед собою ряды неприятельской кавалерии. Это была кавалерия Латур-Мобура... Эта тяжелая туча, грозившая разгромом, разбилась о штыки наших гвардейских полков Измайловского и Литовского и была потом разгромлена нашими гвардейскими батареями его высочества и гр. Аракчеева, и отчасти 1-ю легкою ротою. Наполеон мечтал тогда, конечно, о Маренго и о Келлермане, но он имел дело не с австрийцами, и скоро последовало разочарование: большая часть знаменитой его кавалерии полегла на этом месте и не могла уже потом поправиться. Кавалерийская атака была повторена и нашла ту же участь. Явившаяся теперь перед нами кавалерия предприняла третью попытку. Отброшенная опять кареями наших гвардейских полков, она обернула на нас [1] и, заслонив собою действие своей артиллерии, дала возможность нашей батарее несколько вздохнуть и оправиться. Тогда кирасирский полк двинулся для удержания атаки. Наш батарейный командир, увидев движение кирасиров, взял на передки, рысью выехал несколько вперед и, переменив фронт, ожидал приближения неприятеля без выстрела. Орудия были заряжены картечью; цель состояла в том, чтобы подпустить неприятеля на близкое расстояние, сильным огнем расстроить противника и тем подготовить верный успех нашим кирасирам. Неприятель смело шел малою рысью прямо на грозно ожидавшую его батарею. Но в то время, когда неприятельская кавалерия была не далее 150 саженей от батареи, на которой уже наносились пальники, кавалерия эта развернулась на две стороны и показала скрытую за нею легкую конную батарею, снявшуюся уже с передков. Одновременно с обеих сторон разразились выстрелы. Неминуемая сумятица не могла не произойти временно на батарее при столь близкой посылке картечи: несколько людей и лошадей выбыло из строя. Но, имея дело с кавалериею, у нас уже были приготовлены картузы для следующего выстрела, и я успел еще послать картечь из моего флангового орудия. Это был мой последний салют неприятелю... Я вдруг почувствовал электрическое сотрясение,

---

[1] За сим я почти выписываю верный рассказ ген. Ратча о действии нашей батареи, писанный по донесениям и частию со слов очевидцев. (Артиллерийский журнал, 1861, октябрь.)

упал возле орудия и увидел, что моя левая нога раздроблена вдребезги...

Я был уже под ножом почтенного штаб-доктора Измайловского полка Каменецкого на перевязочном пункте, когда происходила опять ужасная резня на центральной батарее Раевского. Но я остановлюсь на время, чтобы сказать несколько слов о духе, который оживлял наших солдат. Мой добрый друг и тогда начальник, Афанасий Столыпин, которому я послал сказать, что фланговые орудия остаются без офицера, подъехал ко мне и, погоревав надо мною, послал отыскивать ратников; но их вблизи не нашлось. Меня понесли на шинели; мы встретили подбитое орудие, влекомое на раненых хромых лошадях, и меня кое-как уложили на него; при мне остался поддерживавший меня бомбардир Козлов. Медленно подвигались мы, провожаемые ядрами; наконец, достигли желаемого места возле какого-то сарая, перед которым вся лужайка была занята сидевшими и лежавшими ранеными, терпеливо ожидавшими, когда дойдет до них очередь. Доктора, с засученными рукавами, выпачканные кровью, подбегали то к одному, то к другому. Меня положили перед Каменецким, который тогда отнимал руку у гренадера, сидевшего на камне. Я обернулся к Козлову: «Останься, мой друг, при мне, пока прибудут из обоза мои люди». «Я попрошу, ваше благородие, — отвечал он, — чтобы здесь покамест вас поберегли, а мне позвольте вернуться на батарею: людей много бьет, всякий человек теперь там нужен». — «Христос с тобою, друг мой, — сказал я ему, — если я останусь жив, ты не останешься без награды»...

Р. А., 1881, № 3, стр. 192—200.

56

1812 г. сентября 19. — Из донесения П. П. Коновницына М. И. Кутузову об отдельных эпизодах Бородинского боя.

... Пехотные полки 3-й дивизии — Черниговский, Муромский, Ревельский и Селенгинский — потребованы (еще прежде сего) на левый фланг 2-й армии, в подкрепление ген. кн. Багратиона, куда прибыв, были употреблены тотчас к завладению важной высоты, занимаемой неприятелем. Сие было исполнено с совершенным успехом. Сказанные полки, презирая всю жестокость неприятельского огня, пошли на штыки и с словом: «ура!», опрокинув превосходного неприятеля, привели в крайнее замешательство его колонны и заняли высоту, с самого начала сражения упорно защищаемую. Послав донести о том ген. кн. Багратиону, получил я прискорбное известие, что он ранен, и повеление принять вместо его команду. Вскоре

после сего в подкрепление левого фланга и центра, по требованию моему, прибыла часть войск от 2-го корпуса и лейб-гвардии, с коими полки дивизии, мне вверенной, беспрерывным ружейным огнем и продолжали отражать неприятеля. Между тем прибыл ген. Дохтуров и я поступил под его начальство.

Сие происходило до 1 часа пополудни; тогда неприятель, усиля свои фронты новыми подкреплениями, сделал на полки 3-й дивизии и близ их стоявшие сильную кавалерийскую атаку, которая при всей стремительности своей осталась вовсе неудачною. Удар выдержан был с отчаянным мужеством и стоил неприятелю страшной потери. Другая его атака, повторенная на те же полки и на батарею подполковника Таубе, имела также последствием сильнейший урон, умноженный еще действием нашей кавалерии, подоспевшей на помощь пехоте.

Я не могу с довольною похвалою отозваться вашей светлости о примерной неустрашимости, оказанной в сей день полками лейб-гвардии Литовским и Измайловским. Прибывши на левый фланг, непоколебимо выдержали они наисильнейший огонь неприятельской артиллерии, осыпаемые картечами ряды их, несмотря на потерю, пребывали в наилучшем устройстве, и все чины от первого до последнего один пред другим являли рвение свое умереть прежде, нежели уступить неприятелю. Три большие кавалерийские атаки неприятельских кирасир и конных гренадер на оба полка сии отражены были с невероятным успехом, ибо, несмотря что кареи, устроенные оными полками, были совсем окружены, неприятель с крайним уроном был прогнан огнем и штыками. 3-й баталион Измайловского полка и полк Литовский, кои в особенности имели ввиду прикрывать бывшую правее их батарею, исполнили сие во все время как нельзя лучше, уничтожая совершенно все покушения на оную. Одним словом, полки Измайловский и Литовский, в достопамятном сражении 26 августа, покрыли себя в виду всей армии неоспоримою славою. Сие ставлю себе за счастье, что предоставлено свидетельствовать подвиги их пред вашею светлостию...

Материалы, т. XVIII, стр. 92—93.

57

1812 г. сентября 27. — Из рапорта Ф. П. Уварова М. И. Кутузову о диверсии 1-го кавалерийского корпуса в Бородинском бою.

В день время сражения, на поздние времена незабвенного — 26 августа 1812 г., вашей светлостью был послан с 1-м кавалерийским корпусом перейти речку и атаковать неприятельский левый фланг с тем, чтобы оттянуть его силы, кото-

рые столь сильно стремились атаковать 2-ю нашу армию, находившуюся на левом фланге позицию (sic!). Получив такое повеление, перешел речку, повел атаку на неприятеля елисаветградскими гусарами и лейб-гвардии казаками, подкрепляя лейб-гвардии полками Драгунским, Уланским и Гусарским и нежинскими драгунами, несмотря на невыгодное местоположение, ибо нужно было переходить чрез глубокий овраг и речку и, поднявшись, тотчас встретить неприятеля. На левой же стороне деревня, а на правой — лес был занят неприятельскою пехотою, но, невзирая на оное, атака была учинена в виду всей армии с неожиданным успехом. По встрече неприятель был опрокинут, батарея едва успела уйти, из которой 2 орудия были отбиты елисаветградскими гусарами, ежели бы не таковое невыгодное место, то были бы увезены непременно. Неприятель был преследываем с большим уроном и потому вынужден был подлинно взять часть сил с тех пунктов, в которых атаковали столь сильно нашу позицию. За сим неприятель, получив на сей пункт таковое подкрепление, старавшись всячески меня вытеснить с занятого тогда мною места, употребляя на сие кавалерию и пехоту и поставя на высотах батареи, но сколько ни усиливался, в том не успел. Тотчас увидев я, что пехота неприятельская, стремившаяся перейти речку и напасть на оставшую нашу пехоту на правом фланге позиции, я решился и эту атаковать гусарами, хотя, должно признаться, что по невыгодному месту для кавалерии совершенного успеху сия атака не имела, но, однако, намерения неприятеля были опровергнуты, и сия пехота неприятеля во все продолжение времени оставалась без действия. За сим, получив повеление, как от вашей светлости, так и от военного министра ген.-от-инф. Барклая де-Толли, ежели не буду в силах сопротивляться неприятелю, так отступить и перейти за реку, но как еще видел средство держаться на том месте, давая вид неприятелю моими движениями, будто бы предпринимаю его еще атаковать, да держался, несмотря на превосходное число неприятеля до тех пор, пока уже ген.-от. инф. Барклай де-Толли решительно приказал перейти опять на позицию...

Материалы, т. XVIII, стр. 149—150.

38

Из записок Ф. Сегюра о результатах Бородинского боя.

Когда Наполеон, наконец, пришел в свою палатку, то к его физическому упадку присоединилась еще глубокая печаль. Он видел поле битвы, и оно говорило красноречивее, чем люди. Эта победа, к которой так стремились и которая была куплена такою дорогою ценой, осталась неполной! Он ли это, всегда до-

водивший свои успехи до последнего предела? Почему он оставался теперь равнодушным и бездеятельным, как раз тогда, когда судьба в последний раз оказывала ему свое покровительство?

В самом деле, потери были громадны и не соответствовали результатам. Все вокруг него оплакивали смерть кого-нибудь из близких, друга, родственника, брата. Роковой жребий в этой битве пал на самых значительных лиц. Сорок три генерала были убиты или ранены. В какой траур должен был одеться весь Париж! Какое торжество для его врагов! Какой опасный предмет для размышлений в Германии! И как в армии, так и в своей палатке Наполеон был одинок со своей победой, безмолвной и мрачной, даже не вызывавшей мести! Те, кого он позвал к себе, Дюма, Дарю, слушали его и молчали. Но их поза, их опущенные взоры, их молчание были достаточно красноречивы.

Было 10 часов. Мюрат, пыл которого не могли угасить 12 часов непрерывной битвы, еще раз пришел к нему просить, чтобы он дал гвардейскую кавалерию. Неприятельская армия, по его словам, поспешно и в беспорядке переходила реку Москву. Он хочет захватить ее врасплох и нанести ей последний удар. Однако император отверг такой порыв неумеренного рвения и продиктовал бюллетень этого дня.

Сегюр, стр. 150—151.

59

1812 г. августа 26. — Записка М. И. Кутузова М. Б. Барклаю де-Толли о его намерении продолжать сражение на следующий день.

Г. ген.-от-инф. Барклаю де-Толли.

Я из всех движений неприятельских вижу, что он не менее нас ослабел в сие сражение, и потому, завязавши уже дело с ним, решился я сегодняшную ночь устроить все войско в порядок, снабдить артиллерию новыми зарядами и завтра возобновить сражение с неприятелем. Ибо всякое отступление при теперешнем беспорядке повлечет за собою потерю всей артиллерии.

Кн. Голенищев-Кутузов. 26 августа.

Бумаги Щукина, ч. V, стр. 3.

60

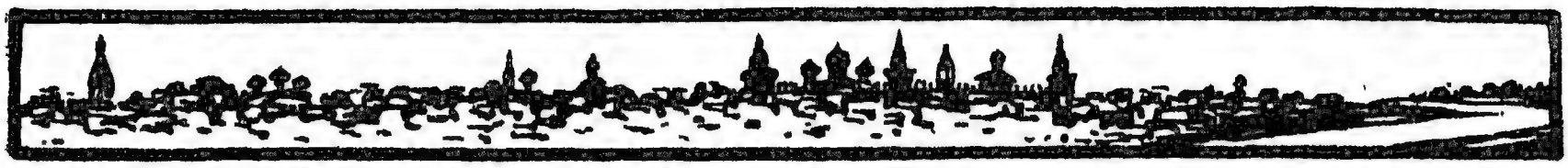
1812 г. августа 27. — Донесение М. И. Кутузова Александру I с позиции при Бородине о Бородинском бое.

Вашему и. в. доношу, что после донесения моего о том, что неприятель 24-го числа производил атаку важными силами на

левый фланг нашей армии, 25-е число прошло в том, что он не занимался важными предприятиями, но вчерашнего числа, пользуясь туманом, в 4 часа, с рассветом, направил все свои силы на левый фланг нашей армии. Сражение было общее и продолжалось до самой ночи; потеря с обеих сторон велика; урон неприятельский, судя по упорным его атакам на нашу укрепленную позицию, должен весьма наш превосходить. Войска вашего и. в. сражались с неимоверною храбростию: батареи переходили из рук в руки, и кончилось тем, что неприятель нигде не выиграл ни на шаг земли с превосходными своими силами. Ваше и. в. извольте согласиться, что после кровопролитнейшего и 15 часов продолжавшегося сражения, наша и неприятельская армии не могли не расстроиться и за потерею, сей день сделанною, позиция, прежде занимаемая, естественно стала обширнее и войскам невместною, а потому, когда дело идет не о славе выигранных только баталий, но вся цель будучи устремлена на истребление французской армии, ночевав на месте сражения, я взял намерение отступить 6 верст, что будет за Можайском, и собрав расстроенные баталиею войска, освежа мою артиллерию и укрепив себя ополчением московским, в теплом уповании на помощь всевышнего и на оказанную неимоверную храбрость наших войск, увижу я, что могу предпринять противу неприятеля. К сожалению, кн. Петр Иванович Багратион ранен пулею в левую ногу; ген.-лейтенанты Тучков и кн. Горчаков, ген.-майоры Бахметевы, гр. Воронцов, Кретов — ранены. У неприятеля взяты пленные и пушки и один бригадный генерал: теперь ночь и не могу еще разобраться, есть ли с нашей стороны таковая потеря.

Августа 27-го дня 1812 г. Позиция при Бородине.

Афанасьев, стр. 15.



XIII

МОСКВА ПЕРЕД ЗАНЯТИЕМ ЕЕ НАПОЛЕОНОМ

61

1812 г. сентября 1. — Предписание Ф. В. Ростопчина П. А. Ивашкину о вывозе из Москвы пожарных труб.

По уважению настоящих обстоятельств, я рекомендую вашему превосходительству, чтоб пожарные команды немедленно были в готовности к выступлению, единственно только с трубами, а пожарные инструменты остаются здесь; сукно же взять; равномерно и драгунские 2 эскадрона должны быть в готовности и находиться при мне, а сборное место пожарной и всей полицейской команде назначается у Красных ворот. Впрочем, как те, так и другая должна немедленно быть в готовности в Рязань.

Гр. Ростопчин.

Сентября 1 дня 1812 г. Москва.

Бумаги Щукина, ч. I, стр. 96.

62

1812 г. августа 31. — Из записок А. Д. Бестужева-Рюмина о готовности народа защищать Москву.

. . . Августа 31-го дня. Я рано вышел из дому моего, желая посмотреть, что делается в городе, и прошел до Пресненской заставы, из которой дорога на Три Горы. Боже мой! С каким сердечным умилением взирал я на православный русский народ, моих соотечественников, которые стремились с оружием в руках, дорого от корыстолюбивых торговцов купленным. Другие шли с пиками, вилами, топорами в предместие Три Горы,

чтобы спасти от наступающего врага Москву... Малейшая поддержка этого патриотического взрыва, и бог знает, взошел ли бы неприятель в Москву! Народ, в числе нескольких десятков тысяч, так что трудно было, как говорится, яблоку упасть, на пространстве 4 или 5 верст квадратных, с восхождением солнца до захождения, не расходился в ожидании гр. Ростопчина, как он сам обещал предводительствовать ими; но полководец не явился, и все с горестным унынием разошлись по домам...

Р. А., 1896, № 6, стр. 358.

65

Из воспоминаний И. М. Снегирева о намерении жителей Москвы дать сражение армии Наполеона.

... Близ Поклонной горы делались укрепления, войска наши стояли у Дорогомиловской заставы, а московские жители — одни торопились выезжать и выходить с семействами из столицы, другие теснились в Кремле у Арсенала, запасаясь оружием, чтобы, по воззванию Ростопчина, итти с архиереем на битву против врага. Никто почти не сомневался в близком сражении под Москвою и даже в самой Москве, но едва ли кто воображал, что она будет предана врагу и огню, как искупительная жертва за отечество. Ростопчин тогда уверял, что «жизнию своею отвечает, что злодей в Москве не будет». Многие готовились к смерти напутствованием себя св. тайнами. У ворот Саввинского подворья толпился народ. Одни кричали: «Неприятель вступает в Москву!», а другие: «Англичане идут к нашим на помощь!». Спрашивали об архиерее, скоро ли пойдет он с ними на Три Горы. Преосвященный оставался только с некоторыми духовными особами и секретарем своим; он приказывает запереть ворота подворья и на всякий случай готовить лошадей. В таком томительном ожидании и нетерпимости настает вечер. Неприятельские отряды уже появляются в окрестностях застав московских, слышны и выстрелы, и музыка, а народ, собравшийся на Трех Горах, ждет главнокомандующего и архиерея с крестным ходом, порывается постоять за матушку свою Москву, как будто горсть различно вооруженных граждан могла одолеть полчища Наполеона...

Вокруг столицы пылали уже села и деревни, зарево страшно разливалось по небосклону во мраке ночном и освещало ее улицы. По Смоленской дороге издали видны были огни в таборах, изредка раздавались выстрелы пушечные и ружейные. Тащились раненые в Москву, а из Москвы по Владимирской дороге тянулись обозы жителей московских, пушки из

Арсенала. Крестьяне и ратники сопровождали отряды пленных французов, толпились пешие вместе с конными. По ней ехал и наш архипастырь и должен был иногда слышать несправедливые укоры и даже угрозы от встречавшихся по дороге крестьян за то, что покидает паству свою и бежит, как наемник. Тогда и всех выходцев упрекали, что «они продали ее». Но это был патриотический ропот русских, не чаявших, чтоб пожертвованием Москвы можно было спасти Россию, и представлявших себе в стенах древней столицы все отечество свое...

Р. А., 1912, № 5, стр. 136—137.

64

1812 г. сентября 7. — Из письма И. М. Лонгинова С. Р. Воронцову из Петербурга о готовности народа защищать Москву.

Спешу отправить вашему сиятельству письмо от гр. Михаила, полученное мною из Москвы. В нем вы найдете утешительные вести насчет его раны и успокоитесь, узнавши, что при нем чудный хирург Иванов. Граф Михаил отлично сделал, что перебрался в Андреевское из Москвы, которая теперь в ужасном смятении, где все и вся готовится к отчаянной защите на случай несчастия с нашей армией, что, конечно, скорее мера предупредительная, по невозможности допустить, чтоб наш смертельный враг смог когда-либо проникнуть в Москву. Древнюю столицу нашу защищают не венцы, а народ, дух которого не даст себя покорить. Трогательное зрелище все эти крестьяне из-под Смоленска и Москвы, расположившиеся бивуаком под стенами Кремля, вооруженные топорами, косами, лопатами, кольями, ружьями и кричащие: «Мы побросали наши деревни и избы, чтоб спасать матушку-Москву. Дайте нам оружие, ведите нас на супостата. Только через наши трупы ему проникнуть в нее!» и возможно ли, спрашиваю я, завладеть Москвой? Императрица, передавая мне об этой изумительной преданности народа, плакала от радости и волнения и находила, что, кроме русских, никто, даже испанцы, не подают такого дружного примера любви к отечеству, порядку и повиновению. Московское и смоленское ополчения отличались в битве 26-го. Когда у них не было ружей, они шли на врага с кулаками и валили его руками. Бонапарт так же отчаивается, верно, как и бесится, что так ошибся в своих расчетах, и что пропасть, в коей ему суждено погибнуть, уже разверзлась перед его ногами. Но возвратиться ему нельзя: слишком уже

далеко он зашел и, как видно, он решил умереть с оружием в руках, оставаясь у нас. Говорят, что в своем приказе он объявил: «Французы! Вы сразились и покрыли себя позором и бесчестием, которые должны смыть кровью русскою». Последний курьер от кн. Кутузова был 1 сентября. По этому молчанию заключают, что в армии творится что-то ужасное. В настоящую минуту, может быть, решена судьба этой борьбы! Пошли, господи, Европе и всему миру возвратиться к покою и безмятежному житию, коих мы лишены уже четверть века! Говорят и верят, не знаю на каких основаниях, что Кутузов отошел к Воскресенску, чтоб занять более выгодное место и присоединиться к кн. Лобанову, вероятно, уже подошедшему туда с большим ополчением. Если даже неприятель и войдет в Москву, то она будет ему могилой...

Р. А., 1912, № 4, стр. 504—505.

63

1812 г. августа 18. — Из записок А. Д. Бестужева-Рюмина об отношении крестьян к бегству московского населения.

...Те люди, которые не имели нужды просить особенных паспортов, удаляясь из Москвы, находили в пути своем большие неприятности или, лучше сказать, были в величайшей опасности от подмосковных крестьян, чрез селения которых должны были ехать. Они называли удалявшихся трусами, изменниками и бесстрашно кричали вслед тем, которые мимо селений ехали: «Куда, бояре, бежите вы с холопами своими? Али невзгодье и на вас пришло? И Москва в опасности вам не мила уже?» И которые из удалявшихся по необходимости должны были останавливаться в селениях для отдохновения и корму лошадей, то таковые вынуждаемы были хозяевами дворов, у которых останавливались, платить себе за овес и сено втридорога, и сверх того, просто за постой не по 5 коп. с человека, как то обыкновенно платили, но по рублю и более, и беспрекословно должны были повиноваться сему закону, если не хотели сделаться жертвою негодования против своего побегу освирепевшего народа. Многие из удалявшихся из Москвы на своих собственных лошадях возвратились опять в Москву пешками, лишившись дорогою и лошадей своих с экипажем, и имущества. Я свидетельствуюсь в истине сих происшествий теми, кои удалялись в то время из Москвы и сами рассказывали со слезами о горестном своем положении. Между тем в самой Москве так вздорожал наем извощичьих и даже крестьянских лошадей, что за 50 верст просили с нани-

мающегося на 3 лошади 300 руб. и более, потому что богатые господа и купцы всех лошадей забрали; следовательно, обремененный семейством человек в недостатках своих поневоле должен был остаться во власти неприятеля, тогда в скором времени овладевшего Москвою...

Р. А., 1896, № 6, стр. 354.

66

1812 г. июля 15. — Из записок А. Д. Бестужева-Рюмина о торговле оружием в Москве.

... С чувством истинного прискорбия, невольно делаю некоторое замечание, совершенно однакоже справедливое. Оно может показаться весьма неприятно, но правда всегда священна. До воззвания к первопрестольной столице Москве государем императором, в лавках купеческих сабля и шпага продавались по 6 руб. и дешевле; пара пистолетов тульского мастерства 8 и 7 руб.; ружье, карабин того же мастерства 11, 12 и 15 руб.; дороже не продавали. Но когда прочтено было воззвание императора и учреждено ополчение противу врага, то та же самая сабля или шпага стоила уже 30 и 40 руб.; пара пистолетов 35 и даже 50 руб.; ружье, карабин не продавали ниже 80 руб. и проч. Купцы видели, что с голыми руками отразить неприятеля нельзя, и бессовестно воспользовались этим случаем для своего обогащения. Мастеровые, как то: портные, сапожники и другие, утроили или учетверили цену работы своей; словом, все необходимо нужное, даже съестные припасы, высоко вздорожало. Гр. Ростопчин, главнокомандующий в Москве, мог бы легко такое беззаконное лихоимство властию своею остановить и предать виновных суду, но он смотрел на это зло равнодушно и за неделю только до входа неприятеля в Москву публиковал в ведомостях следующее: «Дабы остановить преступное лихоимство купцов московских, которые берут непомерную цену за оружие, необходимое для вступивших в ополчение противу врага, он, главнокомандующий, открыл государственный цейхауз, в котором будет продаваться всякое оружие дешевою ценою».

Действительно, цена продаваемому оружию из Арсенала или цейхауза была очень дешева, ибо ружье или карабин стоил 2 и 3 руб., сабля 1 руб., кортик, пики и проч., все очень дешево, но, к сожалению, все это оружие к употреблению не годилось: ибо ружья или карабины были или без замков, или без прикладов, или стволы у них согнутые, или измятые, сабли без эфесов, у других клинки сломаны, зазу-

брены, и лучшее, что было в цейхаузе, то скуплено уже было купцами; но, невзирая на негодность оставшегося оружия, покупали еще оное, и Арсенал или цейхауз был полон народу...

Р. А., 1896, № 6, стр. 349.

67

Из записок С. Г. Волконского о настроениях во время войны.

... В один день получил я от подполковника Розенберга извещение, что, по назначенной реквизиции фуража и людского продовольствия командуемого им Изюмского гусарского полка из имений ген.-адъютанта Балашева, управляющий этим имением не только что отказал в выдаче по ассигновке, но выгнал фуражировавшую команду и отправил нарочного в Тверь, чтоб оттуда послать эстафету с жалобой на действия военного управления. Розенберг был, по содержанию его записки ко мне, видимо, испуган и просил моего совета.

Я, зная образ суждения Винценгероде в отношении общих тогдашних обстоятельств, понес прямо записку Розенберга к Винценгероде, доложил о содержании оной и получил приказание передать Розенбергу, чтоб он, если не хотят ему дать назначенное мирным путем, взял бы вдвое силою. К этому же Винценгероде еще сказал, что впоследствии от царя зависит платить за забранное, но теперь, когда правительству на защиту отечества нужна каждая копейка, нечего заботиться о выгодах помещичьих, и что грустно будет, если приближенные к царю не будут давать примера пожертвованиями, и особенно в предстоящих обстоятельствах, потому что зачем было беречь теперь русским то, что завтра, если сохранено будет, может быть взято французами?

Но вопль чиновников, которым препятствовал Винценгероде делать закупы по фабулезным ценам, и таковой же вопль господ помещиков, которые, как тогда, так и теперь, и всегда будут это делать, кричать об их патриотизме, но из того, что может поступить в их кошелек, не дадут ни алтына, — этот вопль нашел приют в Питере, и на эти жалобы, хотя в выражениях весьма учтивых, от гр. Аракчеева был прислан Винценгероде запрос.

Имея рыцарские чувства, Винценгероде, получив это, вспылил, не отвечал графу, но, написав письмо прямо государю, приказал мне немедленно отправиться с этим письмом в Петербург и дал мне собственноручную записку, в чем объясниться с царем, как по предмету нанесенной на него жалобы, так и по многим другим обстоятельствам. Сборы мои не были

долги; занимаемую мною должность передал я Нарышкину, сел на тройку и помчался в Питер.

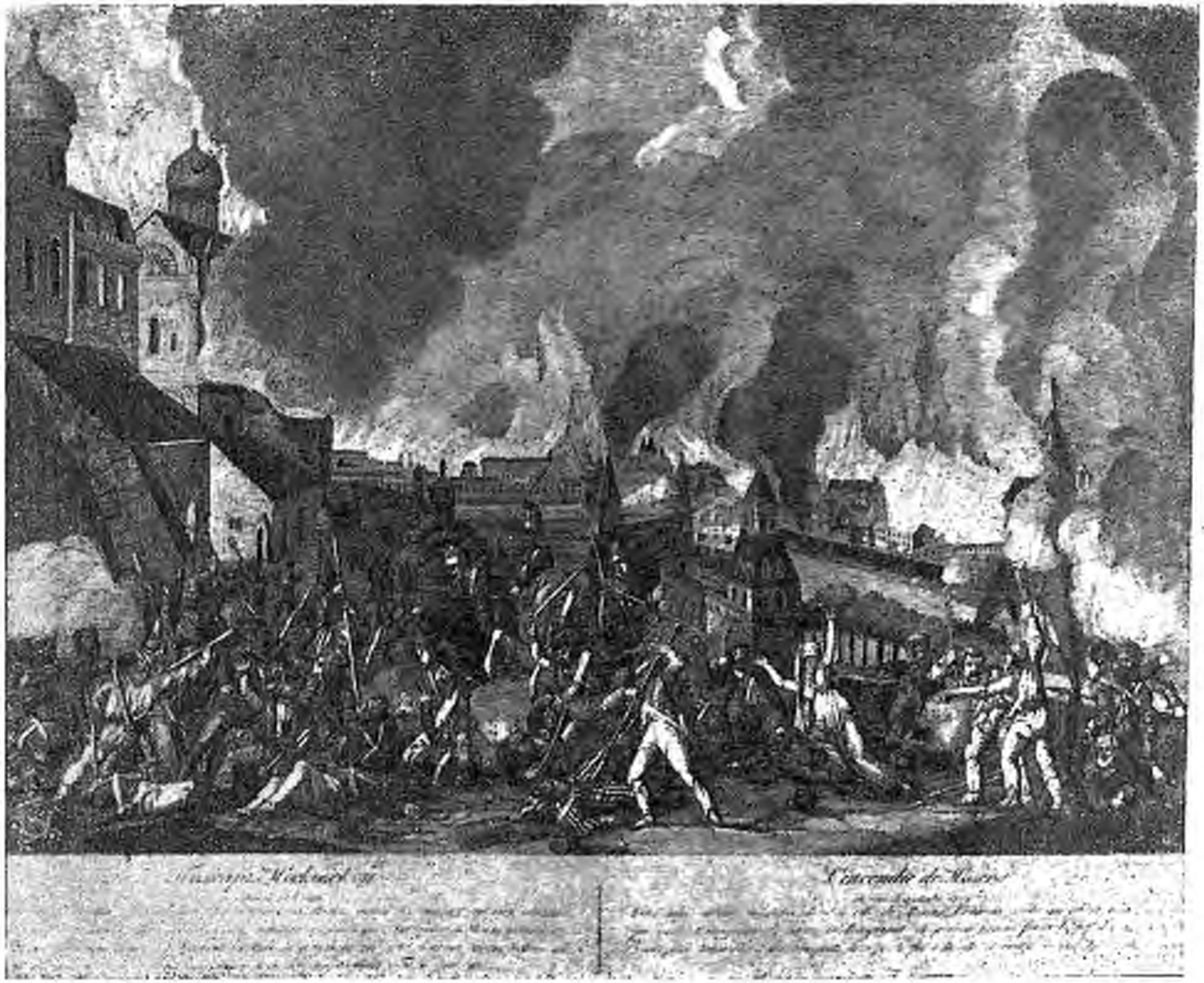
По тогдашнему заведенному порядку, приезжие курьеры прямо привозились к гр. Аракчееву и оттоль, смотря по лицам и обстоятельствам, он, или один, взявши депеши, или с прибывшим, ехал во дворец, и тогда прибывший допускался до царя. Гр. Аракчеев повез меня во дворец, и я лично и без него был допущен к государю. Подав ему депешу, доложил, что имею записку о личном докладе ему содержания оной. Он и ту взял и, переговорив со мною о содержании всего врученного, сказал мне: «Ты немного отдохнешь, а потом получишь отправление от графа». Тут он мне сделал следующие вопросы:

1. Каков дух армии? Я ему отвечал: «Государь! От главнокомандующего до всякого солдата, все готовы положить свою жизнь к защите отечества и вашего и. в.»

2. А дух народный? — На это я ему отвечал: «Государь! Вы должны гордиться им; каждый крестьянин — герой, преданный отечеству и вам».

3. А дворянство? — «Государь! — сказал я ему, — стыжусь, что принадлежу к нему — было много слов, а на деле ничего. . .»

Записки С. Г. Волконского, СПб., 1901, стр. 191—193.



Пожар Москвы.
С гравюры Кардели.

Рядовой калмыцких полков 1812—1825 гг.

XIV

ОСТАВЛЕНИЕ МОСКВЫ

68

Из воспоминаний А. П. Ермолова о военном совете в Филях.

... В совете были: главнокомандующий военный министр Барклай де-Толли, ген.-от-кав. барон Беннигсен, ген.-от-инф. Дохтуров, ген.-л. Коновницын, ген.-адъютант Уваров, гр. Остерман-Толстой и Раевский, приехавший из арриергарда после всех. Ген. Милорадович не мог оставить арриергарда, ибо он был в близком весьма расстоянии от неприятеля. Главнокомандующий говорил следующее: «Позиция весьма невыгодна: дожидаться в ней неприятеля опасно; превозмочь, по превосходству сил его, сомнительно. Если бы после сражения мы и не были принуждены к отступлению, но, потерпев такую же убыль, какую в Бородине, не будем в состоянии защищать столь обширного города. Потерю Москвы примет государь хотя чувствительно, к окончанию однако ж войны она его не склонит и к тому он приготовлен. Сохранив Москву, не сохраним России, но, сберегши армию, не уничтожим надежды отечества, и война, единое средство к спасению, может продолжаться удобно. Лучше пожертвовать Москвою и выиграть время, чтобы успеть соединиться с войсками, приготовляемыми во Владимире ген.-от-инф. кн. Лобановым-Ростовским, и чтобы могли сформироваться войска, в Нижнем находящиеся. С потерею Москвы мы не лишаемся никаких средств, ибо все рекрутские депо заблаговременно перемещены в губернии, за Москвою лежащие; литейный завод вновь учрежден в Казани; в Туле оканчивается заготовление небольшого количества ружей из остающихся материалов и основан большой Ижевский ружейный завод; Киевский арсенал вывезен; из Шостенского

пороховаго завода большое количество пороха отправлено внутрь России». Барклай де-Толли предлагал взять направление на Владимир, дабы сохранить сообщение с Петербургом и особенно с царскою фамилиею. Потому ли, что я был младший, или вследствие моего звания, Кутузов потребовал мое мнение.

Я находил вполне основательным предложение военного министра и не разделял его мнения только относительно направления на Владимир в единственном намерении сохранить сообщение с Петербургом, так как такое следование армии отдавало во власть неприятеля все полуденные наши области и значительные, уже готовые для войска запасы. Гораздо важнее было не потерять сообщения с ними, а также с армиями ген. Тормасова и адмирала Чичагова, нежели с царскою фамилиею, которая, при малейшей для нее опасности, могла бы выехать в Казань или северные губернии, не принуждая армию к невыгодному для оной направлению. Как офицер, весьма мало известный, я не смел дать согласия моего на оставление столицы; но, страшась упреков соотечественников, предложил атаковать неприятеля. 900 верст беспрерывного отступления, говорил я, не приготовили неприятеля к подобным со стороны нашей движениям, и нет сомнения, что в войсках его произойдет большое замешательство; его светлости, как искусному полководцу, предстоит воспользоваться им, и сие, конечно, даст другой оборот делам нашим.[1] Кн. Кутузов с неприятностию отвечал мне, что потому даю я такое мнение, что не на мне лежит ответственность.

Ген. Беннигсен, известный знанием военного искусства и опытностью своею, хотя удивил меня, предложив мнение, с моим согласное, но я не могу усомниться, что мнение свое он основывает на расчетах более верных, нежели мои. Ген.-л. Коновницын был со стороны предложивших атаковать неприятеля и, как офицер неустрашимый, другого мнения предложить не мог. Ген. Дохтуров говорил, что хорошо было бы итти навстречу неприятелю, но что в Бородинском сражении мы потеряли многих частных начальников, а возлагая атаку на занимающих места их чиновников мало известных, нельзя быть вполне уверенным в успехе. Ген.-адъютант Уваров не замедлил согласиться на отступление. Ген.-л. гр. Остерман-Толстой предлагал отступить и, вспомнив, повидимому, прежнюю неприязнь свою с ген. Беннигсеном, спросил его, опровергая его предложение, может ли он удостоверить в

---

[1] Мнение мое атаковать неприятеля было неосновательно и я не хочу защищать его. Я был убежден в неизбежности сражения, так как Кутузов не переставал утверждать сего и, следовательно, предлагая атаковать неприятеля, думал этим избегнуть необходимости ожидать нападения в позиции, которая имела недостаток.

успехе атаки. Беннигсен с обычною ему холодностью отвечал, что если бы успех ни малейшему не был подвержен сомнению, то не было бы нужды призывать их в совет, а еще менее — знать его личное мнение. Предложенные в совете мнения мне приказано было передать приехавшему после всех ген.-л. Раевскому, и он объявил, что обстоятельства, объясненные военным министром, достаточны, чтобы и его склонить к мнению оставить Москву. Все подавшие мнение об отступлении имели ту выгоду, что военный министр избавил их от объяснения причин такового мнения, сам изложив оные с совершенным благоразумием. Кутузов явно был на стороне их, и приказано сделать диспозицию к отступлению...

Ермолов, стр. 183—188.

69

Из записок С. И. Маевского об оставлении Москвы.

Для удержания неприятеля сделана была последняя попытка пред Москвою; но позиция избрана была в такой трущобе, где армия была вся в яме, где она не имела ни простора, ни сообщений для взаимных подкреплений, и где на флангах ее мог утвердиться неприятель, завладеть ее выходами и располагать Москвой по собственному произволу. Кутузову оставалось, как многие хотели: или из ложного патриотического упрямства оставаться в этой яме и дать неприятелю владеть всем плацдармом действий и Москвою; или, подобно Меласу, отдать без боя Москву, чтобы только купить свободу и выйти из этой ямы. Может быть, последнее и исполнилось бы, ежели бы известный Фигнер не открыл направления неприятеля, угрожавшего уже стеснить нас и решить всю судьбу всей кампании. После известных споров, решились, наконец, пожертвовать Москвою, чтобы окупить Россию. Итак, тот самый полководец, который накануне сдачи Москвы клялся Ростопчину, что он скорее погребет себя под развалинами Москвы, чем сдаст ее, был побежден обстоятельствами и спас Россию...

Открытие Фигнера, как я уже сказал, спасло Россию от гибели. Ложные понятия о чести спасти Москву исчезли; упрямство уступило место рассудку и из брожения его родилась мысль новая и высокая — стать на операционной линии неприятеля. Фланговый марш был следствием нашего пробуждения, или лучше, воскресением всей России...

Я помню, когда адъютант мой Линдель привез приказ о сдаче Москвы, все умы пришли в волнение: большая часть плакала, многие срывали с себя мундиры и не хотели служить после поносного отступления, или, лучше, уступления

Москвы. Мой ген. Бороздин решительно почел приказ сей изменническим и не трогался с места до тех пор, пока не приехал на смену его ген. Дохтуров. С рассветом мы были уже в Москве. Жители ее, не зная еще вполне своего бедствия, встречали нас, как избавителей; но, узнавши, хлынули за нами целою Москвою. Это уже был не ход армии, а перемещение целых народов с одного конца света на другой. Чрез Москву шли мы под конвоем кавалерии, которая, сгустивши цепь свою, сторожила целость наших рядов, и первого, вышедшего из них, должна была изрубить в куски, несмотря на чин и лицо, — так боялись слить родных с родными...

Р. Ст., 1873, № 8, стр. 141—143.

70

Из воспоминаний Ф. Сегюра о Наполеоне перед вступлением в Москву.

2 сентября Наполеон сел на лошадь в нескольких милях от Москвы. Он ехал медленно, с осторожностью, заставляя осматривать впереди себя леса и рвы и взбираться на возвышенности, чтобы открыть местопребывание неприятельской армии. Ждали битвы. Местность была подходящая. Виднелись начатые траншеи, но все было покинуто и нам не было оказано ни малейшего сопротивления.

Наконец, оставалось пройти последнюю возвышенность, прилегающую к Москве и господствующую над ней. Это была Поклонная гора, названная так потому, что на ее вершине, при виде святого города, все жители крестятся и кладут земные поклоны. Наши разведчики тотчас же заняли эту гору. Было 2 часа. Огромный город сверкал в солнечных лучах разноцветными красками, и это зрелище так поразило наших разведчиков, что они остановились и закричали: «Москва! Москва!» Каждый ускорил шаг, и вся армия прибежала в беспорядке, хлопая в ладоши и повторяя с восторгом: «Москва! Москва!» подобно морякам, которые кричат: «Земля! Земля!» — завидя, наконец, берег в конце своего долгого и тяжелого плавания.

При виде этого золоченого города, этого блестящего узла, в котором сплелись Азия и Европа, где соединились роскошь, обычаи и искусство двух прекраснейших частей света, мы остановились, охваченные горделивым раздумьем. Какой славный день выпал нам на долю! Каким величайшим и самым блестящим воспоминанием станет этот день в нашей жизни! Мы чувствовали в этот момент, что взоры всего удивленного мира должны быть обращены на нас, и каждое из наших движений станет историческим.., В этот момент все было забы-

то: опасность, страдания. Можно ли считать слишком дорогой ценой ту, которая была уплачена за счастье иметь право говорить всю свою жизнь: «Я был с армией в Москве!»...

Наполеон тоже подъехал. Он остановился в восторге, и у него вырвалось восклицание радости. Со времени великой битвы маршалы, недовольные им, отдалились от него. Но при виде пленной Москвы и узнав о прибытии парламентера, они позабыли свою досаду, пораженные таким великим результатом и охваченные энтузиазмом славы. Они все толпились около императора, отдавая дань его счастью и даже готовые приписать его гениальной предусмотрительности тот недостаток заботливости, который помешал ему 25-го числа завершить свою победу. Но у Наполеона первые душевные движения всегда были кратковременными. Ему некогда было предаваться своим чувствам и надо было подумать о многом. Его первый возглас был: «Вот он, наконец, этот знаменитый город!» А второй: «Давно пора».

В его глазах, устремленных на столицу, выражалось только нетерпение. В ней он видел всю русскую империю. В ее стенах заключались все его надежды на мир, на уплату военных издержек, на бессмертную славу. Поэтому его взоры с жадностью были прикованы к воротам. Когда же, наконец, откроются эти двери? Когда же увидит он, наконец, депутацию, которая должна явиться, чтобы повергнуть к его стопам город со всем его богатством, населением, с его управлением и наиболее знатным дворянством? Тогда его безрассудно смелое и дерзкое предприятие, счастливо законченное, будет считаться плодом глубоко обдуманного расчета, его неосторожность станет его величием и его победа на Москве-реке, такая неполная, превратится в самое славное из его военных деяний! Таким образом, все, что могло бы повести к его погибели, приведет только к его славе. Этот день должен решить, был ли он величайшим человеком в мире или только самым дерзновенным, словом — создал ли он себе алтарь или вырыл могилу.

Между тем беспокойство начало одолевать его. Он видел уже, что направо и налево Понятовский и принц Евгений подступали к неприятельскому городу. Впереди Мюрат, окруженный своими разведчиками, уже достиг предместий города и все еще не было видно никакой депутации... Время проходило, а Москва оставалась угрюмой, безмолвной и точно вымершей. Беспокойство императора возрастало, и все труднее и труднее было сдерживать нетерпение солдат. Несколько офицеров проникли, наконец, за городскую ограду. Москва была пуста!

Наполеон, отвергший с негодованием это известие, спустился с Поклонной горы и приблизился к Москве-реке у До-

рогомиловской заставы. Он остановился, ожидая у входа, но тщетно. Мюрат торопил его: «Ну что ж, — отвечал ему Наполеон, — входите, если они этого хотят!» Но он советовал соблюдать величайшую дисциплину. Он все еще надеялся: «Может быть, эти жители даже не знают порядка сдачи. Ведь, здесь все ново; они для нас, а мы для них!» Но донесения, получаемые одно за другим, все согласовались между собой. Французы, жители Москвы, решились, наконец, выйти из своих убежищ, где они прятались в течение нескольких дней, чтобы избежать народной ярости. Они тоже подтвердили роковое известие. Император призвал Дарю. «Москва пуста! — воскликнул он. — Что за невероятное известие! Надо туда проникнуть. Идите и приведите ко мне бояр!» Наполеон думал, что эти люди, застывшие в своей гордости или парализованные ужасом, сидят неподвижно в своих домах, а он, привыкший к покорности побежденных, должен постараться вызвать их доверие и итти навстречу их просьбам. В самом деле, как можно было поверить, что столько великолепных дворцов, столько блестящих храмов и богатых контор были покинуты своими владельцами, точно те деревушки, через которые он проходил?

Однако Дарю потерпел неудачу. Ни один московский житель не явился. Нигде никого не было видно, не слышно было ни малейшего шума в этом огромном и многолюдном городе. 300 тыс. жителей как будто находились в заколдованном сне. Это было безмолвие пустыни! Однако Наполеон упорствовал и продолжал ждать. Наконец, какой-то офицер, желавший понравиться Наполеону, а, может быть, и уверенный в том, что всякое желание императора должно исполняться, вошел в город, захватил 5—6 бродяг и, понуждая их, повел впереди своей лошади к императору, воображая, что привел депутацию. Но с первых же слов этих людей Наполеон убедился, что перед ним были несчастные поденщики. Только тогда он уже перестал сомневаться в том, что Москва была покинута, и потерял всякую надежду, которую он основывал на ней.

Сегюр, стр. 171—176.

71

Из записок И. Д. Якушкина о настроении народа при оставлении Москвы.

Война 1812 г. пробудила народ русский к жизни и составляет важный период в его политическом существовании. Все распоряжения и усилия правительства были бы недостаточны, чтобы изгнать вторгшихся в Россию галлов и с ними двунадесять язычы, если бы народ попрежнему остался в оцепене-

нии. Не по распоряжению начальства жители при приближении французов удалялись в леса и болота, оставляя свои жилища на сожжение. Не по распоряжению начальства выступило все народонаселение Москвы вместе с армией из древней столицы. По рязанской дороге, направо и налево, поле было покрыто пестрой толпой, и мне теперь еще помнятся слова шедшего около меня солдата: «Ну, слава богу, вся Россия в поход пошла!». В рядах даже между солдатами не было уже бессмысленных орудий; каждый чувствовал, что он призван содействовать в великом деле...

Якушкин, стр. 1.

72

Из воспоминаний А. Е. Егорова о настроении народа в связи с пожаром Москвы.

...В Царицыне дед мой, посоветовавшись с священником, решил, по прибытии сына, отправить семью свою к отцу этого священника в с. Родинки, в 40 верстах от Москвы по Калужской дороге, имение помещицы Кобылиной. Известно, что вся Москва бежала по Владимирской дороге на Владимир и Нижний, считая это направление более безопасным и обеспеченным от неприятельского преследования. По Калужскому же тракту мало кто спасался. Поэтому и в подводах на этом тракте не было недостатка и царицынские беглецы скоро и благополучно добрались до места назначения, где старик священник, отец царицынского, принял их весьма радушно и кое-как разместил в своем доме. Отсюда отец мой вскоре по прибытии в это село увидел пожар Москвы и живо припоминает поразительную картину этого зрелища.

В конце села на возвышенном месте, у самой околицы, стоял старый сарай, к которому все жители Родинок собирались смотреть на пожар. Картина была полна страшного эфекта, особенно ночью, и навсегда запечатлелась в памяти отца моего. Огромное пространство небосклона было облито яркопурпуровым цветом, составлявшим как бы фон этой картины. По нем крутились и извивались какие-то змеевидные струи светлобелого цвета. Горящие головни различной величины и причудливой формы и раскаленные предметы странного и фантастического вида подымались массами вверх и, падая обратно, рассыпались огненными брызгами. Казалось, целое поле необъятной величины усеялось внезапно рядом непрерывных вулканов, извергавших потоки пламени и различные горючие вещества. Самый искусный пиротехник не мог бы придумать более прихотливого фейерверка, как Москва — это сердце России — объятая пламенем. Все это было видно из Родинок, за 40 верст

расстояния, как вблизи: стоило, повидимому, пройти несколько сот сажень и очутиться на месте пожарища.

Впечатление, производимое на сельчан этою картиною, увенчанною к тому же серебристым отблеском зловещей кометы с ее длинным хвостом, было необычайное: женщины плакали навзрыд, мужчины бранили всех — и Бонапарта (так называл народ Наполеона), и русских вождей, говоря: «Как можно было допустить до этого матушку-Москву белокаменную? Зачем наши не дрались на Поклонной горе, не задержали его? .. Нехватило войска — позови народ; разве нас мало на Руси?! Все бы пошли: у кого нет ружья, так с топором да с вилами, с чем попало — и грянули бы тучею на злодеев со всех сторон! Солдаты делай свое, а мы — свое, и пошла бы тогда настоящая потеха — живо выпроводили бы супостата! ..»

Так выражал свои чувства и рассуждал в горести своей этот, задетый за живое при виде гибели Москвы и ее святынь, простой народ русский, и глубоко врезались в памяти отца моего, еще ребенка, эти горячие рассуждения, это неподдельное народное негодование, и он прислушивался к ним с детским разумением, мало что понимая, но веря им от всей души и инстинктивно угадывая их внутреннюю, могучую силу и значение. . .

Р. Ст., 1882, № 17, стр. 344—345.

75

Из записок А. А. Шаховского о настроении крестьянства после сдачи Москвы.

. . . По взятии неприятелем Москвы, тверское ополчение поступило под начальство ген.-адъютанта Винценгероде, отрезанного с своим отрядом от армии и оставшегося на петербургской дороге. Я получил приказание явиться к нему в Подсолнечное, где был встречен моими молодыми приятелями, нынешним гр. Александром Христофоровичем Бенкендорфом и Львом Александровичем Нарышкиным; их бодрая веселость разбудила и мою, а рассказы о действиях и намерениях фельдмаршала, сколько можно было, меня успокоили. После обеда, к которому было прислано с изобилием всякого съестного запаса, садовых, оранжерейных плодов с разных подмосковных, я вышел на церковную площадь и, увидя у колокольни ямскую сходку, столпившуюся около старика, который, уткнув седую бороду о длинную палку, что-то толковал молодежи, а на мой вопрос: «О чем у них идут поговорки?», отвечал: «Да все о матушке-Москве». — «Что же вы думаете?» — «Да вот пока ее матушку супостаты не взяли, так думалось и то, и се, а теперь думать нечего, уж хуже чему быть? Только б батюшка

наш государь милосердый, дай бог ему много лет царствовать, не смирился с злодеем, то ему у нас не сдобровать! Святая Русь велика, народу многое множество, укажи поголовщину, и мы все шапками замечем, аль своими телами задавим супостата». В это время барон Винценгероде подошел к нам. я ему перевел крестьянские речи, и он, схватив меня, с привычным ему судорожным движением за руку, сказал: «Я только одного желаю, чтоб вельможи думали, как эти крестьяне, и сегодня же напишу к императору их слова. О! Я уверен, что он никак не помирится с Бонапартом, и Россия будет гробом его». После того он показывал мне переписку свою с государем, делавшую им обоим великую честь. Я тогда совершенно уверился, что Россия спасена жертвою Москвы и вспомнил говоренное мне за несколько дней перед тем покойным инженер-генералом Л. Л. Корбонье, что наполеоново торжество продолжится, пока он будет воевать с армиями, а не с народом...

Р. Ст., 1889, № 10, стр. 34—35.

74

Из записок Р. С. Эделинг об отношении населения Петербурга к Александру I после сдачи Москвы.

...Приехав в Петербург в 1812 г., он (вел. кн. Константин) только и твердил что об ужасе, который ему внушало приближение Наполеона, и повторял всякому встречному, что надо просить мира и добиться его во что бы ни стало. Он одинаково боялся и неприятеля, и своего народа и, в виду общего напряжения умов, вообразил, что вспыхнет восстание в пользу императрицы Елизаветы. Питая постоянное отвращение к невестке своей, тут он вдруг переменился и начал оказывать ей всякое внимание, на которое эта возвышенная душа отвечала ему лишь улыбкою сожаления...

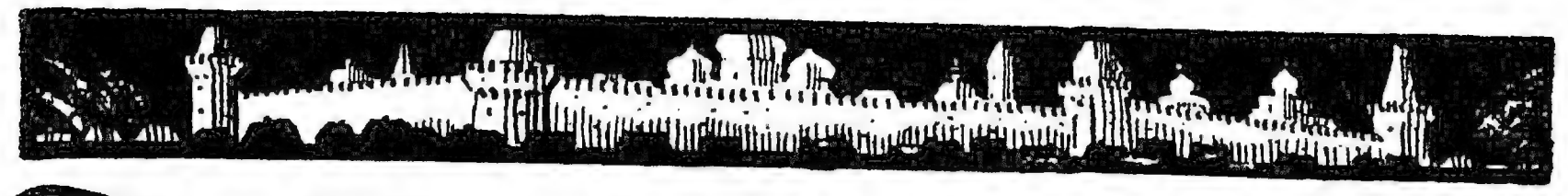
...Сильный ропот раздавался в столице.[1] С минуты на минуту ждали волнения раздраженной и тревожной толпы. Дворянство громко винило Александра в государственном бедствии, так что в разговорах редко кто решался его извинять и оправдывать...

...Приближалось 15 сентября — день коронации, обыкновенно празднуемый в России с большим торжеством. Он был особенно знаменателен в этот год, когда население, приведенное в отчаяние гибелью Москвы, нуждалось в ободрении. Уговорили государя на этот раз не ехать по городу на коне, а проследовать в собор в карете вместе с императрицами. Тут

[1] После сдачи Москвы.

в первый и последний раз в жизни он уступил совету осторожной предусмотрительности, но по этому можно судить, как велики были опасения. Мы ехали шагом в каретах о многих стеклах, окруженные несметною и мрачно-молчаливою толпою. Взволнованные лица, на нас смотревшие, имели вовсе не праздничное выражение. Никогда в жизни не забуду тех минут, когда мы вступали в церковь, следуя посреди толпы, ни единым возгласом не заявлявшей своего присутствия. Можно было слышать наши шаги, а я была убеждена, что достаточно было малейшей искры, чтобы все кругом воспламенилось. Я взглянула на государя, поняла, что происходило в его душе, и мне показалось, что колена подо мною подгибаются...

Р. А., 1887, № 2, стр. 215, 217—219.



XV

НАПОЛЕОН В МОСКВЕ

75

1812 г. сентября 2—3. — Из дневника Ц. Ложье о вступлении армии Наполеона в Москву.

...В виду Москвы, 2 сентября. Сегодня утром за деревней Черепово, при нашем приближении к Хорошеву, пока саперы перекидывали мост через Москву-реку для третьего перехода через нее, несколько человек из наших разведчиков успели взобраться еще на один холм... последний! Новый мир, так буквально говорят они, открылся им. Прекрасная столица под лучами яркого солнца горела тысячами цветов: группы золоченых куполов, высокие колокольни, невиданные памятники. Обезумевшие от радости, хлопая в ладоши, наши, задыхаясь, кричат: «Москва! Москва!»

При имени Москвы, передаваемом из уст в уста, все толпой бросаются вперед, карабкаются на холм, откуда мы услышали этот громкий крик. Каждому хочется первому увидеть Москву. Лица осветились радостью. Солдаты преобразились. Мы обнимаемся и подымаем с благодарностью руки к небу; многие плачут от радости, и отовсюду слышишь: «Наконец-то! Наконец-то Москва!» Мы не устаем смотреть на огромный город с его разнообразными и причудливыми формами, с куполами, крытыми свинцом или аспидом. Дворцы с цветущими террасами, островерхие башни, бесчисленные колокольни заставляют нас думать, что мы на границе Азии.

От нетерпения войти в Москву мы, не дождавшись постройки моста, вброд переходим Москву-реку. Вице-король, видя настроение войск, дает своей кавалерии приказ тронуться; пехота следует за ней. Наше сердце разрывается от радости по мере приближения; но нас изумляет то, что все окрестные

дома покинуты, как и везде, где мы только проходили. Мы всматриваемся в огромный город и не решаемся верить, что он так же пуст, как и его окрестности. Мы скорее склонны думать, что жители предместий, устрашенные нашим приближением, массами укрылись в столицу. Всякого, высказывающего предположение, что Москва покинута, сейчас же поднимают насмех товарищи. И, действительно, можно ли предположить, что столько роскошных дворцов, великолепных церквей, богатых магазинов покинуты своими обитателями?

Беседуя так, дошли мы до деревни Хорошево, находящейся в расстоянии $1^1/_2$ мили от Москвы. Колонна остановилась, чтобы привести себя в порядок, надеть парадную форму и подождать возвращения адъютанта вице-короля с приказаниями от императора. Приказания эти жестоко нас разочаровали. Наше вступление в столицу царей было отложено на завтра.

Москва, 3 сентября. С зарею мы покинули это скверное Хорошево и в парадной форме двинулись к Москве. Приближаясь, мы заметили, что город открыт. Простой земляной вал служит ему единственной защитой. В то же время мы не замечаем ни одного дымка над домами, — это плохой знак. Дорога наша идет прямо в город: мы нигде не видим ни одного русского и ни одного французского солдата. Страх наш возрастает с каждым шагом; он доходит до высшей точки, когда мы видим вдали, над центром города, густой столб дыма. Сначала мы все думали, что горит какой-нибудь магазин; русские приучили нас к таким пожарам. Мы уверены, что огонь скоро будет потушен солдатами и жителями. Мы приписываем казакам все эти ненужные разрушения и опустошения. У Звенигородской заставы вместо того, чтобы итти прямо в город, мы получаем приказ двинуться вдоль окраины; мы пересекаем другую, идущую в город, дорогу и начинаем уже думать, что опять наши ожидания будут обмануты; но, наконец, дойдя до С.-Петербургского шоссе, королевская гвардия получает приказ войти в город через эти ворота...

Вице-король во главе королевской гвардии въезжает в Москву по прекрасной дороге, ведущей от предместья Петровского-Разумовского. Этот квартал, один из наиболее богатых в городе, назначен для квартирования итальянской армии. Дома, хотя большею частью и деревянные, поражают нас своей величиной и необычайной пышностью. Но все двери и окна закрыты, улицы пусты, везде молчание, молчание, нагоняющее страх. Молча, в порядке, проходим мы по длинным, пустынным улицам: глухим эхо отдается барабанный бой от стен пустых домов. Мы тщетно стараемся казаться спокойными, но на душе у нас неспокойно: нам кажется, что должно случиться что-то необыкновенное. Москва представляется нам огромным трупом; это — царство молчания: сказочный город, где все

здания, дома воздвигнуты как бы чарами для нас одних! Я думаю о впечатлении, производимом развалинами Помпеи и Геркуланума на задумавшегося путешественника; но здесь впечатление еще более гробовое.

Мы выходим на красивую и широкую площадь и выстраиваемся в боевом порядке в ожидании новых приказов. Они скоро приходят, и мы одновременно узнаем о вступлении императора в Москву и о пожарах, начавшихся со всех сторон. При таких обстоятельствах решено, что, не имея возможности обратиться к местным властям, мы разместимся по-военному. Вице-король дает приказ полкам, и назначенные для этого офицеры пишут углем на наружных дверях каждого дома указание постоя, а также новые названия улиц и площадей, так что теперь улицы будут называться только «улицей такой-то роты», будут еще «кварталы такого-то баталиона», площади Сбора, Парада, Смотра, Гвардии и т. д. Это странное распределение дает какому-нибудь офицеру возможность занять для себя одного великолепный дворец. Он размещается, как ему заблагоразсудится в этих богатых покоях, с их пышной обстановкой, не встречая никого, кто бы оспаривал его права на обладание им или объявил бы себя хозяином.

Ложье, стр. 160—165.

1812 г. сентября 2. — Обращение А. Бертье (кн. Невшательского) к жителям Москвы.

Войско его императорского и королевского величества, занявши город Москву, приказано (sic!) обывателям нижеследующее:

1) Поднесть рапорт ген. гр. Дюронелю, командующему в городе, о всех русских, находящихся у них, как о раненых, так и здоровых.

2) Объявить через сутки о всех вещах, принадлежащих казне, которые унесены или о которых имеют какое сведение.

3) Объявить, где находятся мучные, ржаные и питейные припасы, как у них, так и в магазинах русского правительства находящиеся.

4) Они объявят и возвратно обратят г. ген. гр. Дюронелю все оружия, как пики, ружья, сабли и прочие, находящиеся у них.

5) Впрочем, спокойные жители города Москвы должны быть без никакого сомнения о сохранении им имущества и о собственных их особах, ежели они будут свято следовать сему положению.

По указу его императорского и королевского величества подписал кн. Невшательский Александр.

Дубровин, стр. 120.

77

1812 г. сентября 4. — Приказ А. Бертье об истреблении русских солдат, обнаруженных в Москве.

Москва, 4 сентября 1812 г.

Приказ.

Прокламацией от 2-го числа сего месяца предписывалось всякому русскому офицеру или солдату явиться в течение 24 часов к коменданту города Москвы. Сегодня, 4-го, в 3-й день после объявления прокламации, было арестовано несколько русских солдат, расхаживающих по улицам и поджигавших дома. Вследствие сего, с получением сего приказа, всякий русский солдат, встреченный на улице, должен быть убит.

Беляев, стр. 107.

78

1812 г. сентября 24. — Объявление Лессепса об обязанностях Московского муниципалитета.

Временные должности предварительной московской муниципальности.

Они будут заниматься:

1) расположением квартирования войск; 2) продовольствием города; 3) надзором за госпиталями; 4) помощью, даваемою бедным; 5) содержанием улиц, дорог и мостов; 6) общею безопасностью и спокойствием; 7) наказательною полициею и мирным содействием; 8) составлением дважды в неделю муниципального совета, в котором занимательно будет средствами обеспечить продовольствие жителей, облегчить их страдание и дать оным помощь, также заниматься будет обо всем касательно администрации, безопасности общей и внутренней города; 9) собранием мастеровых, какой бы нации ни были, назначением им места, где бы им можно было вольно заниматься их рукоделием, работой и платежом за их труды; 10) имением надсмотра, чтобы церкви были почитаемы и чтобы богослужение не было чем-либо обеспокоиваемо; 11) ознаменованием средств, какие город еще иметь может для своего содержания, равномерно как и для теперешнего и будущего содержания жителей оного; 12) укротить беспокойствие обывателей, ободрить их на предбудущее время и возвратить всеобщее доверие, которое есть единственное средство, чтоб усладить их участь.

Возвращение порядка и спокойствия зависит единственно от старания, ревности и деятельности оной отечественной администрации, если муниципальность хорошо вникнет в общую пользу и свои обязанности, тогда исполнит волю его величества императора и короля. Москва, 24 сентября 1812 г. Подписано: управляющий городом и провинциею Московскою Лессепс. Одобрил московский ген.-губ-р маршал дюк де-Тревиз.

Бумаги Щукина, ч. VIII, стр. 425—426.

79

Из воспоминаний А. Домерга о деятельности Московского муниципалитета.

...По возвращении в Москву первою заботою императора было помочь бедствию, не терпящему отлагательств. Он занялся организациею гражданского и военного управления. Герцог Тревизский был назначен губернатором Москвы, ген. Дюронель — командующим войсками, Лессепс — генеральным интендантом или провинциальным префектом. Сами москвичи, движимые чувством человеколюбия или привлеченные выгодным содержанием, поступали в канцелярии новой администрации. Городское управление встретило, однако, некоторые затруднения в своем образовании, вследствие отказов многих лиц, призванных в состав его.

Официальное заявление о том, что муниципальное правление не имеет никакой другой цели, кроме восстановления общественного порядка и безопасности, и, быть может, страх за последствия, какие могло повлечь дальнейшее упорство, заставили некоторых из московских жителей принять новую должность. Это были по большей части купцы. Головою выбрали некоего Никотина [1]. Поведение его в этих обстоятельствах заслуживает упоминания. Представляясь в первый раз Лессепсу, Никотин явился довольно смело во главе первого муниципального собрания и прямо обратился к начальнику с следующими словами, сказанными по-русски: «Ваше превосходительство! Прежде чем вступить в исполнение своих обязанностей, я должен официально объявить, что ничего не стану делать против веры и моего государя. Иначе мы скорее все умрем, чем не исполним долга, который в наших глазах есть первый и священный». Несколько удивленный неожиданною речью, Лессепс отвечал им мягко: «Вас, господа, нисколько не касается борьба императора Наполеона с императором Александром. От вас требуется, от вашей гуманности и филантропии ожидают только восстановления порядка и

[1] Находкина. — *Ред.*

обеспечения частной собственности; вы должны восстановить доверие между жителями деревень и города... Таковы, охотно повторяю, ваши единственные обязанности, господа».

На таких условиях муниципалитет состоялся. Сверх того, в каждом квартале были учреждены полицейские комиссары. Первым делом новых чиновников было собрать несчастных, бродивших по улицам Москвы без одежды и пищи, и приютить их...

Ист. Вестн., 1881, № V, стр. 883.

80

Из записки Г. Н. Кольчугина, адресованной неизвестному лицу, о его участии в Московском муниципалитете.

...Французским начальством чрез печатные листы объявлено, что грабеж прекращается и, если кто из французов или русских в том изобличен будет, таковому положена смертная казнь. В сих обстоятельствах напечатано было и о учреждении временного городского правления или муниципалитета и полиции. На первый возложено попечение восстановить в церквах богослужение и чтоб оное было уважаемо, продовольствие оставшимся в городе жителям съестными припасами и прочее. А на последнюю — восстановление спокойствия, тишины и очищение города от мертвых тел человеческих и скотских, лежащих по улицам. В первом назначен интендантом француз Лессепс, а в последней комендантом таковой же, но имя его нам неизвестно. Приказано ими, чтоб русские избрали из себя в муниципалитет голову с четырьмя помощниками и 20 человек в товарищи или члены, а в полицию комиссаров. Выбор сей происходил мимо нас, следовательно, мы и были покойны. Но в один день пришел в дом наш французский офицер с двумя рядовыми, по записке, у него имевшейся, спросил меня и приказал итти с собою к интенданту Лессепсу...

Представили меня Лессепсу, который объявил мне, что я избран в муниципалитет и занял бы свое место. Я, выслушавши приказание, просил его об увольнении, представя ему, что имею престарелых родителей, жену и осмерых детей малолетных и что дом наш частию выгорел и весь разграблен. Лессепс сказал мне, что он отменить меня не может, потому что выбран я не им, а «вашими русскими и собственно для вас русских». Я стал усиливаться просьбою. Он, долго слушав и осердясь, сказал: «Что ж вы много разговорились? Разве хочете, чтоб я об вас, как об упрямце, донес моему императору, который в пример другим прикажет вас расстре-

Стрелок французской легкой пехоты.
С литографии Шарле.

Стрелок молодой гвардии Наполеона.
С гравюры Вейланда.

лять?» После сего я не нашелся и не осмелился сказать уже ни слова. Лессепс, походя по комнате, приказал мне итти за собою, ввел в одну отдельную из комнат, где уже голова с прочими муниципальными заседали, приказал им, чтоб показали мне место, а мне оное занять, что я и принужден был исполнить. Перевязали мне на левой руке алую ленточку в знак, что я муниципал, о каковых знаках припечатано было и в объявлениях... Тут сказано мне особенно головою, в извинение выбора моего, что я, по знанию моему французского и немецкого языков, могу быть верным переводчиком. А на иностранцев, хотя оные и в подданстве, не во всем полагались. Он приказал мне замечать из разговоров их о делах и движениях неприятельских.

В муниципалитете тогда было первое присутствие, в котором имели суждение: кому какую часть назначить и ею заниматься. Мне с некоторыми из членов назначено восстановить в церквах богослужение и чтоб оное было уважаемо и иметь надзор за больными. Сей только один журнал мною и подписан. Окончивши присутствие, взявши себе один экземпляр печатного о муниципалитете и полиции постановления, пришед в дом, рассмотря оные, посоветовавшись с родителем, положили избегать присутствия, чтоб никаких журналов не подписывать, а чтоб являться перед присутствием или после оного и давать о себе знать, что пошел в такой-то приход или в такую-то часть к больным или был там-то, чего однако ж в самом деле выполнить было не можно, потому что церкви были разграблены и осквернены, а больных совокупно нигде не было, что и оставалось без исполнения. Но предлог продолжается по нашему расположению.

За неделю же, или около того, до выхода французов по требованию Лессепса муниципалитет назначил меня в командировку переводчиком при конвое, который французы намерены были отправить для закупки хлеба или фуражировки по селениям, около Москвы находящимся. Один, хорошо мне знакомый из муниципалов, зашед к нам в дом, о сем назначении предуведомил. Первый ужас представился нам: если сей конвой повстречается с русскими, то должно произойти сражение. А пули и картечи не разбирают, что русский по воле или по неволе взят. Второй ужас: участвовать в продовольствии неприятеля было бы против присяги государю, отечеству и совести. Уйти, если бы и нашелся случай: представлялось оставленное семейство, которому мстить могут.

А потому я в необходимости нашелся обвязать себе голову платком, намочив оный уксусом, лечь в постель и не жалеть теплой воды, дабы, сделав испарину, показаться больным. Лицо мое по бескровию вам известно. Оно послужило удостоверением. Мы ожидали ежеминутно присылки, которою и

не умедлили. Присланный нашел меня в таковом состоянии. Просьба родителей, жены и представленных восьми человек малолетных детей убедили офицера отрапортовать, что я болен и ехать не могу. Дня через 3 мы узнали, что посылка сего конвоя отменена. Неприятели, как видно, узнав о поражении их корпусов, пришли в приметное движение. Городское правление уже не собиралось, и каждый из русских трепетал о своей участи, о могущих произойти при выходе неистовствах...

По выходе неприятелей, стали вступать российские войска, казаки, гусары и московский эскадрон. Начальник оного г. Гельман, по данному ему предписанию, принял на себя должность временного обер- или просто полицеймейстера. А между тем казаки, объезжая везде по городу, спрашивали у обывателей, не осталось ли в котором доме французов, и, буде где находили, брали пленными. Г. Гельманом поставлен на всех заставах караул, чтоб из города никакового имения и товаров не выпускать, потому что из ближних к Москве селений крестьяне, со вступления французов в Кремль, оставшееся в домах, лавках и гостиных дворах, где бы что ни было, все увозили. Потом г. Гельман, собрав всех, составлявших муниципалитет и полицию, взяв от каждого допрос или показание, обязав подписками о невыезде из Москвы, сделал свободными.

Впоследствии приехал обер-полицеймейстер Ивашкин. Вступя в должность, он приказал собрать всех показанных бывших временными чиновниками и оставил под стражею. Потом прибыл главнокомандующий и донес о сем государю императору, на каковое донесение его и последовало высочайшее повеление, которым утверждена следственная комиссия. Назначены в оную главнокомандующий и сенаторы Модерах и Болотников. По приезде сих последних открыто присутствие, в которое приводимы подсудимые, допрашиваны, рассматривано существо дела, кто какие исправлял должности или препоручения, а между тем кто какого напред сего поведения был. Собраны повальные обыски, а о купцах, сверх оных, истребовано от дому градского общества сведение, на которое, по предписанию градского головы, собрано было Московское купеческое сословие. Оно приговором своим в честной и похвальной жизни и поведении и меня одобрило. Комиссия, сделав свое заключение, при закрытии своем, многих приказала освободить с роспискою, в том числе и меня, а некоторых оставила под арестом. Сенаторы по таковой же комиссии отправились в Смоленск...

Р. А., 1879, № 9, стр. 49—52.

Из воспоминаний д'Изарна о Москве во время французской оккупации.

Вскоре после сражения при Можайске (при Бородине), мы узнали, что армия (русская) отступает; но тем не менее продолжались уверения, что французы не войдут в Москву, уверения, основанные на предположении (так часто повторявшемся) о вторичном сражении в 10 верстах от Москвы, в позиции, прикрывающей город. Говорили, что в случае отбития этой позиции остается еще защищать город, о чем было объявлено заранее и что подтверждалось раздачею оружия жителям и публичными выговорами тем из них, которые покидали город безо всякой надежды на возвращение...

Весь день 1 сентября я провел в том, что несколько раз ходил пешком в Немецкую слободу. Вечером я рано вернулся домой, измученный усталостью и решившись на следующий день рано утром итти разузнать о приближении французов. 2-го, в 8 часов утра, я вышел из дому и, придя в эту часть города, увидал там множество уезжающих. Передо мной без перерыва тянулась целая вереница карет, дрожек, телег и пешеходов, несущих свои пожитки. Видны были женщины из простого народа, обремененные ношею сверх силы и со вздохами уносившие все до последней вещи своего хозяйства. Это стечение отъезжающих продолжалось от 8 часов почти до 12, и так как вследствие разных причин стало не совсем безопасно выходить на улицу, то жители по большей части сидели дома и со страхом ожидали, что будет дальше. Известно было, что кн. Кутузов проехал по городу в 9 часов утра, в сопровождении нескольких отрядов, но это была не армия. Тишина, которая настала после шумного утра, давала нам досуг обдумать свое положение. Все ждали прохода войск или начала враждебных действий. Из моих окон видно было, как по валу проезжали казаки, а за их лошадьми спокойно следовало несколько отрядов пехоты.

Наконец звуки труб заставили нас обратить внимание на эти отряды: то были французы. Какое смущение овладело нами! Они вошли в город по словесному договору, заключенному у Смоленской заставы одним казацким офицером и начальником французского авангарда, между которыми было условлено, что если французы не будут мешать русским войскам очистить город, то они выйдут оттуда без сопротивления. Во время этих переговоров авангард французской армии мирно подвигался в город, по мере выхода оттуда русской армии, и, если бы несколько выстрелов не дало нам знать, что произошла стычка, мы попали бы в руки французов совершенно незаметно. Отряд французского авангарда, под

командою ген. Себастьяни, принадлежавший к корпусу короля Неаполитанского, направился в Кремль. Проходя в ворота Кремля, выходящие к Никольской улице, генерал увидел около двухсот вооруженных граждан, которые собрались толпою в Кремле. Он обратился к какому-то любопытному, находившемуся вместе с ним под воротами, и сказал ему: «Вы говорите по-французски? Подите и скажите этим людям, чтобы они положили оружие, — иначе я велю стрелять по ним». Любопытный, очень смутившись этим поручением (он очень мало знал по-русски), но побуждаемый чувством сострадания, которое его приглашали доказать на деле, отправился к русским с переговорами, чтобы предупредить слишком неравный бой. Несмотря на это, французы, все подвигаясь вперед, были встречены несколькими ружейными выстрелами, на которые они ответили двумя пушечными, но, благодаря переговорщику, сражение остановилось на этом. Русские побросали ружья и мирно разошлись...

Между тем как французы занимали таким образом город, на улицах и в окнах показалось лишь несколько иностранцев; все остальные жители заперлись в домах и никому не отворяли дверей. Такая пустота Москвы действительно имела вид засады, тем более опасной, что все дома предполагались наполненными жителями. Таково было положение дел, когда Бонапарте находился у Смоленской заставы в предместье и ожидал прибытия властей или городского магистрата. Но с 12 до 2 часов никто не являлся. Тогда решили послать одного польского генерала вызвать эту депутацию. Генерал встретился с Виллерсом, и тот водил его в Губернское правление, в Думу, в Полицию, к ген.-губернатору, словом, всюду, где была малейшая надежда встретить какой-нибудь остаток чиновников. Эта-то прискорбная встреча доставила Виллерсу место полицеймейстера. После многих бесполезных поисков польский генерал вернулся к Бонапарте, чтоб донести ему, что в Москве не осталось никого из властей и что город был покинут всеми, исключая некоторых оставшихся там иностранцев. Вследствие этого Бонапарте отсрочил свой въезд. Для его гордости было очень больно, что нельзя было составить газетной статьи о вступлении в столицу России. Может быть, и воспоминание о Смоленске внушало ему некоторые опасения. Во всяком случае он все еще рассчитывал, что к следующему дню жители соберут депутацию или что, по крайней мере, его подданные французы, итальянцы, немцы, явятся к нему от своего имени. Ничего подобного не исполнилось. Бонапарте ночевал перед заставой в доме трактирщика, а во вторник в 2 часа двинулся в Кремль, без барабанов и труб, рассерженный тем, что офицеры его свиты называли дерзостью, беспримерным позором.

В ночь с понедельника 2 сентября на вторник вспыхнул пожар — сначала на Солянке, у ворот Воспитательного дома, но был потушен через несколько часов. В то же время загорелось в городе, в особенности в домах правой стороны улицы, идущей по ту сторону каменного Яузского моста. Уже совсем рассвело, когда эти два пожара начали быстро разгораться; в городе не удалось затушить совсем; Яузский же пожар был окончательно прекращен по приказанию Неаполитанского короля, который поместился в доме Баташева и желал обезопасить себя там.

В среду утром опять вспыхнул огонь в городе, на Покровке в доме кн. Трубецкого и на большой Арбатской улице по всему пути, ведущему к Смоленской заставе. Жители смотрели, как горят их дома, с полным хладнокровием, которое могло быть внушено только верой или фатализмом. Некоторые выносили из домов образа, ставили их перед дверью и уходили, другие, когда их спрашивали, почему они не препятствуют распространению пожара, отговаривались страхом, что французы убьют их, если они будут тушить. Понятно, что при таком настроении жителей только благодаря тишине в воздухе и отсутствию ветра не весь город сразу был охвачен огнем. Французы, с своей стороны, видя нежелание жителей спасать свои собственные дома, не давали себе труда положить этому конец; пожар все более и более разрастался, а в частях города, удаленных от пожарища, говорили о нем так, как в Петербурге стали бы говорить о пожаре в Стокгольме. Так прошел весь вторник и ночь под среду. Французских войск в городе было немного; они почти везде устроили биваки, в особенности около разных застав, где они расположились лагерем; жители, просившие караула для своих домов, получали его без замедления; пока беспорядков еще не было.

В среду утром, к 9 часам, поднялся со страшной силой северный ураган. Вот когда начался большой пожар! Из моих окон видно было, как сперва огонь вспыхнул на той стороне реки, гораздо позади Комиссариата, и потом начал распространяться мало-помалу по направлению ветра; в один час огонь разнесся в десять различных мест, так что все огромное пространство по ту сторону реки, застроенное домами, превратилось в море пламени, волны которого бушевали в воздухе, разнося повсюду опустошение и ужас. В то же время пожар снова вспыхнул в городе, еще с большею силой, чем в первые дни. Особенно там, где были лавки, огонь нашел себе обильную пищу в товарах, которые были заперты там. Это обстоятельство, а также сильная буря, теснота места и множество горевших пунктов города делали всякое противодействие огню невозможным, так что несчастные хозяева спе-

шили только захватить с собою самые ценные вещи и бежать. Вот когда начался грабеж, и все, что уцелело от пламени, попадало в руки солдат.

Пока пожар превращал в пепел город, остальные части Москвы также пылали: Пречистенка, Арбат, вся Тверская, затем по направлению вала через Красные ворота и Воронцово поле до самой Яузы, по ту сторону Яузы и Яузке (sic!) — все было в пламени. Вся полоса воздуха над городом превратилась в огненную массу, которая изрыгала горящие головешки; а вследствие расширения воздуха от теплоты буря еще более усиливалась; никогда небо в своем гневе не являло людям зрелища ужаснее этого: огонь решительно всюду, грабители преследуют своих жертв, а бежать некуда... Тогда-то многие иностранцы искали убежища в различных лагерях французов, расположенных у городских ворот; как кажется, они были там приняты...

На улицах московских можно было встретить только военных, которые слонялись по тротуарам, разбивая окна, двери, погреба и магазины; все жители прятались по самым сокровенным местам и позволяли себя грабить первому нападавшему на них. Но что в этом грабеже было ужасно, — это систематический порядок, который наблюдали при дозволении грабить, давая его последовательно всем полкам армии. Первый день принадлежал старой императорской гвардии; следующий день — молодой гвардии; за нею следовал корпус генерала Даву и т. д. Все войска, стоявшие лагерем около города, по очереди, приходили обыскивать нас, и, можете судить, как трудно было удовлетворить являвшихся последними. Этот порядок продолжался 8 дней почти без перерыва; нельзя себе объяснить жадность этих негодяев иначе, как зная их собственное бедственное положение. Без панталон, без башмаков, в лохмотьях — вот каковы были солдаты армии, не принадлежавшие к императорской гвардии. Когда они возвращались в свой лагерь, переодетые в самые разнообразные одежды, их можно было узнать разве только по оружию. Что было еще ужаснее, так это то, что офицеры подобно солдатам ходили из дома в дом и грабили; другие, менее бесстыдные, довольствовались грабежами в собственных квартирах. Даже генералы под предлогом розысков по обязанностям службы заставляли уносить всюду, где находили, вещи, которые для них годились, или переменяли квартиры, чтобы грабить в своих новых жилищах...

Между тем предложений мира все еще не было. Русская армия передвигалась с места на место, казаки и крестьяне сильно затрудняли фуражировку; нужно было на что-нибудь решиться. Очень хорошо знали, что ничего не выиграешь, освободив крестьян; попытались заманить их хорошею пла-

тою, чтобы побудить везти в Москву съестные припасы. Но все было напрасно и не привело ни к чему; напротив, те же крестьяне вызвали против себя жестокие меры: в одной деревне стреляли по французам; виновные были расстреляны при входе в церковь; выслушав приговор, они перекрестились и встретили смерть, не моргнув глазом.

Тогда корсиканская тактика принялась за средства более серьезные; начали старательно разыскивать всевозможные сведения о Пугачевском бунте; особенно желали добыть одно из его последних воззваний, где рассчитывали найти указания о той фамилии или фамилиях, которые бы можно было возвести на престол. В этих розысках обращались за советом к кому попало; обращались даже к одному эмигранту, которого под разными предлогами вызывали к одной знатной особе; он с первого слова прямо объявил себя эмигрантом. «Этим не хвастаются и не обвиняют себя», — отвечали ему. Когда ему сказали, в чем дело, эмигрант, как и все другие, отвечал, что ничего не знает о воззваниях, про которые ему говорили. Увидев, что этим не возьмешь, учение Пугачева бросили и тотчас же схватились за великие начала санкюлотизма. Татарам было предложено итти в Казань призывать своих соотечественников к независимости, обещая им, что, как только они поднимутся, их тотчас поддержат. Но и здесь промахнулись. Оставался еще один путь — переговоры. Послали ген. Лористона к кн. Кутузову под предлогом обмена пленных. Эта поездка была представлена, как последствие предыдущих переговоров, на которые Бонапарте ответил самым умеренным ультиматумом: уступкой всех прежних польских провинций. Лористон вернулся назад, с чем поехал...

Р. А., 1869, стлб. 1405—1430.

82

1812 г. ноября 16. — Из письма чиновника Московского воспитательного дома И. Иванова неизвестному лицу о грабежах в Москве армии Наполеона.

Французы вступили сентября 2 пополудни в 6-м часу с музыкою и барабанным боем. Наполеон остановился в Кремле, во дворце; поставили пикеты по всем заставам и по улицам и по набережной рассыпалась конница, начали стрелять, кто им попадется; наши вооруженные метали ружья и тесаки, а кто бросит, того кололи. Не прошло часа их вступления, как зажгли сначала гостиный двор от Варварки. Главный надзиратель Воспитательного дома, видя опасность, взял с собою архитектора Жилярдия и экономского помощника Зейпеля,

пошел просить от них караула для охранения дома. Отпустили жандарм, т. е. конной гвардии 12 человек и при них капитан; главный надзиратель их с собою привел и тотчас приказал дать овса и сена лошадям, а жандармам приготовить стол; после сего у Рождества на Стрелке зажгли попов дом. Мы все бросились на пожар и жандармы с нами; труб в Москве не было, кроме наших четырех, ибо вся полиция и с трубами уехала во Владимир. Мы пробыли на пожаре всю ночь и главный надзиратель с нами; жандармы с нами заливали трубами. 2 дома сгорели, а прочие отстояли.

На другой день начали грабить как в домах, так и святые церкви, в среду и четверток зажгли все ряды, Зарядье, гимназию, аптеку Воспитательного дома, церкви и все домы вокруг Воспитательного дома, так что рамы в квадрате несколько разов загорались, но поспешили затушить, и Дом воспитательный от пожару избавлен. Потом прислали в Воспитательный дом 80 человек гвардии, с полковником и тремя капитанами, четырьмя поручиками и двумя прапорщиками и доктором, и требовали квартир; потом приехал губернатор и многие с ним чиновники, пошли по всем покоям и кладовым, в Совет, в церковь и в алтарь в шляпах и с собаками. В комнатах Совета назначено стоять жандармам; тотчас начали рубить столы, конторки, ящики, двери отбивать, выбрасывать, в архиве тюки с делами пороли, книги портили; больницу у жандармов сделали в комнатах, где бухгалтерия. Полковник их, увидя в кладовой медную посуду, велел к себе несколько оной принесть. Москва так обругана, что смотреть на нее сердце замирает. В церквах ставили лошадей, святые иконы кололи и жгли; которая церковь не сгорела, так вся ограблена; ризы, плащеницы жгли на выжигу, венцы, склады плавили в слитки. Потом привезли в Дом воспитательный раненых и больных. Отняли все окружное строение и половину квадрата и двор оного перегородили. Больных было до 3 тыс., из коих до 2 тыс. померло; хоронили в доме у кузницы, к стене города Китая лежащей, а других кидали в колодцы; по прибытии в Москву полиции приказано ямы разрывать и тела возить в заставу в кучу и жечь, чтоб не было на весну заразы. Теперь в Воспитательном доме раненых и больных 10 офицеров и 10 денщиков на содержании Дома, при них доктор и лекарь.

Французы выехали из Дома в Кремль 10 октября в 3 часа пополудни, а из Кремля выехали в 7 часов. Оставили зажигателей, кои зажгли сначала дворец, потом Грановитую палату, Арсенал; потом начали рвать подкопы; взорвало на воздух пристройку к Ивановской колокольне с большими колоколами, потом взорвало новую угольную башню водовзводную, потом Арсенал от Троицких ворот: так были сильны

удары, что в Воспитательном доме рамы из окон выскочили, множество истрескалось стекол и трещины по дому показались. В окружном строении и везде в Доме, где стояли французы, перегородки выломали и выбросили за окошки, мебель всю кололи и жгли; киоты, образа, все выбросали; мука, крупа — все разграблено французами... Крест с Ивана Великого сняли и с собой увезли. При французах не пущали в Кремль никого, и ворота были кругом затворены и завалены; по вступлении наших они остались также, никого не пущают и что там делается, не знаем. 2 раза был я ранен от французов, штыком в ногу и саблей по левой руке, а бит от них был без счету. Сей народ суть варвары злонравные, хуже зверей, народ презлой, хитрый и лукавый. Французы навезли из города разных сокровищ, мехов дорогих, разных вин бочками, рому, шампанского, цимлянского, нагнали овец, телят и праздничали у нас в доме. Комиссар Рухин был посылан в Петербург к государыне; подорожная дана ему от Наполеона, за его подписанием; он там пробыл более трех недель, жандармы его провожали до Черной Грязи; государыня ему пожаловала 150 руб. Наши войска вступили в Москву — сначала казаки, 12 октября был в доме караул из казаков, казаков сменили гусары, а потом прибыли пехотные полки.

Бумаги Щукина, ч. V, стр. 161—163.

Из воспоминаний В. А. Перовского о пребывании в плену у французов.

... На 11-й или 12-й день нашего заточения [в Москве] вошел к нам французский пехотный офицер и объявил, что ему поручено на другой день вести нас в Смоленск, и чтобы мы рано поутру были готовы к походу. Предупреждение почти лишнее: нам готовиться к походу было нечего. Платье, которое было на нас, было единственным нашим имуществом, но выступлению из Москвы почти все мы были рады. Всякая перемена в положении нашем казалась улучшением. В тот же день ввечеру пришел опять офицер для составления нам списка по чинам: все штатские чиновники внесены были в список соответствующими военными чинами, а потому и сделался я, прапорщик, младшим из всего общества. На другой день, 16 или 17 сентября, на рассвете пришел тот же офицер. Провожая нас, сделали перекличку и роздали хлеба каждому фунта по 3, сказав прежде в предосторожность, что так как неизвестно, где и когда раздадут нам опять хлеб, то чтобы мы его берегли...

Тотчас по выходе из Москвы, которую покинул я с чувством прискорбия и сожаления, хотя некоторым образом и рад был от нее удалиться, за заставой дожидалась нас колонна пленных солдат с сильным конвоем. Утешительно и вместе больно было встретиться с пленными воинами нашими. Вся колонна состояла слишком из тысячи человек, но и тут, как между офицерами, не все были военные и понапрасну делили с нами горькую участь. В солдатской колонне много было купцов и крестьян. Французы, ссылаясь на их бороды, уверяли меня, что это казаки. Тут были и дворовые люди и даже лакеи в ливреях, которые, по мнению провожающих нас, были также переодетыми солдатами. Один из конвойных солдат требовал моих сапог, показывая мне свои разодранные. Я разулся и отдал ему их добровольно, избежав тем грубости или насилия. Идучи босыми ногами по крепко замерзшей грязи, я скоро почувствовал сильную боль в ногах, которая постоянно увеличивалась вместе с опухолью. Несколько верст за Москвою встретились нам 2 мужика. Один из них нес за спиной запасные лапти, и уступил их мне за кусок хлеба. Счастливый приобретением сим, догнал я голову колонны и шел некоторое время близ французского офицера.

Вдруг за несколько шагов позади нас раздался ружейный выстрел, на который не обратил я сначала внимания, думая, что причиною тому неосторожность какого-нибудь конвойного солдата. Вслед за выстрелом подошел к офицеру унтер-офицер, донес, что пристрелил одного из пленных, и возвратился в свое место. Я не верил ушам своим и просил офицера объяснить мне слышанное мною: «Я имею письменное повеление, — сказал он мне с вежливостью, — пристреливать пленных, которые от усталости или по другой причине отстанут от хвоста колонны более пятидесяти шагов. На это дано конвойным приказание однажды навсегда. Касательно же офицеров, — прибавил он, — так как число их не слишком значительно, то велено мне их, пристреливши, хоронить». Сии последние слова были, кажется, им сказаны из какой-то странной учтивости и, некоторым образом, мне лично в утешение. Я отвечал ему, что, судя о товарищах своих по себе, не думаю я, чтобы кто-нибудь из нас стал настаивать на исполнении той части его обязанности, которая относилась до похорон, и объявил ему от имени всех, что мы избавляем его от лишнего сего труда. Признаюсь, что открытие, им мне сделанное, не совсем мне нравилось, ибо боль в ногах напоминала мне о возможности быть расстреляну. «Что могло быть причиною жестокого повеления, вами исполняемого? — спросил я офицера. — Не лучше ли не брать в плен, чем, взявши, расстреливать? И как хотите вы требовать от людей голодных, чтоб они шли, не отставая один от другого?» — «Все это правда, — отвечал он, —

но начальство приняло сию меру для избежания того, чтобы отставшие пленные, отдохнув, не стали тревожить нас. Впрочем, вы сами тому причиною: больных оставлять негде, госпиталей нет, вы сожгли и города и деревни».

После похода, продолжавшегося несколько часов, был сделан привал, несхожий на привалы, делаемые войсками: веселых разговоров не было слышно, ни варить, ни есть было нам нечего, всякий берег свой хлеб до последней минуты, а огня развести также не хотел никто — для этого надлежало бы итти за дровами, силы были для нас еще дороже пищи, жизнь зависела от ног, и всякий шаг мог для будущего времени пригодиться. В молчании полежали мы на голой, мерзлой земле, и когда встали, чтобы итти далее, то на месте привала остались из солдат двое мертвых, которых однако же для верности все-таки велено было пристрелить.

Хотя мы шли целый день, но переход сделали небольшой, ибо тащились весьма тихо, и где застала нас ночь, там и остановились, своротив с дороги на поле. В продолжение дня пристрелено было 6 или 7 человек, в числе которых один из штатских чиновников. Собравши пленных в толпу или кучу, развели французы для себя огни и расставили вокруг нас довольное число часовых; а мы должны были согреваться, ложась один к другому как можно ближе. Я боялся спать, чтобы во время сна не отморозить ног, часто вставал и ходил, стараясь разогреться.

Рано утром пошли мы опять в поход. Не могу описывать странствования нашего по дням; тогда не вел я журнала и помню только главные из происшествий. Так как ночью удавалось нам хотя немного отдыхать, то утром шли мы довольно хорошо, и обыкновенно только по прошествии нескольких часов ходьбы начинали раздаваться ужасные выстрелы, лишавшие нас товарищей. Иногда слышали мы их до пятнадцати в день и более. Конвой переменялся почти через день, но образ обхождения с нами был всегда одинаков. Сменяющийся офицер давал нужные на то наставления своему преемнику, и мы не примечали даже перемены наших спутников. День ото дня становился поход от холода и голода тяжелее, и число умирающих и пристреливаемых значительнее...

Р. А., 1865, стлб. 1047—1053.

XVI

ПОДАВЛЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКИХ ВОЛНЕНИЙ АРМИЕЙ НАПОЛЕОНА

84

1812 г. июля 13. — Объявление, изданное в Митаве командующим прусским корпусом Гравертом, о необходимости повиновения крестьян помещикам.

Объявление.

Ходят слухи, что среди тягловых сельских жителей здешней провинции стало распространяться ложное мнение, будто наступившее военное положение и присутствие прусских войск должно избавить поселян от обязанностей по отношению к их помещикам.

Чтобы опровергнуть это ложное мнение, я сим объявляю, что — впредь до высшего приказания — не предполагается никакой перемены как в устройстве означенной провинции, так и в отношениях между господами и подданными, и что прусский корпус, вместо того, чтобы нарушить эти отношения, намерен, напротив, энергично поддержать таковые, а равно и порядок, и строго наказать всякого, позволяющего себе их нарушение.

Главная квартира в Петергофе, 13(25) июля 1812 г. фон-Граверт, королевско-прусский ген.-от-инф., командующий прусским вспомогательным корпусом.

Сб. РИО, т. 133, стр. 173.

1812 г. июля 17 и 18. — Предписания Отделения главной полиции в Минске Уездной Борисовской комиссии о мерах подавления крестьянских волнений.

Конфиденциально.

I

Уездной Борисовской комиссии из Отделения главной полиции.

В силу поручения его высокопревосходительства Минского ген.-губ-ра и кавалера Брониковского Отделение главной полиции доводит до сведения уездных комиссий, что в городах Минске, Вилейке, Игумнове, Борисове учреждены плац-коменданты с соответственной воинской стражей для поддержания порядка в уездах, каковым его высокопревосходительством дана для этого инструкция. Поэтому, если бы, паче чаяния, где-нибудь случилось, что крестьяне, живущие у помещика, оказались бы небрежными и непослушными в выполнении повинностей, практикуемых по обычаю края, такому помещику комиссия должна указать, чтобы он обратился к плац-коменданту, находящемуся в уездном городе, а он имеет уже предписанные ему правила, как в этом случае поступать. Уездной комиссии не следует этого разглашать, а частным образом известить об этом как подкомиссаров, так и помещиков, и о каждом случае такого рода давать нам знать, как и о получении этого письма. 1812 г. июля 17-го дня. Минск.

Подписали собственноручно Людвиг Каменский. Ксаверий гр. Липский. Винцент Володкович. Секретарь И. Жилинский. Верно: Адам Жемойтель.

II

Согласно заявлению В. Флорента Янковского, жалующегося на то, что в деревне Кузевичах, находящейся в Борисовском у., местные крестьяне, взбунтовавшись, не пошли на обычную барщину, не хотят слушать и, сверх того, якобы даже угрожают личным оскорблением Янковскому. Отделение полиции, рассмотрев жалобу, постановило передать ее Уездной Борисовской полиции с поручением, чтобы комиссия, откомандировав из своей среды члена и взяв одного из подкомиссаров, выслала их на место и, произведя надлежащий розыск, доставила виновных под воинской охраной для выполнения наказания. Для безопасности проезда и выполнения розыска комиссии надлежит обратиться к местному плац-коменданту за предоставлением офицера и воинской охраны. Года 1812 июля 18-го дня. Ксаверий гр. Липский. Секретарь Адам Жемойтель.

Акты, стр. 204—205, 206.

1812 г. не позднее августа 5. — Из объявления Комиссии временного управления великого княжества Литовского о необходимости повиновения крестьян помещикам.

... Комиссия, исполняя важнейшую обязанность управления поддерживать порядок и безопасность сельского хозяйства в крае, сим доводит до сведения и приказывает всем поветовым, дворовым и крестьянским учреждениям и властям следующее: 1) Все крестьяне, жители городов и деревень, которые, в виду прохождения войск, оставили свои дома, должны возвратиться к своим земледельческим занятиям и исполнять свои обязанности. 2) До опубликования новых общих распоряжений все землепашцы и крестьяне должны повиноваться своим господам, арендаторам и землевладельцам или их заместителям, обязаны ничем не нарушать господской собственности, отбывать работы и исполнять все те повинности, которые предписаны им инвентарями и какие они до сих пор исполняли. 3) Не исполняющие этого и ведущие себя дурно, по заявлению управителей имения, должны быть увещеваемы, наказываемы и принуждаемы поветовыми властями к исполнению своих обязанностей с употреблением даже военной силы, если в том будет надобность. 4) Поветовые власти и учреждения, заботясь о водворении порядка и спокойствия среди населения, обязаны немедленно разбирать жалобы об обидах, причиненных крестьянам требованием повинностей сверх положенного или отказом им в помощи, взыскивая с виновных и вознаграждение в пользу обиженных.

Краснянский, стр. 51.

87

Из записок А. Дедема о подавлении Наполеоном крестьянских волнений.

... Император созвал совет, на котором обсуждался вопрос о том, куда итти — на Петербург или на Москву, или же остановиться, организоваться в Польше, устроить продовольственные магазины и прежде, нежели итти далее, уничтожить русскую армию, возвращавшуюся с турецкой границы. Была сделана попытка войти в сношение с казаками, которым подали надежду на образование независимого государства.[1] Ответ получился неопределенный, уклончивый, даже отрицательный. Казаки дали понять, что они не видели никакой выгоды

[1] Наполеону приписывали намерение вызвать восстание народа против дворянства и даже говорили, будто он принял к этому меры. Но подобный образ действий шел слишком в разрез с его личными интересами и с его деспотической системой правления, чтобы можно было этому поверить.

уйти из-под русского владычества, чтобы попасть под власть Наполеона, от которого они могли ожидать не столько свободы, сколько деспотизма.

В окрестностях Витебска население проявило революционные чувства. Помещики со всех сторон стали обращаться к витебскому губернатору ген. Шарпантье с просьбою прислать охрану для их защиты от крестьян, которые грабили помещичьи дома и дурно обходились с самими помещиками (я сам видел, как многие семейства переехали в Витебск, заботясь о своей безопасности). Я полагаю, что император мог бы возбудить восстание в русских губерниях, если бы он хотел дать волю народу, так как народ этого ожидал, но Наполеон был уже в то время не ген. Бонапарт, командовавший республиканскими войсками. Для него было слишком важно упрочить монархизм во Франции, и ему трудно проповедывать революцию в России...

Р. Ст., 1900, № 7, стр. 126.

88

Из воспоминаний Пюибюска о помощи армии Наполеона русским помещикам.

...Наш провиантский совет положил совершенно противное предписаниям, сделанным насчет завоеванных земель. Войска, отделенные в наше распоряжение для фуражирований или, лучше сказать, для грабежей, получили от нас совсем другое направление, и мы собираем уже счастливые плоды нашего распорядка: все найденные по лесам помещики, где они укрывались от армии, отсылаются в свои владения, их семейства возвращаются под прикрытием к нам, им отдают опять в управление крестьян, и таким образом задобренные пленники обещают нам, что, если они будут охраняемы от мародеров, то и мы, по возможности, будем получать от них муку, вино, скот и фураж...

Пюибюск, стр. 54—55.

89

Из записок А. Пасторе о личном участии Наполеона в редактировании прокламации к крестьянам Витебской губ.

... Было тогда два довольно значительных препятствия, которые должны были помешать всем начинаемым предприятиям. Во-первых, в стране царил самый крайний беспорядок, распространяемый восстанием крестьян, убежденных тайными агентами революции, что свобода, о которой шла речь, состоит именно в безудержном произволе. Во-вторых, денежных

средств не было вовсе, а без них обойтись было чрезвычайно трудно. Власть государя в силах была уничтожить первое препятствие, и оно было уничтожено...

Дворяне Витебской губ. по собственному побуждению обратились к императору, надеясь, что ему удастся подавить эти беспорядки, наконец раздражавшие их, так как они посягали уже на их права. Император принял их просьбу и приказал мне обнародовать вместе с комиссией и от ее имени прокламацию, которую он лично поправил и в которой несколько строк продиктовано им самим. Губернатору было поручено послать по деревням летучие отряды, которые должны были выполнить двоякое назначение: подавить крестьянское восстание и перехватить мародеров. Благодаря ужасу, повсюду внушаемому этими войсками и благодаря суровости некоторых дворян, может быть, получивших на то приказ, скоро было подавлено это мимолетное восстание, которым наши враги не сумели воспользоваться, после того как возбудили его...

Р. А., 1900, № 12, стр. 492.

90

Из книги В. Г. Краснянского «Минский департамент великого княжества Литовского» о подавлении ген. Барб-Негром крестьянских восстаний в Борисовском у.

... Крестьяне деревень Борисовского повета: Староселья, Можан, Клевки, Есьмон, удалившись в леса, составили несколько отрядов и организовали правильные нападения на хлебные магазины, амбары, овины и кладовые окрестных помещиков, а затем стали грабить и жечь помещичьи дома и фольварки. Помещики и их управляющие ничего не могли поделать с возмутившимися крестьянами, которые не только вышли из повиновения, но даже угрожали жизни своих панов. Перепуганные помещики обратились за помощью к военному губернатору г. Борисова, ген. Барб-Негру. Придавая серьезное значение волнению среди крестьян, Барб-Негр в конце июля выслал в Есьмонскую волость экзекуционный отряд, который, кроме прямой своей задачи — усмирения крестьян, должен был заняться поимкою французских мародеров и отсталых солдат, в значительном количестве находившихся в той местности. Все обвиненные в возмущении крестьяне были арестованы и доставлены в Борисов; борисовская военно-следственная комиссия, сняв допрос, передала дело в Минский главный суд. Подобное же возмущение крестьян произошло в начале августа в имении кн. Радзивилла в деревне Смолевичах. Только благодаря присутствию в имении французских солдат, арендатору удалось арестовать виновных.

Краснянский, стр. 48—49.

Гренадер старой гвардии Наполеона.
С гравюры Вейланда.

XVII

РАЗГАР НАРОДНОЙ ВОЙНЫ

91

Из «Дневника партизанских действий» Д. В. Давыдова об участии крестьян в войне.

... Получив 50 гусар и 80 казаков, я взял с собою Ахтырского гусарского полка штабс-ротмистра Бедрягу 3-го, поручиков Бекетова и Макарова; захватив также с казачьей командой хорунжих Талаева и Григорья Астахова, я вступил чрез с. Сивково, Борис-городок в с. Егорьевское, а оттуда — на Медынь, Шанский завод, на Азарово, в с. Скугорево. С. Скугорево расположено на высоте, господствующей над всеми окрестностями, так что в ясный день можно обозревать оттуда пространство на 7 или 8 верст в окружности. Высота эта прилегает к лесу, простирающемуся почти до Медыни. Этот лес дозволил партии моей скрывать свои движения, и, в случае поражения, иметь в нем убежище. В Скугореве я избрал первый притон свой.

Между тем неприятельская армия стремилась к столице. Огромные обозы, парки и шайки мародеров следовали за нею по обеим сторонам дороги, на пространстве тридцати или сорока верст. Вся эта сволочь, пользуясь безначалием, преступала все меры насилия и неистовства. Пожар разливался по этой широкой черте опустошения, и жители волостей с остатком своего имущества бежали от этой всепожирающей лавы. Но, чтобы яснее видеть положение моей партии, надобно начать выше: путь наш становился опаснее по мере удаления нашего от армии. Даже места, в которых еще не было неприятеля, представляли нам не мало препятствий. Общее и добровольное ополчение поселян преграждало нам путь. В каждом селении ворота были заперты; при них стояли

стар и млад с вилами, кольями, топорами и некоторые из них с огнестрельным оружием. К каждому селению один из нас принужден был подъезжать и говорить жителям, что мы русские, что мы пришли к ним на помощь, на защиту православных церквей. Часто ответом нам был выстрел или, пущенный с размаха, топор, от ударов которого судьба спасала нас. За 2 дня до моего прихода в с. Егорьевское крестьяне ближней волости истребили команду Тептярского казачьего полка, состоявшую из шестидесяти казаков. Они приняли казаков сих за неприятеля от нечистого произношения ими русского языка. Сии же самые крестьяне напали на отставшую мою телегу, на коей лежал чемодан и больной гусар Пучков. Пучкова оставили замертво на дороге, телегу разрубили топорами, но из вещей ничего не взяли, а разорвали их в куски и разбросали по полю. Мы могли бы обходить селения, но я хотел распространить слух, что войска возвращаются, и, утвердив поселян в намерении защищаться, склонить их к немедленному извещению нас о приближении к ним неприятеля; потому с каждым селением долго продолжались переговоры до вступления в улицы. Там сцена внезапно изменялась; едва сомнение уступало место уверенности, что мы русские, как хлеб, пиво, пироги были подносимы солдатам.

Сколько раз я спрашивал жителей по заключении между нами мира: «Отчего вы полагали нас французами?» Каждый раз отвечали они мне: «Да, вишь, родимый (показывая на гусарский мой ментик), это, бают, на их одежу схожо». — «Да разве я не русским языком говорю?» — «Да ведь у них всякого сброда люди». Тогда я на опыте узнал, что в народной войне должно не только говорить языком черни, но приноравливаться к ней, к ее обычаям и ее одежде. Я надел мужичий кафтан, стал отпускать бороду, вместо ордена св. Анны повесил образ св. Николая и заговорил языком вполне народным...

Давыдов, стр. 41—43.

92

1812 г. августа 22 — сентября 3. — Из дневника Н. Н. Пущина о сражении крестьян с неприятельским отрядом около Бородина и о настроении офицеров после оставления Москвы.

Наш корпус выступил до 6 часов утра, вошел в Московскую губ. и в 10 часов утра раскинул лагерь у Бородино. Ожидаем нападения неприятеля на эти позиции. Слышна сильная пальба в авангарде. Стало известно, что вчера француз-

ский отряд в 200 человек напал на крестьян кн. Голицына в лесу, куда они от него спрятались. Крестьяне отбили атаку эту, убили у неприятеля 45 человек, а 50 взяли в плен. Замечательно, что даже женщины дрались с ожесточением. Между убитыми одна девушка 18 лет, особенно храбро сражавшаяся, которая получила смертельный удар, обладала настолько присутствием духа и силой, что вонзила нож французу, выстрелившему в нее, и испустила дух, отомстив.

3 сентября. Вторник.

На местах. Сообщение о вступлении французов в Москву возбудило всеобщее негодование и такой ропот между нами, что многие офицеры заявили, что если будет заключен мир, то они перейдут на службу в Испанию.

Аглаимов, стр. 49, 56.

93

1812 г. августа 29. — Из рапорта Мосальского кордонного начальника Н. П. Суходольского калужскому гражданскому губернатору о действиях крестьян против неприятеля.

... С 26 по 28 августа произошло следующее. 26-го числа с кордонов дано мне знать, что шайка французов в числе десяти человек приближается к селению Трашковичам. Расположив людей кордонных ко встрече их внезапностию таковою, злодеев среди леса атаковав, привели в трепет, и без дальнего сопротивления, обезоружив, взяли в плен, кои все за надлежащим караулом куда следует посланы. 26-го числа известясь, что другая неприятельская партия в числе 75 человек собирается на границах Мосальского у. в намерении напасть на селы Пятницкое и Любунь с мечом и огнем, я тотчас дал знать г. майору Ергольскому, находящемуся с командою воинов в с. Пятницком, о соединении со мною и о следовании для поиска и истребления врагов прежде, нежели могли они собраться. 27-го поутру составное ополчение из вооруженных воинов и крестьян с пиками и косами следовали мы в деревню (sic!), в коей нашел означенную партию природных французов, атаковали их. Сопротивление злодеев было отчаянное, но храбрость русских по трехчасном сражении все превозмогла. Злодеи, рассеясь, побежали, коих преследовали Ельнинской округи до деревни Веселухи, где их скопище и гнездо было. Выбив из сего места, прогнали и еще 5 верст гнали, но далее преследовать усталость людей воспрепятствовала. В сем деле убито неприятелей 36 человек и ранено немало, кои увезены на лошадях, в плен взято 6 человек.

С нашей стороны убито воинов 2, графини Орловой с. Пятницкого крестьянин 1, да ранено 3. Отдавая должную справедливость неустрашимости воинов и крестьян, за веру и отечество свой живот полагавших, я не могу умолчать о подвигах в сем сражении дьячка с. Пятницкого Ивана Ахарова, который, презирая все опасности, поражал злодеев мужественно.

Нынешний день также извещают, что 40 человек французов грабят селения Ельнинской округи, в смежности с Мосальскою, да и в других местах.

Ассонов, стр. 32—33.

94

1812 г. сентября 3. — Рапорт сычевского уездного предводителя дворянства Н. Нахимова М. И. Кутузову из Сычевки о действиях крестьян против неприятеля.

За должное поставляю донести вашей светлости, что неприятель, проходя Вяземскую округу, входил разными отделениями и в Сычевскую, делал убийства, грабительства, сожигал домы господские и селения крестьян, а скот, лошадей и все имущество забирал с собой; даже и храмы божии не остались без ограбления. Но как по приближению неприятеля, по предписанию моему, были вооружены в каждом селении крестьяне пиками, учредя по очереди из оных конные разъезды, которые, услыша или заметя о неприятеле, должны немедля давать знать г. исправнику и в ближайшие селения, и чтобы из селений вооруженные крестьяне по первому извещению немедленно являлись к назначенному месту, при том убеждая, что за веру, отечество и августейшего государя нашего не должно щадить жизни, не только спокойствия, что столько на их сердца подействовало, по расторопности и усердию г. исправника Богуславского, и к тому слыша и видя ужасные разорения неприятелей, что, при каждом появлении оных, не только с стремлением стекались вооруженные пиками, но даже с косами и кольями, и по команде исправника, не страшась пуль и штыков, окружа, бросались на неприятеля, поражали его, в плен брали и рассевали, и делая нападения на неприятельские отряды, с 18-го числа августа по 1 сентября, убито нашими 572, в плен взято 325 человека, в том числе 3 обер-офицера; с нашей стороны крестьян убито 44, ранено 67 человек; доставшиеся ж ружья от неприятелей раздаются крестьянам и обращаются на поражение их, а в недостатке пороху и пуль мною и исправником снабжаются.

Неоднократно и я выезжал против больших партий неприятельских с исправником для распоряжения и поощрения крестьян, где и заседатель земского суда Граблин вспомоществовал; но по большей части один исправник присутствовал, распоряжал и поощрял крестьян.

О таковых подвигах Сычевского у. крестьян и в оном иногда участвующих купцов и мещан города Сычевок, под руководством г. исправника подпоручика Богуславского содействующих, за счастие поставляю донести вашей светлости, прося всепокорнейше донесть оное до сведения его и. в., осмеливаюсь просить потому более вашу светлость об оном, что где находится Смоленской губ. начальник, нам неизвестно. Пленные ж все, взятые из войск французских, отсылаются Тверской губ. в город Зубцов и в получении оных от тамошнего земского суда имеются расписки.

Сычевского дворянства предводитель Николай Нахимов 1812 г. сентября 3 дня. № 162, город Сычевки.

Смоленская старина, стр. 157—158.

93

1812 г. сентября 11.—Рапорт жиздринского уездного предводителя дворянства калужскому гражданскому губернатору о действиях крестьян против неприятеля.

Сего числа рапортом Жиздринской земский суд донес мне, что суда оного дворянский заседатель Лопухин сведением 9 сентября оному суду дал знать, что, бывши он в округе, 4-го числа отправлялся обще с кордонным начальником ротмистром Шепелевым для обозрения устроенных в Жиздринском округе пограничных кордонов и, прибыв здешней округи в д. Холмы, где находящиеся караульщики объявили, что по пролегающей от Елинской округи дороге проходят лесами французы, почему и отправились для поимки оных, и не доезжая до деревни Бестани с версту, повстречался с ними Елинской округи неизвестно какой человек и объявил им, что французов 11 человек были в его доме и пошли дорогою к с. Данилевичам, почему они взяли с собою пристойное число охотников из крестьян, послали за ними следом и догнали их за с. Даниловичами, верстах в четырех, кои усмотрели их и скрылись в лес, но с помощью тамошних жителей оных французов в лесах нашли вооруженных, где и убили 5 человек, а остальные лесами бежали и за густотою лесов взять их никак не могли, затем более от того, что не стало у крестьян пороху и пуль. С нашей же стороны Елинского помещика Хомутова ткача ранили дробью в правую руку и

двум нашим мужикам прострелили пулями шляпы. В прочем в здешней округе пограничные места обстоят благополучны.

Ассонов, стр. 35.

96

1812 г. сентября 21. — Рапорт Е. И. Властова П. Х. Витгенштейну из местечка Белого о действиях крестьян против неприятеля.

Сего месяца 8-го числа французский ген. Легран делал рекогносцировку от реки Полоты до Двины, чрез аванпосты свои, с одним батальоном пехоты и эскадроном кавалерии. Подходя к д. Жарце, хотел оную занять; но жители той деревни, русские мужики, узнав о приближении неприятеля, просили находившегося у них на залоге казака, чтоб он ими командовал, который охотно за то взялся. Тогда мужики, тотчас взяв свои ружья, бросились в лес, и как скоро неприятель приблизился, то казак, распоряжавшийся ими, кричал: «Егеря направо, казаки налево», а мужики тотчас встретили его из лесу ружейным огнем, отчего неприятель оставил покушение свое занять ту деревню и прошел мимо оной. Тогда храбрые русские мужики пустились вслед за ним и беспрестанно тревожили его, причем несколько человек убили и ранили, между коими и одного офицера. Долгом поставляю, донеся о сем, просить ваше сиятельство, дабы известен был публике сей удивительный поступок тех мужиков, доказывающий, что отменная их любовь и приверженность к отечеству, а к врагам оного непримиримая вражда побудили их вооружиться по собственной своей воле и, забыв все ужасы войны, жертвовать жизнью своей единственно, дабы, сколько возможно, истреблять врагов отечества.

Материалы, т. XVIII, стр. 103.

97

1812 г. сентября 23. — Корреспонденция в газету «Северная Почта» о действиях крестьян против неприятеля.

Из Осташкова, от 23 сентября.

Здесь учреждены из предосторожности, для ловления французских мародеров и для прикрытия дорог и границ уездных, отряды, разъезды и караулы, состоящие из 600 человек вооруженных крестьян, в числе коих 200 конных. Впрочем, здесь доселе спокойно и ничего неприятного не слышно.

Жители городские и крестьяне у нас преисполнены все духом мужества и неустрашимости, и все общество положило единогласно и дало в том подписки, чтоб каждому в своем доме иметь ружье, сабли и прочее оружие, дабы в случае опасности отражать оную вооруженною рукою. Две недели тому назад дворянство здешнее отправило в Тверь свое ополчение, по 4 человека со 100 душ.

Северная Почта, 1812, № 80.

98

Правительственное сообщение о деятельности крестьянских отрядов против армии Наполеона в Московской губ.

Во исполнение высочайшей его и. в. воли, предается здесь ко всеобщему сведению известие о храбрых и похвальных поступках поселян Московской губ., ополчавшихся единодушно и мужественно целыми селениями против посылланных от неприятеля для грабежа и зажигательства партий, с показанием имен и деяний тех из купцов, мещан и крестьян, которые в сие время наиболее отличились.

По Богородскому у. Вохонской экономической вол. голова Егор Стулов, сотский Иван Чушкин и крестьянин Герасим Курин, да Амеревской вол. голова Емельян Васильев, собрав подведомственных им крестьян и пригласив также соседственных, мужественно защищались от неприятеля и не только не допустили его разорять и грабить их селения, но, отражая и прогоняя врагов, вохонские крестьяне побили и в полон взяли до пятидесяти, амеревские же до трехсот человек. Таковые мужественные поступки их засвидетельствованы и одобрены письменно начальствующим над Владимирским ополчением г. ген.-лейтенантом кн. Голицыным.

По Броницкому у. крестьяне сел: Шубина, Вешнякова, Константинова, Воскресенского и Починок; деревень: Салвачевой, Жирошкиной, Рогачевой, Ганусовой, Залесья, Голушиной и Жданской, по воззваниям от земской полиции, неоднократно собирались вооруженные конные и пешие до 2 тыс. человек на дорогу, пролегающую к городу Подолу, где, находясь под прикрытием в лесу, ожидали с казаками неприятеля, который, проходя от Бронниц к означенному городу, разорял целые селения. Наконец, усмотрели они отделившийся неприятельский отряд, заключавший в себе до 700 человек, на который с помощию казаков мужественно напали и, положив на месте 30 человек, прочих принудили бросить оружие и взяли в плен с их повозками и добычею. Пленные сии препровождены были казаками в главную нашу армию. При сем происшествии наиболее отличились храбростию и мужеством,

поощряя других на защиту противу врагов: с. Константинова староста Семен Тиханов, д. Салвачевой староста Егор Васильев и с. Починок староста Яков Петров. Сельца Залесья крестьяне, приметив, что называвший себя русским уроженцем служил французам, тотчас схватили его и передали находившимся в их деревне казакам для представления, куда следовало. Сельца Ганусова крестьянин Павел Прохоров, усмотря ехавших навстречу к нему 5 человек французов, пустился к ним верхом в казачьем платье и, не имев при себе огнестрельного оружия, с одною токмо пикою взял их в плен и доставил к казакам для отсылки по команде. В селах: Велине, Кривцах и Софьине крестьяне, вооружась против французов, прибывших в довольном числе для грабежа святых церквей и для обольщения живущих в сих местах, не только не допустили их до того, но, преодолев, истребили. При сем случае от выстрелов со стороны неприятеля в с. Софьине сожжены 62 двора со всем строением и имуществом. Сел. Михайловской слободы и Яванова, деревень: Дурнихи, Чулковой, Кулаковой и Какузевой крестьяне каждодневно до 2 тыс. человек собирались к Боровскому перевозу Москвы-реки на гору, имев строжайшее наблюдение за переправою неприятельских отрядов. Часть из них, для вящшего устрашения врагов, одевалась в казацкое платье и вооружалась пиками. Они многократно поражали и прогоняли неприятеля; а 22 сентября усмотрев, что неприятельский отряд, довольно многочисленный, потянулся по другой стороне реки к с. Мячкову, многие из них вместе с казаками переправились через реку вброд и, напав стремительно на врагов, 11 человек положили на месте и 46 человек взяли в плен с оружием, лошадьми и двумя повозками; остальные же, быв рассеяны, спаслись бегством. При поражении и рассеянии неприятельского отряда, стремившегося на грабеж к с. Мячкову, наибольшую смелость оказали крестьяне д. Дурнихи: Михайло Андреев, Василий Кириллов и Иван Иванов, с. Михайловской слободы: Сидор Тимофеев, Яков Кондратьев и Владимир Афанасьев, с. Яганова: староста Василий Леонтьев и крестьянин Федул Дмитриев, поощрявшие других к переправе через реку и к нападению на неприятеля. В д. Вохрине и сельцах Лубнине и Выткарине жители, вооружась против небольших неприятельских отрядов, часто оные истребляли, причем вохринские жители лишились от сожжения 34 дворов со всем строением и имуществом, а в Лубнине сожжены 2 господских двора — конский и скотный. В д. Хрипань пришли двое французов и, взяв стоявшую позади дворов запряженную в телеге лошадь, сели на нее и поехали в лес. Крестьянин той деревни Егор Иванов, карауливший селение, усмотрев сие, погнался за ними с топором и грозил изрубить их, если они не покинут лошади. Грабители, видя,

что не могут от него уехать, испугались, бросили телегу с лошадью и сами побежали; но означенный крестьянин, отпрягши из телеги лошадь, погнался за ними верхом и прежде одного из них изрубил, а потом догнал и убил другого.

По Волоколамскому у. Крестьяне сего уезда, находившиеся беспрерывно вооруженными до самого удаления оттуда неприятелей, отражали мужественно все их нападения, забирая многих в плен, а других истребляя на месте. Когда начальствовавший над сими крестьянами капитан-исправник отлучался для исполнения других поручений, тогда распоряжение и власть над оными поручались г. действительного тайного советника и сенатора Алябьева управителю Гаврилу Анкудинову, который, равно как и находившиеся при нем его ж г. Алябьева дворовые люди: Дмитрий Иванов, Федор Феопемтов, Николай Михайлов, також экономической Серединской вол. с. Середы волостной голова Борис Борисов и сын его Василий Борисов, д. Бурцова волостной староста Иван Ермолаев, волостной писарь Михайло Федоров, крестьянин Филипп Михайлов, д. Подсухиной крестьяне Козьма Козмин и Герасим Семенов, отлично против неприятеля действовали и всегда первые на него стремились, подавая неустрашимостию своею пример другим.

По Звенигородскому у. Когда сей уезд почти весь уже занят был неприятелем, кроме малой части селений, лежащих к стороне заштатного города Воскресенска, которого неприятельские отряды занять не успели; тогда городские и окрестные жители, даже из занятых неприятелем мест, соединясь, положили единодушно защищать город Воскресенск. Они вооружались чем только могли, учредили стражу и условились между собою, чтоб по колокольному от нее звону всем немедленно туда собираться верхами и пешком. По сему условному знаку всегда стекались они в немалом количестве, вооруженные ружьями, пиками, топорами, вилами, косами и неоднократно прогоняли подступавшие к Воскресенску от стороны Звенигорода и Рузы неприятельские партии. Часто сражались под самым городом и вдалеке от оного, иногда одни, иногда с казаками, множество убивали, брали в полон и доставляли в казацкие команды, так что по одному Звенигородскому у. и одними обывателями истреблено неприятелей более 2 тыс. человек. Таким образом спасены от нашествия и разорения неприятельского город Воскресенск, некоторые селения и монастырь, Новым Иерусалимом именуемый. При сем отличились: голова экономической Вельяминовской вол. Иван Андреев, который, сверх того что занимался нарядом и распоряжением людей, выезжал сам верхом на сражение и примером своим вселял в других храбрость; с. Лучинского г. Голохвастова сотский Павел Иванов, который также не только что

наряжал людей, но всегда сам с детьми своими бывал в сражениях, на коих и ранен с одним из сыновей своих; звенигородский мещанин Николай Овчинников, живучи в Воскресенске, выезжал неоднократно на сражение и ранен в руку; воскресенский купец Пентиохов, звенигородский мещанин Иван Горяинов, дворовые люди: кн. Голицына Алексей Абрамов, г. Колошина Алексей Дмитриев и Прохор Игнатьев, г. Ярославова Федор Сергеев, вотчинные старосты: с. Ильинского гр. Остермана Егор Яковлев, сельца Ивашкова г. Ардалионова Устин Иванов и крестьянин того же сельца Егор Алексеев. Все они много раз бывали в сражениях и поощряли других к истреблению и прогнанию неприятеля.

По Серпуховскому у. Когда неприятельские партии разделялись для грабежа, тогда оставшиеся в домах крестьяне употребляли хитрость к истреблению врагов отечества. Они старались сперва напоить их и привесть в оплошность, а потом нападали на них. Сим способом убито в казенном селении Стромилове 5, в с. Лопасне 2, в д. Тетерках (г. Жукова) 1, в с. Дубне (г. Акимова) 2, в сельце Артищеве (г. Волкова) 7 человек. Гр. же В. Г. Орлова с. Семеновского бурмистр Аким Дементьев, да гр. А. А. Орловой-Чесменской с. Хатуни прикащик Иван Ильин и помещика Орлова сельца Горок бурмистр Никифор Савельев, по слухам, что неприятель идет по Каширской дороге, собрали ведомства своего крестьян, и, вооружа их пиками, вилами, топорами и домовыми гр. Орлова ружьями, ожидали смело в д. Папушкиной неприятеля, который, узнав о том и находясь в небольших силах, принужден был пройти мимо.

По Рузскому у. Крестьяне, вооружась и заведя в каждом селении для сбору колокола, поспешно собирались при появлении неприятельских отрядов до нескольких тысяч человек и с таким единодушием и мужеством нападали на неприятельские партии, что из оных истреблено ими более тысячи человек, не считая взятых при их помощи казаками в плен. Минувшего же октября 11-го числа, собравшись до 1500 человек, помогли они казакам и совсем выгнать неприятеля из Рузы. Когда неприятель в последних числах августа и в начале сентября нападал многократно на Вышегородскую вотчину гр. Головкиной, то всегда отражаем был вотчинными старостами, Никитою Федоровым, Гаврилом Мироновым и дворовыми той же помещицы писарями, Алексеем Кирпичниковым, Николаем Усковым и Афанасьем Щегловым с крестьянами. В октябре же месяце, когда неприятель, возвращаясь из Москвы, покушался перейти Протву реку (на которой построена мукомольная мельница о пяти поставах), для разграбления церкви Успения пресвятыя богородицы и находящихся вблизи помещичьего дома и казенного хлебного мага-

зина, в коем хранилось более 500 четвертей ржи, в то время означенные писари — Алексей Кирпичников и Николай Усков, собрав крестьян до 500 человек, старались всеми мерами отражать врага, имевшего в отряде своем до 300 человек. Бывшие на мельнице работниками, Можайского у., экономической Рейтарской вол., Ильинской Слободы крестьянин Петр Петров Колюпанов, и ее ж гр. Головкиной д. Лобановой крестьянин Емельян Минаев, невзирая на многократные по ним ружейные выстрелы, смывали лавы на плотине, и, разбирая доски, спускали воду, чем и удержали неприятельскую партию и спасли упомянутую церковь, помещичий дом со всеми службами, хлебный магазейн, также церковнослужительские домы и набережную слободку, в коей находится 48 крестьянских домов. Равным образом спасены были села Дуброва и Понизовье с имеющимися в них церквами обороною от крестьян сих и близких к ним селений, которые особенно ободряемы были к тому советами и увещаниями находившегося в с. Дуброве верейского соборного священника Иоанна Скобеева, коему много способствовал и Успенской церкви пономарь Василий Семенов, не только поощрявший других, но и сам участвовавший в отражениях неприятеля.

Известие сие прислано и засвидетельствовано от главнокомандующего в Москве, г. ген.-от-инф. гр. Ф. В. Ростопчина. Упоминаемых в оном начальствовавших людей высочайше повелено отличить георгиевским 5-го класса знаком, а прочих серебряною на Владимирской ленте медалью с надписью: за любовь к отечеству. Без сумнения, многие отличные и мужественные поступки других крестьян, по не дошедшим об оных сведениям, остаются еще в неизвестности.

Северная Почта, 1813, №№ 19—22.

99

1812 г. сентября 27. — Из «Краткого журнала военных действий» о борьбе крестьян Бельского у. Смоленской губ. с армией Наполеона.

... Смоленской губ. Бельского у. предводитель дворянства Коленов, городничий Адамович и исправник Богуславский доносят, что, хоть город их от неприятельского нашествия по сих пор и был избавлен, но не менее того показываются неприятельские партии для грабительства, а посему жители означенного города, движимые чувствами истинных россиян, составили единодушным согласием общее ополчение, которое с неусыпною деятельностью действует на истребление врагов.

Неоднократно уже являются крестьяне из многих селений, близ мест расположения армии находящихся, испрашивая

усиленно ружей с патронами для защиты от неприятеля. Они уже истребили их немалое число и при всякой встрече, решительно нападая на врагов, не сходят с места, не разбив оных совершенно. Между прочим казенные крестьяне Боровского у. слободы Каменской соединились под присягою для общего своего защищения с тем, что положено жестокое наказание на случай, если бы оказался кто из них трусом или бы изменил друг другу. По мере возможности просьбы сих почтенных крестьян удовлетворяются, и им дают ружья и пистолеты...

Материалы, т. XV, стр. 34—35.

100

1812 г. октября 24.— Донесение М. И. Кутузова Александру I о патриотизме крестьян.

С душевным удовольствием русского сердца всеподданнейше долгом считаю донести вашему и. в. о поведении крестьян Калужской и Московской губерний в бурное время неприятельского в оных пребывания. Неприятель употребил все усилия, которыми можно обольстить другие народы; раздавал серебро с тем, чтобы привлечь их на свою сторону и тем сих мирных людей противупоставить правительству, но ничто не могло поколебать сих христолюбивых сердец, одушевленных любовию к высочайшему престолу. С мученическою твердостию переносили они все удары, сопряженные с нашествием неприятеля, скрывали в леса свои семейства и малолетных детей, а сами вооруженные искали поражения в мирных жилищах своих появляющимся хищникам. Нередко самые женщины хитрым образом уловляли сих злодеев и наказывали смертью их покушения, и нередко вооруженные поселяне, присоединясь к нашим партизанам, весьма им способствовали в истреблении врага, и можно без увеличения сказать, что многие тысячи неприятеля истреблены крестьянами. Подвиги сии столь велики, многочисленны и восхитительны духу россиянина, что единственно торжественное изъявление высочайшего вашего и. в. отеческого благоволения к сим губерниям может им воздать и возбудить подобное соревнование в жителях прочих наших губерний, что я всеподданнейше испрашиваю...

Сб. инст. матер., вып. X, стр. 89—90.

101

Из статьи Н. П. Поликарпова «Серые герои Отечественной войны» о действиях крестьян д. Жарцов Полоцкого повета Витебской губ.

...Все 22 дворохозяина д. Жарцов стали «партизанить», или, как пишет сенатор Бибиков в выданном им этим

дворохозяевам свидетельстве, «сражались несколько раз сами собою с французами, защищая собственность свою, стараясь единственно искоренить врага, наносившего вред отечеству».

Имена и фамилии этих крестьян дворохозяев следующие: Петр Яковлев, Антон Афанасьев, Филипп Кузьмин, Петр Орехов, Трофим Харитонов, Меркурий Кириллов, Аверьян Кириллов, Иван Александров, Фома Александров, Иван Афанасьев 1, Максим Кузьмин, Корней Иванов, Иван Афанасьев 2, Карп Афанасьев, Борис Марков, Максим Марков, Прохор Максимов, Прохор Кондратьев, Александр Кондратьев, Харитон Иванов, Клим Сильвестров (Селиверстов), Иван Климов. Все имена и фамилии — коренные, истинно русские. Главою или предводителем этой горсточки русских гверильясов был их же однодеревенец крестьянин Максим Марков...

Во время наступления 1-го Отдельного корпуса ген. гр. Витгенштейна к городу Полоцку жарцовские крестьяне-партизаны служили этому корпусу прекрасными и незаменимыми проводниками в чрезвычайно пересеченной, лесистой и озерной местности и затем все они в числе 22 человек принимали непосредственное участие в сражениях при городе Полоцке 5 и 6 августа, 6 и 7 октября 1812 г. ... Начальник Петербургского и Новгородского ополчений, сенатор Бибиков, выдал крестьянам д. Жарцов, по приказанию ген. гр. Витгенштейна, такое свидетельство, правильнее — похвальную грамоту:

«По приказанию корпусного командира, ген.-от-кав. гр. Витгенштейна, в знак отличия за усердие и ревность к пользе отечества дано 22 креста С.-Петербургского ополчения с именем государя императора и надписью: «За царя и веру» крестьянам селения Жарцы, сражавшимся несколько раз сами собою с французами, защищая собственность свою, стараясь единственно искоренить врага, наносившего вред отечеству; кресты сии дозволяется носить им навсегда на шляпах своих. Во уверение чего дано сие свидетельство за моим подписанием, с приложением печати его сиятельства. Октября 11-го дня 1812 г. ...»

«1812 год», №№ 11—12, стр. 417—418.

102

Из статьи Н. П. Поликарпова «Неведомый и неуловимый русский партизанский отряд» о действиях Е. Четвертакова и других крестьян.

... Привожу краткие архивные сведения о подвигах этих забытых героев.

В с. Савенки Сычевского у. Смоленской губ. прибыла партия французских фуражиров под командою офицера, имев-

шего орден Почетного легиона, и стала хозяйничать по-своему в селе. Пономарь сельской церкви Алексей Смирягин один из всех своих односельчан сохранил присутствие духа, уговорил крестьян вооружиться чем попало и, напав в удобный момент на французскую партию, разбил ее и прогнал из села, причем собственноручно отнял у начальника партии орден Почетного легиона и «ландкарту в четырех отделениях». Император Александр I пожаловал знак отличия военного ордена № 24743 (георгиевский крест) пономарю Алексею Смирягину «за оказанное им мужество при прогнании неприятеля из своего села». В 1813 г. пономарь Алексей Смирягин был посвящен в диаконы в с. Васильевское Гжатского у. Смоленской губ., где и умер 20 февраля 1815 г.

Стрелок 1-й гренадерской роты Московского пехотного полка Степан Еременко (Еремеенко), будучи ранен во время сражения 5 августа 1812 г. при городе Смоленске, находился для излечения своих ран на попечении помещика с. Мичулова Смоленской губ., отставного подпоручика Кречетова. Вылечившись от ран и не имея уже возможности присоединиться к своему полку, стрелок Еременко продолжал жить у этого помещика и, узнав, что 30 октября 1812 г. прибыла в соседние деревни Млекино и Ползино французская команда в числе 47 человек, собрал крестьян этих деревень и, «ободрив примером личной храбрости, 7 французов истребил, а остальных 40 человек, перевязав, отправил на передовые казачьи посты в селение Городок».

Особенно отличился своими смелыми партизанскими действиями рядовой Киевского драгунского полка Ермолай Четвертаков, сумевший сформировать, вооружить и обучить сильный партизанский отряд из 300 крестьян, с которым и действовал долго и весьма успешно против французских войск. Действия этого скромного партизана-героя, по своей поучительности, достойны вполне описания и сохранения в памяти потомства.

Во время сражения 18 августа 1812 г. при с. Царево-Займище под рядовым Четвертаковым была тяжело ранена лошадь, и он, будучи вследствие этого спешен, не мог уже присоединиться к своему отступившему полку и попал в плен французам. В плену Четвертаков пробыл только трое суток, на четвертый день бежал под городом Гжатском из плена и пробрался скрытыми местами за 35 верст от этого города в д. Басманы, где уговорил приютившего его крестьянина итти вместе в д. Зыбково «подговаривать более мужиков для защищения от разорения неприятелем селений». По дороге Четвертаков и его спутник встретили двух пеших вооруженных французов, «которых побили и оделись оба в их платье и аммуницию».

Крестьяне д. Зыбково приняли радушно Четвертакова и его спутника, но отнеслись недоверчиво и холодно к их проекту открытия партизанских действий. Нужен был решительный, наглядный и увлекающий пример, и судьба послала таковой: на другой день пребывания своего в д. Зыбково Четвертаков с своим спутником убили на глазах всей деревни заехавших в нее двух французских кавалеристов и взяли себе их оружие и лошадей со всем конным убором. Такой смелый и храбрый поступок сразу же рассеял недоверие зыбковских крестьян и на третий же день Четвертаков располагал «47 мужиками, которые были на собственных лошадях с пиками, а 4 были совсем вооруженные».

Это ядро будущего большого партизанского отряда дало Четвертакову полную возможность расширить район своих партизанских действий, и он с своею партией отправился в селение Красное, где нашел 12 французских «латников» (кирасир), на которых напал и «побил». Оружие и кирасирских лошадей крестьяне распределили между собою, и в партии Четвертакова явилось вооруженное конное отделение в числе 17 человек. Латами (кирасами) крестьяне не воспользовались для своего вооружения — «латы вешались на деревья и в них стреляли мужики для приучения себя к цельной стрельбе».

Так же удачно было и следующее нападение партии Четвертакова на французов: он захватил около селения Красного 15 французов с двумя провиантскими фурами и коляску с офицерскими вещами. «15 французов побили», одну фуру разломали, одну фуру потопили, коляску же взяли и все находившиеся в ней вещи разделили полюбовно между собою.

Совершив эти подвиги и убедив наглядно крестьян в возможности совершения таковых подвигов, Четвертаков возвратился с своей партией опять в д. Басманы, «где во все время была его, Четвертакова, штаб-квартира». Здесь Четвертакова ожидали и полный триумф победителя и исполнение его заветного желания — иметь под своею командою большой партизанский отряд. Бурмистр д. Басманы, убежденный окончательно действиями Четвертакова в возможности бороться с французами и защищать от них крестьянское добро, собрал 253 крестьян и отдал их под команду Четвертакова, у которого и составился таким образом партизанский отряд из 300 крестьян, частью пеших, частью конных.

Четвертаков распределил свой отряд так. Один пикет (караул) в составе 50 человек выставил при д. Басманах; второй пикет из 50 человек расположил в четырех верстах далее, при селении Семеновском, и третий пикет, тоже из 50 человек, разместил еще в восьми верстах далее, при селении

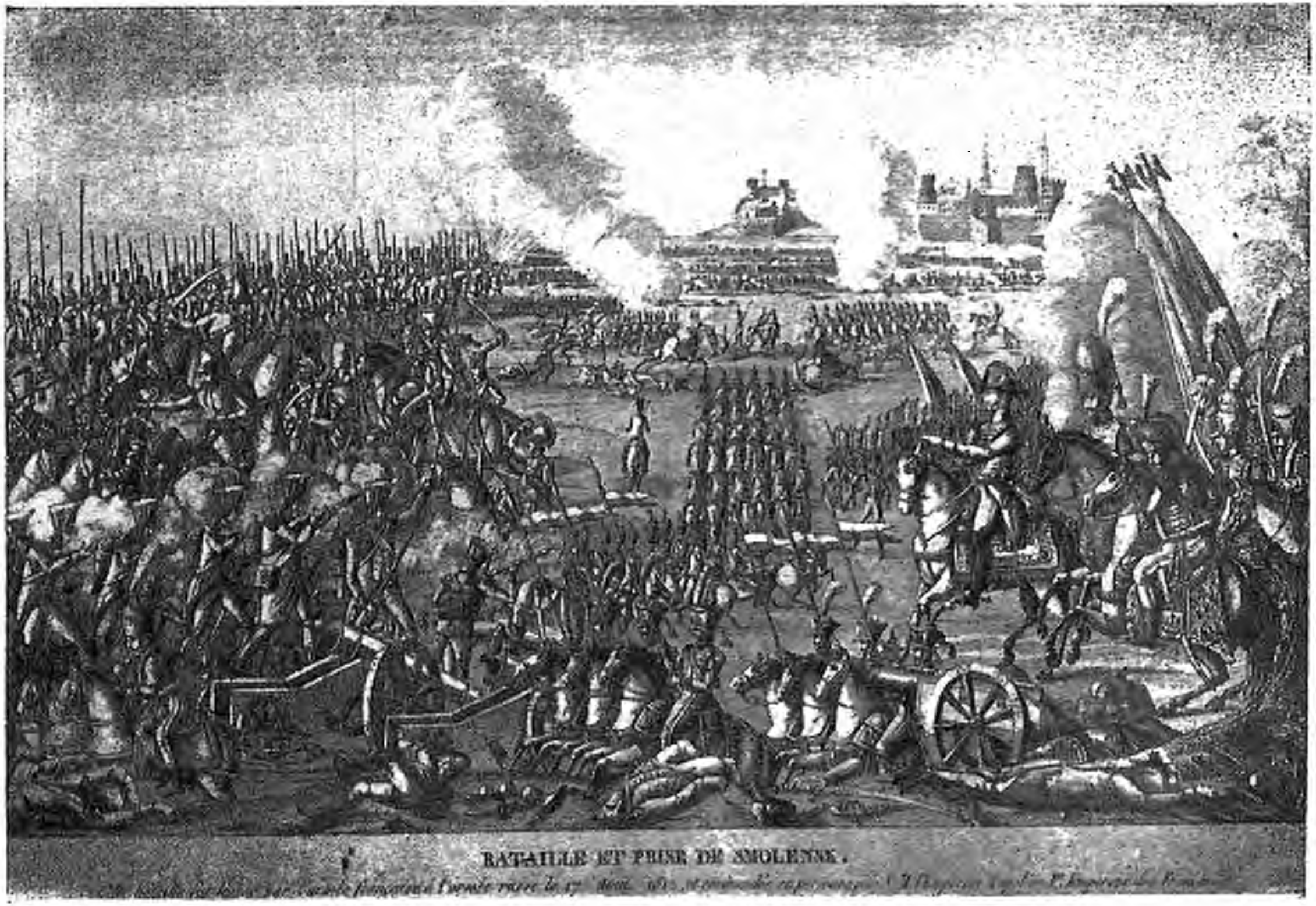
Мокром. Эти пикеты лишали мелкие французские партии возможности хозяйничать в этих и в окрестных деревнях.

... «Остальные 150 человек были посылаемы в партии к Колоцкому монастырю и к городу Гжатской Пристани, к с. Никольскому, к селению Михайловке, что к Медыни, которыми партиями взято и побито разными случаями французов: в селении Семеновке 50 пеших и в том же селении в доме у священника сожгли 60 человек, а аммуницию с них взяли и вооружились оною, и было уже 127 вооруженных; в д. Скугоревой, когда неприятеля подступил целый батальон с двумя орудиями для разграбления селения и дома помещика Воикина, тогда по приказанию бурмистров собралось с вотчин гр. Орлова-Денисова, кн. Долгорукова и Воикина 4 тыс. человек на своих лошадях, кои кинулись на оный батальон и прогнали к городу Гжатской Пристани и не допустили разграбить селение и дом помещика, причем отбили 10 фур с фуражом, 30 штук рогатого скота и 20 овец. По прогнании оного батальона мужики прочие были отпущены, а осталось только 300 человек, из коих для содержания постов 150 человек и для разъездов 150 человек...»

Нападения этих партизанских разъездов или партий на французские команды продолжались постоянно, были довольно часты и всегда оканчивались успехом для добровольцев-партизанов. Так эти партизаны напали при селении Антоновке на 19 французских кирасир, «коих и побили, а палашами и их ружьями вооружились мужики, а латы были вешаны на деревья и мужики, стреляя в оные, приучались к цельной стрельбе».

Дальнейшая боевая хроника партизанов Четвертакова следующая.

«... В селении Куйсовом собрались 400 человек французов, из них взято 70 человек, коих и побили. В селении Цветкове побили 50 человек. В селении Михайловке побили одного офицера с женою, 14 рядовых и захватили 5 повозок с фуражом и с шестью под ними лошадьми. Под городом Гжатскою Пристанью отбили две пушки и 1 патронный ящик с ружейными патронами, которые не могли следовать по усталости лошадей, побили трех часовых, пушки затопили в болоте, а патроны разделили мужики по себе. И напоследок, когда наша армия шла за французом, при селении Дричеве побили 50 человек... Все обыватели единодушно с чувствительною благодарностью называли рядового Ермолая Четвертакова спасителем своей стороны от неприятельского разорения, и он с мужиками ту страну защищая от неприятельского разорения до самого отступления от Москвы неприятеля и до прибытия авангарда ген. Милорадовича к тем местам...»



Сраженіе подъ Смоленскомъ.
С анонимной гравюры.

В октябре 1812 г. в Гжатский у. Смоленской губ. вступил бывший под начальством ген.-м. Паскевича передовой отряд авангарда ген. Милорадовича, и рядовой Ермолай Четвертаков, встретив этот отряд в 30 верстах от города Гжатска, при селении Теплом, «с 300 вооруженных мужиков», явился к ген. Паскевичу, рассказал ему все о своей деятельности «и испрашивал дальнейшего приказания». Чин унтер-офицера и знак отличия военного ордена (георгиевский крест) явились наградою рядового Ермолая Четвертакова.

Слухи о подвигах рядового Четвертакова и его «мужиков», о действиях партизанского отряда подполковника барона Дибича 1-го и, главное, о пребывании его в Смоленской губ. среди французских войск разносились далеко по деревням стоустною молвою и действовали самым благотворным образом на моральное состояние крестьян. Народная война начала распространяться и в соседнем с Смоленской губ. Мосальском у. Калужской губ., в котором стали появляться партии французских фуражиров и мародеров. В Мосальском у. первыми инициаторами и руководителями народной войны явились крестьяне помещика Нарышкина: сокольник Василий Половцов и бурмистр Федор Анофриев.

В начале сентября 1812 г., когда французы занимали Москву, а армия кн. Кутузова отступала к с. Тарутину, французские партии бродили в большом количестве по Московской и по Калужской губерниям для грабежа и частию для сбора продовольствия (для фуражировок) в деревнях. В Калужской губ. находилась тогда вотчина помещика подполковника Михаила Петровича Нарышкина, контора которой была расположена в с. Спасском Деменской вол. Мосальской округи (уезда) Калужской губ. Бурмистром этой вотчины (старшиною, или управляющим) был крестьянин Федор Анофриев, а общий надзор за вотчиною во время тогдашних смутных обстоятельств принял на себя находившийся в отпуску в с. Спасском «сокольник птичей его величества охоты оберегермейстерского ведения» Василий Половцов.

Половцов и Анофриев, «руководимые отличным усердием к отечеству», решились за свой страх и риск противодействовать партиям французских фуражиров и мародеров и стали вербовать в свою партизанскую партию волонтеров-крестьян. Таких крестьян, поощряемых и воодушевляемых Половцовым и Анофриевым, набралось 350 человек. Из них Половцов выбрал 50 отборных стрелков, вооружил их ружьями и посадил на лошадей, а из остальных 300 человек, вооруженных топорами, пиками и рогатинами, составил пехотный отряд.

Командиром и душою этого отряда явился умный и решительный Половцов. Конные стрелки-крестьяне служили разведчиками и высылались «в партии», а часть пеших волон-

теров-партизанов Половцов расположил кордонами в удобных пунктах по границам вотчины. Половцов так умело организовал разведочную службу и службу связи, что всегда знал своевременно о появлении французских партий и, постоянно имея свой отряд в готовности, поспевал во-время в угрожаемый пункт. Содержался этот отряд, с дозволения подполковника Нарышкина, на средства его вотчины.

Отряд Половцова всегда давал стойкий и мужественный отпор французским партиям при каждом их появлении. Между прочим, он разбил совершенно и «истребил» в д. Чебышах, на границе Калужской и Смоленской губерний, партию из 47 вооруженных французских мародеров. В этой стычке бурмистр Анофриев убил собственноручно 12 французов и был ранен. Половцов и Анофриев с такими энергиею и мужеством боролись с французскими партиями, что поселили в них не малый страх, и неприятель не осмеливался появляться часто не только в вотчине Нарышкина, но и в ближайших к ней деревнях, и вотчина была спасена от разорения ее неприятелем.

Впоследствии, для поддержки отряда Анофриева и Половцова, в с. Спасское прибыл 4-й пеший казачий полк Калужского ополчения, под командою полковника Павла Яковлева, «и по вступлении полковника Яковлева с полком в его штаб-квартиру, сего имения в с. Спасское, он, Половцов, показывал разные услуги и усердие в разведывании о неприятельском положении и готов был всегда с помощию того ж бурмистра Анофриева и с отборными из крестьян Нарышкина стрелками и с другими вооруженными людьми дать помощь на случившееся где-либо на здешние места неприятельское сильное нападение и притом Половцов имел большое попечение в доставлении всякого спокойствия и вспомоществования всем раненым и труднобольным полка, в лазарете того полка имевшимся». И Половцов и Анофриев были награждены солдатскими георгиевскими крестами...

«1812 год», №№ 13—14, стр. 472—475.

103

Действия партизанского отряда Г. Курина в описании участника.

... 1 октября, на покров пресвятые богородицы, рано поутру Герасим Матвеев Курин, собрав своих соседственных и подведомственных крестьян в многочисленное собрание, говорил им следующую речь: «Любезные друзья! Постараемся за отечество свое и за дом пресвятые богородицы. Неприятель

грозит наше селение[1] предать огню, а нас в плен побрать, с живых кожи снимать, за то, что мы ему неоднократно упорствовали сражением». Воины, зная его поступки, смелость и храбрость, что и прежде по его распоряжению везде сражались удачно, и тут сказали, что мы на все согласны. Вооружено было на конях 500 человек, пехоты 5300 человек. В 8 часов утра собрались воины в церковь за литургиею. По отшествии литургии пели молебен покрову пресвятые богородицы с акафистом, со слезами и, простясь друг с другом, и с помощию божиею приготовлены были все к сражению. Не робкий дух имели, что неприятель грозил предать смерти, ободряемы будучи своим начальником, Куриным, и поклялись перед алтарем, чтобы до последней капли крови не выдавать друг друга. Курин сказал своим воинам: «Любезные друзья! Теперь нас помощью пресвятые богородицы собралось большое число, то я заблагорассудил избрать еще двух начальников и разделить войско на 3 части. Сим случаем удачнее мы можем истребить злодея». Все единогласно выхваляли его доброе намерение, то Курин, зная расторопных людей — Егора Стулова, Ивана Чушкина, поручил первому конницу и немного пехоты; Ивану Чушкину препоручил пехоты тысячу человек, а остальною вознамерился сам командовать. Первая часть Егора Стулова, по выдумке Герасима Курина, расположена была в скрытом месте, в д. Маленках. Вторая часть Ивана Чушкина расположилась в скрытом месте у Юдинского вражка, в лесочке, Герасим Курин с оставшеюся у него командою остался в с. Вохне.

По его важной выдумке во всех частях приказание отдано было, чтобы без приказу моего сражения не начинать, и говорил он, Курин, всем своим воинам и товарищам: «Я пущу неприятеля в село и посмотрю, что он будет делать. Я теперь хочу сделать то, чтобы моя часть воинов была в селе и чтобы орудия были в скрытом месте. После сего дам вам знать, и вы мне вспомоществуйте». И, распростясь между собою, пошел каждый в свое место.

Во втором часу пополудни появился неприятель из-за лесу: идет себе тихим шагом в с. Вохну и ожидал противной встречи, но Герасим Курин не вознамерился сразиться на дороге, а давал свободный вход в с. Вохну, наблюдая свои выгоды. Неприятель остановился под д. Грибовом в скрытом месте и расположился послать в село 2 эскадрона, которые и пришли; один остановился, не дошедши до села, на месте, называемом Прогон, а другой прошел в с. Вохну, остановился на площади с обнаженными саблями, и спрашивали они через переводчика: голову, старосту или начальников оного села.

---

[1] С. Вохна Смоленской губ.

Герасим Курин отвечал, что нет никого, и спрашивал их: «Для чего вам наших начальников?» Переводчик отвечал: «Нам надобно для того, чтобы они доставили нам муки, круп, овса и прочего, что нам потребуется, и за оное будем платить, что вам будет угодно». Думал Курин, что у неприятеля только 2 эскадрона, и тотчас дал знать Стулову, чтобы он немедленно ускорил напасть на эскадрон, стоящий на месте, называемом Прогон, а сам сказал переводчику, чтобы они шли к одному крестьянину на двор для того, что там-де хранится мука, крупа и овес. Неприятели пошли на двор, а Курин приказал их там запереть. Тотчас воины, подхватя орудия, начали сильно воевать, и неприятель едва мог вырваться с малым количеством из села и присоединиться ко 2-му эскадрону, стоявшему за селом в Прогоне. Герасим Курин преследовал за ним до д. Прокуниной, а Егор Стулов успел зайтить неприятелю вперед и шел в глаза. Неприятель, тесним будучи с обеих сторон и видя свою гибель, едва мог спасти себя бегством, рассеявшись по полю, до д. Грибова, где скрывалось большое количество их армии. Курин и Стулов об этом известны не были. Усмотрев великое число французской армии, они обратились назад. Неприятель преследовал их до с. Вохны с многочисленным войском, и, видя по улицам валяющиеся французские тела, разъярен будучи, он атаковал оное село и пресек Курину и Стулову трахт. Курин и Стулов, видя пересеченным себе трахт, с неробким духом очистили себе оный и, разбив неприятеля на две части, побежали к Юдинскому вражку, где скрывался Иван Чушкин с своим войском. Перебравшись через вражек, остановились и, подкрепя своих воинов, начали сражаться.

Вдруг, с правого крыла, Иван Чушкин своим войском нашел на неприятеля. Неприятель, нечаянным нашествием Чушкина приведен будучи в беспорядок, обратился в бегство и гнан 8 верст и спасен был темнотою ночи от совершенного разбития, скрывшись в лесах. В добычу досталось 20 повозок, 40 лошадей, 85 ружей, 120 пистолетов, 400 сум, наполненных порохом, патронташей, которые неприятель бросил во время бегства, и несколько сабель...

Военный сборник, 1863, № 8, стр. 450—452.

104

Из статьи А. И. Михайловского-Данилевского «Два отрывка о войне 1812 года» о народной войне.

...С того времени, когда последовало воззвание из Полоцка от 6 июля о всеобщем ополчении, распространилось между всеми состояниями империи желание вооружаться про-

тиву врагов. Крестьяне содействовали к истреблению их со дня вступления их в древние пределы России; они знакомились с войною и с огнестрельным оружием по мере того, как армии переходили в Смоленскую, а из оной в Московскую и Калужскую губернии, особенно же в продолжение пребывания нашего в Тарутинском лагере. Они приходили к генералам и просили у них ружей; в избах, где жил кн. Михаил Ларионович, бывали часто мальчики десяти и двенадцати лет, которые, называя его дедом своим, убеждали снабдить их пистолетами. Крестьяне скрывалися в лесах и нападали на неприятельских мародеров, на парки их и на конвои. Многие деревни заключали союзы, соединя силы свои для общей защиты, клялись пред евангелием и полагали наказание тому, кто окажется трусом или выдаст друг друга. Они ставили на колокольнях и на возвышенных местах часовых, которые, завидя неприятеля, ударяли в набат. В ночное время они зажигали солому вместо сигнала; запрещено было удаляться из селений поодиночке. Старейшие делали иногда ложную тревогу, чтобы удостовериться в исправности, с коей служба отправлялася. Смелость их возрастала с каждым днем, потому что по мере продолжения войны неприятели слабели и более их боялися, а они, с своей стороны, приучалися к разным военным хитростям, которые тем легче удавались, что им известны были все подробности местоположений, где они действовали... Некоторые из жен их не скрывалися в лесах, а ходили с мужьями своими в сражения; другие препровождали пленных, взятых партизанами. Крестьяне почти всегда были победителями, потому что они вступали в бой не иначе, как когда по всем предположениям успех долженствовал быть на их стороне.[1] Они действовали вокруг Москвы по всем направлениям и составляли первую цепь осаждающих около сей столицы...

Вестник Европы, 1817, № 21, стр. 139—140.

103

Из анонимной записки «Подвиги русских солдат» о деятельности партизанского отряда Самуся.

...Федор Потапов, по прозванию Самусь, гусар Елисаветградского полку. Получа тяжелую рану в одном из арриергардных дел на московской дороге, искал убежища в окрест-

---

[1] Подробности о крестьянской войне взяты с допросов, деланных мною крестьянам в присутствии кн. Михаила Ларионовича [Кутузова] и по его приказанию в Леташевке.

ных селениях. Крестьяне приняли и укрыли его в лесах. Чрез несколько времени, чувствуя небольшое облегчение от ран и жалея, как он сам говорил, о ранах своего отечества и бедственной участи поселян, а более всего кипя негодованием на злочестивых врагов за оскорбление святыни, он сообщает чувства и намерения свои усердным крестьянам. Многие пристают к нему. День ото дня число товарищей умножается, и, наконец, все они вместе, ополчась чем можно было, единодушно общим голосом избирают в начальники над собою храброго Самуся. Сия верная дружина дает присягу биться до смерти за веру, государя и землю русскую и быть во всем послушною избранному начальнику. Таким образом составился отряд, который, несмотря на то, что ходил почти всякий день на сшибки с неприятелем, повседневно увеличивался и, наконец, простирался уже до трех и более тысяч. Сии храбрые крестьяне более всего дорожили всякого рода оружием, которое старались доставать от убитых ими неприятелей. В скором времени более 200 человек оделись в латы французских кирасир. Они достали даже пушку. По справкам оказалось, что ополчение сие истребило более 3 тыс. французов.

Благоразумный Самусь ввел удивительный во всех подчиненных ему деревнях порядок. У него все исполнялось по знакам, которые подавались посредством колокольного звона и других условных примет. Часто с приближением неприятеля в превосходных силах по первому знаку все деревни становились пусты; другой знак вызывал опять поселян из лесов в дома. Различные маяки и звон в колокола разной величины возвещали, когда и в каком количестве, на лошадях или пешими итти на бой. Сими средствами, причиня величайший вред неприятелю, всегда неустрашимый и всегда бескорыстный, Самусь сохранил почти все имущество храбрых своих крестьян, которые любили его, как отца, и боялись, как самого строгого начальника. Генералы Милорадович и Ермолов, проходя с авангардом чрез селения, которых крестьяне подчинили себя храброму Потапову, отдали полную ему справедливость. Тогда же произведен он был в унтер-офицеры, и в то же время о дальнейшем награждении его сделано представление высшему начальству.

Бумаги Щукина, ч. III, стр. 43—44.

106

1812 г. декабря 1. — Из письма Г. Фабера неизвестному из Петербурга о борьбе народа с армией Наполеона.

...Сколько совершилось событий с тех пор, как вы покинули эту столицу! Москва — что за имя в истории! Народ

спас империю. То была решительная кампания, и каковы бы ни были войны будущие, независимость России обеспечена навсегда. Вся тайна в том, что народ хочет быть независимым. Он научился сознавать свою силу и пользоваться ею.

Русский народ под оружием, он поднялся как один человек, и для этого не требовалось ни прокламаций, ни манифестов. Правительство говорило о том, чтобы положить предел вызванному движению; но письменными приказами нельзя сдержать подобных порывов, подобно тому, как нельзя возбудить их такими приказами. Армии пополнялись ратниками и побеждали. В несколько недель образовались новые баталионы вполне обученными; некоторые на моих глазах были устроены в несколько дней. Совершенно исключительное зрелище представлял этот народ в походе, эти грозные бороды и нечесаные головы, этот народ, прямо подставляющий неприятелю свои открытые груди. Эти воины проходили всюду с песнями; иногда (это я сам видел) за ними шли их жены и, чтобы помочь мужьям, несли от времени до времени их оружие и их вещи. Из каждого города, из каждого местечка выходило по взводу. Они не собирались ни в полки, ни в баталионы, ни в роты: то была дружина, т. е. общество друзей, давших друг другу клятву (таков прекрасный смысл этого чисто русского слова). За ними несли в этой святой войне иконы и местночтимые святыни. На знаменах петербургской дружины был крест, и единственным отличием каждого ее солдата был этот знак, коим они хотели побеждать. Случалось, что с этими народными полками шли духовные лица. Везде они были первые в огне, и везде они отличались. Их дух везде был достоин удивления; все генералы хвалили их. У меня есть друг, занимающий довольно высокое положение при славном гр. Витгенштейне; он пишет с поля сражения при Полоцке: «Посреди убийств и потоков крови, проливаемых человеком, я узнал ту силу, которая управляет его бессмертною природой; вера — вот что дает нашим ополченцам силу презирать смерть; их неколебимое бесстрашие всецело — духовное». В одном из дел этой самой армии генерал хотел перевести ополченцев на другое место; им показалось, что их заставляют отступать, и они обратились к вождю с наивным возражением, что, давши государю клятву итти вперед, они не могут подвигаться назад. Таково теперь всеобщее настроение. Крестьяне и простолюдины в городах, не участвующие в походах, жалуются, что им не пришлось разделять опасности и славу с лицами, им совершенно равными. Что же наш государь не приказывает нам выступать? Когда же выступим мы? Эти слова слышны повсюду.

Не менее чем та часть восставшего народа, которая примкнула к армиям, в деле общей защиты полезна и другая его

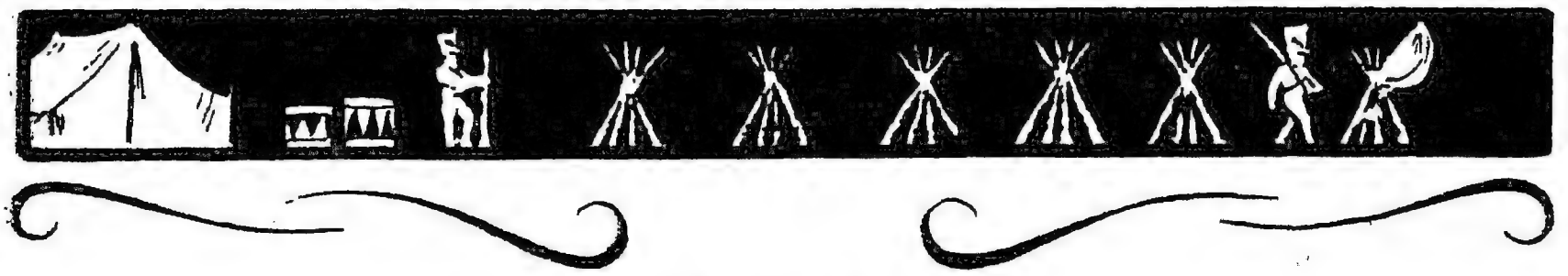
часть, остававшаяся в деревнях. Она ведет с французами более истребительную и, может быть, более устрашающую их войну, чем все те, которые стоят в рядах. Всюду, куда направляются французы, из-под земли вырастают вооруженные люди. Не знаю, равняется ли война, которую вели испанцы, с войною, которую ведут русские. Как только французы приближаются к деревне, из нее уносится вся находящаяся в ней движимая собственность. Женщин, детей и стариков отсылают подальше, остаются лишь люди способные обороняться... Решено, что неприятель должен вернуться на родину только сквозь развалины и пепел. Дома и все, что нельзя унести, предаются огню. Устроена общая охота в кустарниках, за плетнями, в лесах, в оврагах: за каждым деревом спрятан охотник. Нет пристанища появляющемуся французу, на свой ли страх добывает он пропитание, или отправляется за фуражом вместе с целым отрядом, и лишь немногие возвращаются из этих поисков. Для взятого в плен живым нет пощады: он будет убит; он, быть может, будет сожжен. Ненависть русских жестока. В некоторых деревнях в несколько недель были насыпаны могилы над сотней или двумя сотнями трупов, свидетельствующие о том, что французы здесь были. Их армия встречала везде только пустыню и пепел и оставляла за собой могилы. Она должна была отступать...

Русские помещики, имея под рукой гораздо более данных о душевных и умственных качествах своего народа, решительно не знали его. Они готовились к мятежу своих крестьян. Ослепленные удачами Наполеона, пораженные выгодами, которые представлялись народу, они ждали от него слишком мало; они слишком мало ждали от своего народа, не измерив всей глубины его добродушия. Немногие русские из высших кругов отдают справедливость русскому народу; их обычное воспитание и та жизнь, которую они ведут, лишают их возможности наблюдать его и судить о нем. Ныне они прежде всех других укоряют себя в том, что не знали его, и с чувством пересказывают о прекрасных чертах привязанности, проявленных им.

Дитя природы, этот народ столь же сильно ненавидит, как и любит. Его озлобление против французов не имеет предела, как не знает препятствий и его мужество при выражении этого чувства. Одного крестьянина принуждают служить во французской армии и на левой руке делают ему особый знак порохом. Он не может видеть сей руки, не дрожа от ужаса. Правой рукой он хватается за топор и одним взмахом отрубает меченую руку. 20 окрестных мужиков, взятых с оружием в руках, приговорены в Москве к расстрелянию. Настал час казни. На большой площади сделаны все приготовления; поставлен взвод солдат. Чтобы привлечь к себе умы,

Наполеон приготовил одну из тех театральных сцен, которая должна прославить его милосердие. Его приверженцы подговаривают осужденных просить пощады: они будут помилованы. Первый осужденный, выслушав этот совет, не колеблется: он подымает взор к небу, кладет крестное знамение и устремляется вперед. Никто не просит предложенной пощады, каждый из них крестится и умирает. Любовь к отечеству обнаруживается в самых разнообразных чертах, но только в России она геройская...

Р. А., 1902, № 1, стр. 31—33, 36—37.



XVIII

РУССКАЯ АРМИЯ ОТ ОСТАВЛЕНИЯ МОСКВЫ ДО СРАЖЕНИЯ ПРИ ТАРУТИНЕ

107

1812 г. сентября 4. — Донесение М. И. Кутузова Александру I из с. Жилина о причинах отхода армии за Москву.

После столь кровопролитного, хотя и победоносного с нашей стороны, от 26 августа, сражения должен я был оставить позицию при Бородине по причинам, о которых имел счастие доносить вашему и. в. После сражения того армия была весьма ослаблена; в таком положении приближались мы к Москве, имея ежедневно большие дела с авангардом неприятельским, и на сем недальном расстоянии не представлялось позиции, на которой мог бы я с надежностию принять неприятеля. Войска, с которыми надеялись мы соединиться, не могли еще притти; неприятель же пустил две новые колонны, одну по Боровской, а другую по Звенигородской дорогам, стараясь действовать на тыл мой от Москвы; а потому не мог я никак отважиться на баталию, которой невыгоды имели б последствием не только разрушение армии, но и кровопролитнейшую гибель и превращение в пепел самой Москвы. В таком крайне сомнительном положении, по совету с первенствующими нашими генералами, из которых некоторые были противного мнения, должен был я решиться попустить неприятеля взойти в Москву, из коей все сокровище, Арсенал и все почти имущества как казенные, так и частные вывезены и ни один почти житель в ней не остался. Осмеливаюсь всеподданнейше донести вам, всемилостивейший государь, что вступление не-

приятеля в Москву не есть еще покорение России. Напротив того, с армиею делаю я движение на Тульской дороге; сие приведет меня в состояние прикрыть пособия, в обильнейших наших губерниях заготовленные; всякое другое направление пресекло бы мне оные, равно и связь с армиями Тормасова и Чичагова. Хотя не отвергаю того, чтобы занятие столицы не было раною чувствительнейшею, но, не колеблясь между сим происшествием и теми событиями, могущими последовать в пользу нашу с сохранением армии, я принимаю теперь во операции со всеми силами линию, посредством которой, начиная с дорог Тульской и Калужской, партиями моими буду пресекать всю линию неприятельскую, растянутую от Смоленска до Москвы, и тем самым отвращать всякое пособие, которое бы неприятельская армия с тыла своего иметь могла, и, обратив на себя внимание неприятеля, надеюсь принудить его оставить Москву и переменить свою операционную линию. Ген. Винценгероде предписано от меня держаться самому на Тверской дороге, между тем по Ярославской — казачий полк для охранения жителей от набегов неприятельских партий. Теперь в недальнем расстоянии от Москвы, собрав мои войска, твердою ногою могу ожидать неприятеля, и пока армия вашего и. в. цела и движима известною храбростию и нашим усердием, дотоле еще возвратная потеря Москвы не есть потеря отечества. Впрочем ваше и. в. всемилостивейше соизволите согласиться, что последствия сии нераздельно связаны с потерею Смоленска.

Бумаги Щукина, ч. I, стр. 95—96.

108

1812 г. сентября 11. — Из донесения М. И. Кутузова Александру I из с. Красной Пахры о фланговом марше.

...Армия, находясь ныне на старой Калужской дороге и положением своим прикрывая Тулу, Калугу, Орел, удачно совершила то движение, которое всеподданнейше излагал в донесении моем от 6-го числа. Армия, делая фланговое движение на сию, при переправе чрез Москву-реку, для скрытности сего направления вводила неприятеля во всяком своем марше в недоумение, направляясь сама к известному пункту, маскировалась между тем фальшивыми движениями легких войск, делая демонстрации то к Коломне, то к Серпухову, за коими и неприятель большими партиями следовал. Арриергард, перешед реку Пахру, следовал и находится параллельно от армии к Москве в десяти верстах и с самого поворота от Коломенской дороги не был тревожим неприятелем. Наприятель, потеряв из виду нашу армию, оставаясь в недоумении, посы-

лает сильные отряды на разные пункты для открытия нас. 7-го числа ген.-м. Иловайский 2-й с частию казаков и Мариупольскими гусарами, узнав его у селения Знаменска, атаковал 4 его конные полка, взяв в плен за 200 человек, с полковником, 16 офицерами и 40 унтер-офицерами, много положил их на месте и разбил совершенно. Разъезды наши также приводят много пленных, так что вчерашний и сегодняшний день по 500.

Ныне, став на сей дороге и приближаясь к тылу неприятельскому к Можайской дороге, послал я с ген.-м. Дороховым сильный отряд действовать на оной, от которого имею сегодня рапорт, что он уже успел взять 6 офицеров и 200 рядовых. Между тем Ахтырского гусарского полка подполковник Давыдов с 150 человеками легкой кавалерии уже давно живет между Гжатска и Можайска и удачно действует для неприятельских коммуникаций. Главная забота, которою теперь занимаемся, есть укомплектование войск. Сегодня ожидается из Калуги ген.-м. Ушаков и с ним пехоты формирования Милорадовича до 6 тыс. человек, 2 Рязанские полка формирования кн. Лобанова, которые, говорят, довольно хороши. С Ушаковым и за 1000 человек для кавалерии. Сверх того, Рязанское ополчение дает мне 800 лошадей, Тульское 500 и 12 эскадронов порядочной казачьей конницы формирования кн. Щербатова.

Я при сем случае всеподданнейшим долгом считаю свидетельствовать перед вашим и. в. об успехе, с коим большая часть Тульского ополчения сформирована; оное видел посылаемый от меня вашего величества ген.-адъютант Уваров. Сии прибывающие лошади и конница весьма мне во-время, ибо многие части кавалерии от беспрестанных действий весьма ослабели так, что из 4 эксадронов едва составиться могут 2, как то 2-й и 3-й кавалерийские корпуса. Теперь же, достигнув предполагаемой точки операции армии для действия в тылу неприятеля, кавалерия весьма нужна. Войска Донского атаман Платов уверяет меня, что много у него казаков в скором времени прибыть должны к армии, из коих оных голову полагает уже в Воронеже... Ген.-адъютант гр. Винценгероде стоит на Тверской дороге, имея отряд и по Ярославской, и вместе с действиями армии на Можайскую дорогу будет и он на оную действовать. Ген. Дорохов рапортует сейчас, что он открыл по дороге от Можайска к Москве корпус, состоящий из пехоты, конницы и артиллерии ген. Ламюза. Прочее ваше величество усмотреть изволите из подносимых в подлиннике рапортов Дорохова, касательно дороги Можайской сейчас полученных. Село Красные Пахры.

Журналы Комитета министров, стр. 709—710.

1812 г. сентября 17. — Рапорт начальника Калужского ополчения В. Ф. Шепелева М. И. Кутузову из Калуги (?) о действиях ополчения.

... Доношу вашей светлости, что Калужское пешее ополчение сформировкою и устройством своим готово, делает с успехом не только отражения, но и самые поиски над большими партиями. Г. полковник Яковлев, сведав о партиях неприятельских мародеров, к нему сближившихся от стороны Ельны, откомандировал из сборного своего места 2 отряда с майорами Даниловым и Ергольским, которые преследовали конных и пеших грабителей тех четверо суток. Потом в Мосальском у., при с. Городищах, успели окружить; держали атакованными почти целый день, усовещевая к сдаче, но, видя упорными, в 7 часов вечера, презря их перестрелку, со словом «Ура!», бросились на неприятелей. 30 человек пеших и конных убили, 11 в пруде утопили, да в плен взяли 41 человек. Из наших убит 1, раненых 5 воинов. Как в сем случае, так и прежде, несколько раз рекомендуются того полка отлично г. майор и кавалер Ергольский и майор Данилов, равно весьма частыми рапортами доставляет мне приятные известия донского полка г. полковник Быхалов, о коем я уже вашей светлости представлял и который вчерашнего числа еще убил 70 и в плен взял 37 человек, представил ко мне с разными вещами и церковными утварьми французских грабителей, как, подобно тому, и тептерского полка майор Темирев из Южнова от 9-го числа уведомляет, что убито им 87 человек и в плен взято 98. Словом, благоразумным распорядком и личною храбростью гг. четырех штаб-офицеров вышепоименованных истреблено и в плен взято значительное число злодеев. Сверх того, полковник Яковлев отдает справедливость в храбрости 4-го полка ополчений подпоручику Торопову, унтер-офицеру Антонову и всем вообще воинам и вместе с тем доносит, что Мосальского у. исправник Суходольский не только что усиливал отряды воинов вооруженными крестьянами, но лично собою во многих случаях бросался на неприятелей и везде ободрял и поощрял людей на поражение злодеев. Толико достохвальные содействия гг. штаб- и обер-офицеров дают мне смелость просить вашей светлости о награждении знаками отличия, коим у сего именной прилагаю список.

В заключение донесу, что из ополчения 10 баталионов расположены мною по границе Калужской губ., 11 в Калуге, обще с регулярными командами, коих числом до 2 тыс. человек как кавалерии, так и пехоты здесь находится. Таковой силы, по мнению моему, достаточно было бы на защиту и сопротивление вдвое сильнейшему непрятелю при нападении. Но еже-

часно приводимые со всех, начальству моему подчиненных, сторон сюда пленные ощутительно обессиливают меня конвоями, коих я, по тесноте здешней, партиями препровождаю в Воронеж. Ведая надобность главной армии в полках, я не имею смелости просить от вашей светлости в прибавок себе одного казачьего полка, оставляю сие в воле вашей...

Апухтин, стр. 71—72.

110

1812 г. сентября 20. — Из письма М. И. Кутузова П. Х. Витгенштейну из с. Богородицкого о фланговом марше.

После оставления Москвы армия взяла направление свое по Владимирской и Рязанской дорогам, дабы сим движением прикрыть оставивших город жителей. Отошед 25 верст, перешла она фланговыми маршами на старую Калужскую дорогу, чем, переменив направление, прикрыла совершенно свою операционную линию, ведущую от Москвы на Калугу. В 30 верстах от Москвы находилась армия 10 дней. Неприятель ничего не предпринимал важного против нас. Напротив того, наши партии беспрестанно его беспокоят и в течение сего времени взяли они в плен более 5 тыс. человек.

Поелику ныне осеннее время наступает, через что движения большою армиею делаются совершенно затруднительными, наиболее с многочисленною артиллериею, при ней находящеюся, то и решился я, избегая генерального боя, вести малую войну, ибо раздельные силы неприятеля и оплошность его подают мне более способов истреблять его, и для того, находясь ныне в 50 верстах от Москвы с главными силами, отделяю от себя немаловажные части в направлении к Можайску, Вязьме и Смоленску. Кроме сего, вооружены ополчения Калужское, Рязанское, Владимирское и Ярославское, имеющие свои направления к поражению неприятеля.

После славного сражения при Бородине неприятель столько потерпел, что и доселе исправиться не может и потому ничего противу нас не предпринимает. Корпус ген. Милорадовича находится впереди армии и имеет перед собою неаполитанского короля с большею частью кавалерии французской и тремя дивизиями пехоты...

Материалы, т. XVIII, стр. 95—96.

111

Из воспоминаний П. Н. Свистунова о настроении среди офицеров в Тарутинском лагере.

... В 1812 г. в Семеновском полку, стоявшем на биваках под Тарутиным, в то время как маршал Лористон неодно-

кратно навещал в Леташовке кн. Кутузова, для переговоров о мире, оказавшихся впоследствии удачною хитростью русского главнокомандующего, мысль о готовившемся будто бы унизительном для России мире до того взволновала молодых офицеров, что они дали себе слово не прекращать борьбы с врагом, образовать партизанские отряды и, с помощью крестьян, преследовать неприятеля, пока он не покинет русской земли. Патриотический восторг был таков, что полковник Александр Александрович Писарев, командир 3-го баталиона, пользовавшийся общим уважением в полку, увлекся наравне с молодыми офицерами благородною, хотя и несбыточною, мечтою и подал им руку в знак сочувствия...

Р. А., 1871, стлб. 337—338.

112

Из записок Н. Н. Муравьева о Тарутинском лагере.

... Пока неприятель таким образом изнемогал, наша армия поправлялась. Продовольствие у нас было хорошее. Розданы были людям полушубки, пожертвованные для нижних чинов из разных внутренних губерний, так что мы не опасались зимней кампании. Конница наша была исправна. Каждый день приходило из Калуги для пополнения убыли в полках по 500, по 1000 и даже по 2 тыс. человек, большей частью рекрут. Войска наши отдохнули и несколько укомплектовались, так что при выступлении из Тарутинского лагеря у нас было под ружьем 90 тыс. регулярного войска. Числительностью, однако же, мы были еще гораздо слабее французов, и нам нельзя было рисковать генеральным сражением, но можно было надеяться на успехи зимней кампании, в холода и морозы, которых неприятель не мог выдержать.

Тарутинский лагерь наш похож был на обширное местечко. Шалаши выстроены были хорошие, и многие из них обратились в землянки. У иных офицеров стояли даже избы в лагере, но от сего пострадало с. Тарутино, которое все почти разобрали на постройки и топливо. На реке завелись бани, по лагерю ходили сбитеньщики, приехавшие из Калуги, а на большой дороге был базар, где постоянно собиралось до тысячи человек нижних чинов, которые продавали сапоги и разные вещи своего изделия. Лагерь был очень оживлен. По вечерам во всех концах слышна была музыка и песенники, которые умолкали только с пробитием зари. Ночью обширный стан наш освещался множеством бивуачных огней, как бы звезд, отражающихся в пространном озере...

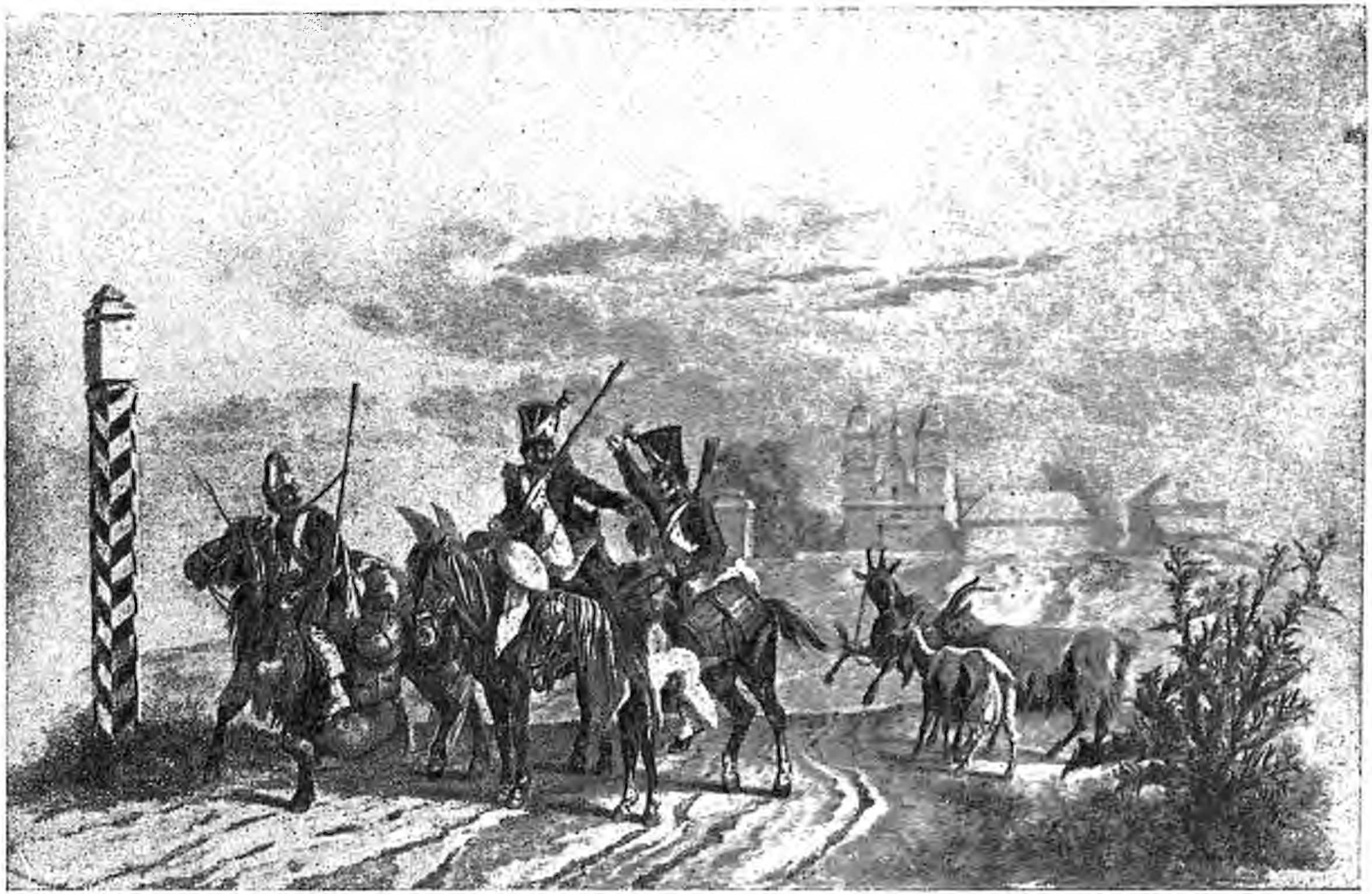
Р. А., 1885, № 3, стр. 364.

1812 г. октября 6. — Из «Краткого журнала военных действий» о сражении при Тарутине.

Октября 6. Армия, вышед из позиции своей при с. Тарутине, атаковала правым флангом, бывшим под начальством ген.-от кав. барона Бенигсена, корпус армии неприятельской в 50 тысячах, состоявший под командою короля Неаполитанского и расположенный при реке Чернишне, следующим образом: еще до света войска 2-го, 3-го и 4-го пехотных корпусов, 10 казачьих полков, с подкреплением четырех — легкой кавалерии, в совершенном порядке и тишине достигали в назначенные им пункты, между тем как остальная часть армии последовала их движению вперед по большой дороге. На рассвете с таковым же порядком, прошед лес, отделявший нас от неприятеля, устремились на него казаки под командою ген.-м. гр. Орлова-Денисова, бывшие даже в тылу левого неприятельского крыла, и вышесказанные пехотные корпуса ударили столь быстро на беспечного неприятеля, что он, долго не державшись, предпринял ретираду, которая скоро потом сделалась бегством. Легкие наши войска с артиллериею, подкрепляемые конницею и пехотою, преследовали отступающего в большом беспорядке неприятеля за с. Вороново. Потеря его в сей день состоит за $1^1/_2$ тыс. пленными, в том числе ген. Дери, до 2500 человек на месте оставленными, одного почетного штандарта 1-го Кирасирского полка, 38 орудий, 40 зарядных ящиков, всего обоза, между коими находился и обоз Неаполитанского короля. Наша же потеря не превышает 300 человек убитыми и ранеными, но чувствительна смерть храброго и достойного ген.-л. Багговута, убитого ядром с начала действия, когда он обходил неприятельский левый фланг.

Засим, армия вошла в прежнюю позицию при Тарутине. Авангард остался при Чернишне, главные казачьи посты находятся в Львове, Богоявленском, Троицком, а средоточие их в с. Спас-Купля, передовые же пикеты расположены пред Вороновым.

Материалы, т. XV, стр. 41.



Мародеры.
С литографии Баумейстера по рисунку Фабер дю Фора.

XIX

ПОПЫТКИ НАПОЛЕОНА ВСТУПИТЬ В МИРНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ

114

1812 г. ноября... — Из письма И. В. Тутолмина Н. И. Баранову из Москвы о свидании с Наполеоном.

Милостивый государь Николай Иванович!

... 5-го числа в 2 часа Наполеон поехал по городу смотреть свои злодеяния, по набережной доехал до Воспитательного дома, спросил: «Что это за здание?» — Ему сказали: «Воспитательный дом». — «Почему он не горел?» — «Его избавил оного начальник своими подчиненными». Тут же на месте послал ко мне ген.-интенданта всей армии гр. Дюмаса (я прежде с ним виделся); прискакал в дом, спросил: «Где ваш генерал?» Я был в бессменной страже. Подошед к нему: «Что вам угодно?» — «Я прислан к вам от императора и короля, который вашего превосходительства приказал благодарить за труд и за спасение вашего Дома, притом е. и. величеству угодно с вами лично познакомиться». Я, поблагодаря, принял равнодушно, но тем очень был обрадован, что весь Дом оным окуражился.

6-го числа в 12 часов приехал ко мне от императора статс-секретарь Делорн; я встречаю его; он мне говорит, что прислан от государя просить, чтоб я был к нему. Присланного я знал в Москве назад 5 лет, который у Александра Дмитриевича Хрущова ежедневно бывал; поцеловались, посадя его, стали говорить, как знакомые. Я обрадовался, что он по-русски говорит как русский, расспрашивал про все семейство Хрущова, наконец, взял меня за руку, сказал тихо: «Поедем, чем скорее, тем ему приятнее». Сели на дрожки, а его верховую — за нами. Приехали в Кремль; он, введя меня в гостиную, подле большой тронной. Тут много армейских и штатских, все заняты. Не более десяти минут отворил Делорн двери. «Пожа-

луйте к императору». Я, войдя, Делорн показал (sic!): «Вот государь». Он стоит промеж колонн у камина. Я большими шагами, не доходя, в десяти шагах сделал ему низкий поклон; он с места подошел ко мне и стал от меня в одном шагу. Я зачал его благодарить за милость караула и за спасение Дома. Он мне отвечал: «Намерение мое было сделать для всего города то, что я теперь только могу сделать для одного вашего заведения. Скажите мне, кто причиною зажигательства Москвы?» На сие я сказал: «Государь, может быть, начально зажигали русские, а впоследствии французские войска». На то сердито отозвался: «Неправда, я ежечасно получаю рапорты — зажигатели русские, но и пойманы, на самом деле доказывают достаточно, откуда происходят варварские повеления чинить таковые ужасы; я бы желал поступить с вашим городом так, как поступал с Веною и Берлином, которые и поныне не разрушены; но россияне, оставивши сей город почти пустым, сделали беспримерное дело: они сами хотели предать пламени свою столицу и, чтоб причинить мне временное зло, разрушили созидание многих веков; я могу оставить сей город, и весь вред, самим себе причиненный, останется невозвратным; внушите о том императору Александру, которому, без сомнения, неизвестны таковые злодеяния; я никогда подобным образом не воевал; воины мои умеют сражаться, но не жгут. От самого Смоленска до Москвы я более ничего не находил, как один пепел». Потом спросил меня, известно ли мне, что в день вшествия французского войска в столицу выпущены были из темниц колодники, и правда ли, что полиция с собою увезла пожарные трубы. На сие я сказал, что я слышал. Отвечал мне на сие, что дело сие не подлежит никакому сомнению.

Я с ним обо всем полчаса говорил. Он стоял на одном месте, как вкопанный. Фигура его пряма, невелик, бел, полон, нос с маленьким горбом, глаза сверкают, похож больше на немецкое лицо, широко плечист, бедры и икры полные. Отпустя меня, подтвердил еще, чтоб я о сем писал к своему императору Александру и послал бы рапорт чрез одного из своих чиновников, которого он велит препроводить до своих форпостов, что я и исполнил — отправил 7 сентября, но ответа не имел; а как неприятель оставил Москву, то от государыни и Рухин мой возвратился ко мне...

Бумаги Щукина, ч. V, стр. 148—150.

113

Рассказ И. А. Яковлева о беседе с ним Наполеона в Москве по поводу предложения мира Александру I.

2 сентября 1812 г., садясь в карету, чтобы ехать из Москвы, я был настигнут французским отрядом, который отнял

у меня моих лошадей и мои экипажи, со всем тем, что в оных находилось. По этой причине я остался в Москве с моим семейством, моею прислугою, с прислугою моих родственников и с сотнею крестьян, их женами, детьми, скотом и со всем их имуществом. Все эти люди, в том числе и я, лишились даже обуви и не знали, чем питаться, и так как дома наши один за другим погорели, то мы должны были день и ночь скитаться по улицам, не находя убежища. Случайно я встретился с полковником Мейнадье, начальником главного штаба, и спросил его, каким образом выбраться мне со всеми моими за французские аванпосты. Он сказал мне, чтобы я обратился к маршалу Мортье, который был тогда губернатором Москвы и к которому Мейнадье немедленно провел меня. Маршал сказал, что он никак не может дать мне отпуск без соизволения Наполеона, которому он действительно и говорил о том, вследствие чего Наполеон приказал провести меня к себе (это было 9 сентября).

За мною пришел тогдашний секретарь его Делорнь-Дидвиль и провел меня в Кремлевский дворец, в тронную залу. Наполеон, повидимому, ожидал меня. Он дал знак Делорню, чтобы тот не уходил, а сам немедленно обратился ко мне. После обыкновенного приступа к разговору, он начал жаловаться на московские пожары, говоря: «Конечно, не от нас горит город, ибо я занимал почти все европейские столицы и не сжег ни одной. В жизнь мою я сжег только город в Италии и то потому, что жители защищались в улицах. Как? И вы сами хотите уничтожить Москву, Москву святую, в которой покоятся все предки ваших государей!» Я отвечал ему по правде, что мне не известны виновники этого бедствия, но что мне довелось испытать его в значительной степени, так как все мое состояние заключается лишь в том, в чем он меня видит (действительно, в это время я всего лишился, и одежда моя была в лохмотьях). Он продолжал: «А кто у вас в Москве губернатором?» Делорнь назвал ему гр. Ростопчина. «Что это за человек?» Я отвечал, что это человек очень известный по уму своему. «По уму, может быть (возразил он), но он сумасшедший», и затем продолжал: «Я имел понятие об этой стране; но, судя по тому, что я видел от границы до Москвы, это страна великолепная: всюду возделанные поля, всюду поселения, но из них одни опустели, другие обращены в пепел. И однако вы сами губите эту прекрасную страну. И зачем вы так поступили? Это не мешало мне итти вперед. Мне понятно, что вы то же самое делали в Польше. О! Поляки вполне это заслужили, потому что они являлись к нам навстречу и кинулись в наши объятия. Наконец, надо же положить конец кровопролитию, надо нам итти к соглашению. Война эта вполне не политическая. Мне нечего делать в России. Я ничего от нее

не требую, лишь бы соблюдался Тильзитский трактат. Я хочу уйти из нее, потому что все мои дела с Англиею. Ах! Если бы мне взять Лондон! Оттуда бы я не вышел. Да, я хочу возвратиться. Коль скоро император Александр желает мира, ему стоит лишь дать мне знать о том. Я пошлю к нему кого-нибудь из моих адъютантов — или Нарбона, или Лористона, и мир будет скоро заключен. Но если он хочет продолжать войну, так хорошо, мы будем ее продолжать. Мои солдаты настоятельно просят меня, чтобы я шел в Петербург. Ну хорошо, мы и туда пойдем, и Петербургу достанется участь Москвы. . .»

В заключение он мне сказал, что так как я просился вытти за французские аванпосты, то он ничего против этого не имеет, но ставит условием, чтобы, проводив всех моих людей в то место, которое я им назначил, сам я отправился в Петербург, где император будет рад увидеть очевидца-свидетеля всему, происходящему в Москве, и чтоб я рассказал обо всем государю. Я отвечал ему, что у меня нет никакого права, ни положения для того, чтобы иметь смелость представиться к императору. Он мне сказал на это, что я могу обратиться к посредству гофмаршала Толстого, которого он знает за хорошего человека; что я могу приказать доложить о себе через государева камер-лакея, что, впрочем, император ежедневно прогуливается, и я могу встретиться ему. Несмотря на мои постоянно отрицательные отзывы, он продолжал излагать мне множество способов представиться моему государю, и я нашелся вынужденным сказать ему: «Государь! Теперь я в вашей власти; но я не переставал быть подданным императора Александра и не перестану им быть, пока в жилах моих будет хоть капля крови. Не требуйте, чтобы я сделал то, чего я не должен сметь делать и чего поэтому я не могу вам обещать». На это он мне сказал: «Хорошо, я напишу письмо к императору; я ему скажу, что призывал вас, что говорил с вами. . .» Он передал мне содержание письма, которое предполагал он написать и сущность которого состояла в том, что он желает мира. Наконец, он мне сказал, что я должен отвезти письмо это в Петербург, на что я не отвечал ничего, потому, что сказать правду, я не знал тогда, да и теперь не знаю, в праве ли я был отказаться от такого поручения. Он пожелал мне доброго пути, и я вышел. . .

На другой день он мне прислал письмо через Делорня и приказал проводить меня до французских аванпостов. Итак, на следующий день я в полдень вышел из Москвы пешком, в сопровождении человек до 500. Вечером я достиг Черной Грязи, где застал полковника (ныне генерала) Иловайского. Я провел там ночь, а на другой день он приказал казакам проводить меня до д. Давыдкова, где находился ген. Винценгероде, который тотчас отправил меня в Петербург в сопро-

вождении офицера. По прибытии к Петербургской заставе, предъявлено было приказание везти меня прямо к гр. Аракчееву, который встретил меня отменно ласково и сказал мне, что император приказал ему взять привезенное мною письмо. В приеме письма я получил от графа росписку, которая у меня цела...

Р. А., 1874, № 1, стр. 1066—1069.

116

1812 г. сентября 8. — Письмо Наполеона Александру I из Москвы с уверением его в дружеских чувствах.

Москва, 8 сентября 1812 г.

Государь, мой брат! Будучи уведомлен, что брат министра вашего и. в. в Касселе находится в Москве, я позвал его к себе и имел с ним беседу. Я предложил ему отправиться к вашему величеству и сообщить о моих чувствах. Прекрасный и великолепный город Москва больше не существует: Ростопчин приказал его сжечь. 400 поджигателей были арестованы на месте преступления. Все они заявили, что поджигали по приказаниям губернатора и полицеймейстера. Они расстреляны. Пожар, повидимому, прекращен. Сожжены три четверти домов — уцелела четвертая часть. Такое поведение ужасно и бессмысленно. Имело ли оно целью лишить меня некоторых ресурсов? Но эти ресурсы находились в погребах, куда не проник огонь. К тому же, как можно было разрушить один из прекраснейших городов мира, создание веков, ради того, чтобы достичь столь малой цели? Это тот образ действий, которого придерживаются со времени Смоленска и который привел к нищете 600 тыс. семейств. Пожарные насосы города Москвы были разбиты или увезены. Часть арсенального оружия попала в руки злоумышленников, и пришлось дать несколько пушечных выстрелов по Кремлю, чтобы выгнать их оттуда. Гуманность, интересы вашего величества и этого великого города требовали, чтобы он был вверен моей охране, если русская армия оставила его незащищенным. Следовало бы оставить в нем администрацию, учреждения и стражу. Так именно поступали дважды в Вене и в Берлине и в Мадриде. Именно так мы сами поступили в Милане перед занятием его Суворовым. Пожары способствуют грабежу, которому предается солдат, вырывая остатки имущества у пламени.

Если бы я предполагал, что подобные вещи творились в соответствии с приказаниями вашего величества, то я не написал бы этого письма. Но я считаю невозможным, чтобы с вашими принципами, вашим сердцем и правильностью ваших идей вы могли позволить подобные эксцессы, недостойные

великого государя и великой нации. В то время, как увезли городские насосы, оставили 150 полевых пушек, 60 тыс. новых ружей, 1600 тыс. патронов, более 400 тыс. килограмм пороха, 300 тыс. мер селитры, столько же серы и т. д.

Я веду войну против вашего величества без всякого враждебного чувства. Одна записка от вашего величества, полученная до или после последнего сражения, остановила бы мое движение, и я даже хотел бы иметь возможность пожертвовать выгодой занятия Москвы. Если ваше величество сохраняете еще некоторый остаток своих прежних чувств по отношению ко мне, то вы истолкуете это письмо в хорошую сторону. Во всяком случае вы только можете быть мне благодарным за отчет о происходящем в Москве. Я молю бога, государь, мой брат, сохранить вас в добром здоровье и благополучии.

Вашего и. в. верный брат Наполеон.

Горяинов, ч. II, стр. 92—93.

117

1812 г. сентября 23. — Донесение М. И. Кутузова Александру I из Тарутина о посещении его Лористоном.

Всемилостивейший государь! Я еще сутки должен был задержать ген.-адъютанта Волконского. Сегодняшнего утра, получив чрез парламентера письмо, которым означено, что император Наполеон желает с важными препоручениями отправить ко мне своего ген.-адъютанта, кн. Волконский донесет вашему и. в. обо всех пересылках, которые по сему случаю были. И, наконец, ввечеру прибыл ко мне Лористон, бывший в С.-Петербурге посол, который, распространяясь о пожарах, бывших в Москве, не виня французов, но малое число русских, остававшихся в Москве, предлагал размену пленных, в которой ему от меня отказано, и более всего распространялся об образе варварской войны, которую мы с ними ведем; сие относительно не к армии, а к жителям нашим, которые нападают на французов поодиночке или в малом числе ходящих, пожигают сами дома свои и хлеб, с полей собранный, с предложением неслыханные такие поступки унять. Я уверял его, что ежели бы и желал переменять образ мыслей сей в народе, то не мог бы успеть для того, что они войну сию почитают равно как бы нашествие татар, и я не в состоянии переменить их воспитания. Наконец, дошел до истинного предмета его послания, т. е. говорить стал о мире: что дружба, существовавшая между вашим и. в. и императором Наполеоном, разорвалась несчастливым образом по обстоятельствам совсем посторонним, и что теперь мог бы еще быть удобный случай оную восстановить. «Cette guerre singulière, cette guerre inouïe,

doit elle donc durer éternellement? L'Empereur, mon maître a un desir sincère de terminer ce différend entre deux nations grandes et généreuses et à les terminer pour jamais». [1] Я ответствовал ему, что я никакого наставления на сие не имею, что при отправлении меня к армии и названия мира ни разу не упомянуто. Впрочем, все сии слова, от него мною слышанные, происходят ли они так, как его собственные рассуждения, или имеют источником свыше, что я сего разговора ни в котором случае и предать государю своему не желаю, «que je serai maudit par la postérité, si l'on me regardait comme le premier auteur d'un accommodement quelconque, car tel est l'esprit actuel de ma nation»;[2] при сем случае подал он мне письмо от императора Наполеона, с его при сем список прилагается, и просил меня испросить у вашего величества согласия ему, Лористону, прибыть по сему предмету в С.-Петербург и предложил в ожидании сего ответа перемирие, в котором я ему отказал. При сем случае рассчитывал с нетерпением время, когда на сие ответ притти может. Сие требование его обещал ему исполнить, т. е. донести о желании сем императора Наполеона вашему и. в. [3]

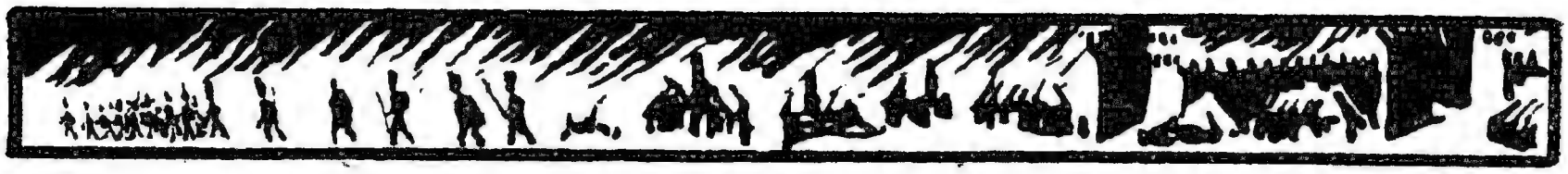
Материалы, т. XIX, стр. 379—380.

---

[1] Эта война особенная, эта война неслыханная. Однако, не должна же она продолжаться вечно. Мой государь искренно желает покончить с разногласиями между двумя великими и благородными нациями, и покончить навсегда. — *Ред.*

[2] Меня проклянет потомство, если мне будет принадлежать инициатива в каком бы то ни было соглашении; таково решительное желание моего народа. — *Ред.*

[3] Все три предложения Наполеона вступить в мирные переговоры остались без ответа. — *Ред.*



XX

УХОД АРМИИ НАПОЛЕОНА ИЗ МОСКВЫ И СРАЖЕНИЕ ПОД МАЛОЯРОСЛАВЦЕМ

118

Из воспоминаний Ф. Сегюра о выходе армии Наполеона из Москвы.

...Армия выступала из Москвы без малейшего перерыва. В этой колонне в 140 тыс. человек и, приблизительно, 50 тыс. лошадей всех родов, 100 тыс. солдат, шедших во главе, с ранцами, в полном вооружении, с 550 пушками и 2 тыс. артиллерийских повозок, напоминали еще всемирных победителей. Но остальные в огромной своей части походили на орду татар после удачного набега. Здесь, на бесконечном расстоянии, в 3 или 4 линии, была полная смесь карет, фур, богатых экипажей и всевозможных повозок. Здесь трофеи в виде русских, турецких и персидских знамен, и гигантский крест с колокольни Ивана Великого; там — русские крестьяне, бородатые, сопровождавшие или несшие нашу добычу, часть которой они составляли сами; многие везли тачки, наполнив их всем, что они могли захватить. Безумные, они не смогут продержаться до конца дня; но для их жадности ничего не значили 800 верст пути и предстоящие сражения!

Особенно бросалась в глаза в этом следовании армии толпа людей всех национальностей, без мундиров, без вооружения и слуг, ругавшихся на всех языках, подгонявших криками и ударами тощих лошаденок, в веревочной сбруе тащивших изящные экипажи. Последние были наполнены или провизией или добычей, уцелевшей от пожара. В них были и француженки с детьми. Прежде эти женщины были счастливыми обитательницами Москвы; теперь они бежали от ненависти москвичей, которую вызвало на их головы нашествие; армия была

единственным их убежищем. За армией следовало несколько русских девушек добровольных пленниц. Можно было подумать, что видишь перед собой какой-то караван, бродячее племя или, скорее, древнюю армию, возвращавшуюся после большого набега с пленниками и добычей. Нельзя было понять, как сможет голова этой колонны тащить за собой и содержать в течение такого долгого пути такой тяжелый хвост.

Несмотря на ширину дороги и усилия своего эскорта, Наполеон только с трудом мог пробираться сквозь эту невообразимую кашу. Не было никакого сомнения, что, чтобы избавиться от всей этой тяжести, нам достаточно было попасть на какую-нибудь узкую дорогу или итти несколько ускоренным шагом или подвергнуться нападению казаков; но только судьба или враг одни имели право так помочь нам. Император же прекрасно сознавал, что он не может ни отнять у своих солдат плоды стольких лишений, ни упрекнуть их за них. Кроме того, съестные припасы скрывали добычу; а он, который не мог обеспечить своих людей провиантом, мог ли он запретить им везти его? Наконец, так как военных повозок не было, эти кареты были единственным спасением для больных и раненых...

Сегюр, стр. 218—219.

Из воспоминаний А. Бургоня о выходе армии Наполеона из Москвы.

...После полудня мы двинулись в поход, позаботившись сделать, по мере возможности, запасы напитков, которые мы нагрузили на телегу маркитантки тетки Дюбуа вместе с нашей большой серебряной миской. Почти смерклось, когда мы вышли за город. Вскоре мы очутились среди множества повозок, которыми управляли люди разных национальностей; они шли в 3—4 ряда, и вереница тянулась на протяжении целой мили. Слышался говор на разных языках — французском, немецком, испанском, португальском и еще на многих других; московские крестьяне шли следом, а также и пропасть евреев. Все эти народы со своими разнообразными одеяниями и наречиями, маркитанты с женами и плачущими ребятами — все это теснилось в беспорядке и производило невообразимую сумятицу. У некоторых повозки были уже поломаны, другие кричали и бранились — содом был такой, что в ушах звенело. Не без труда удалось нам, наконец, пробраться сквозь этот громадный поезд, оказавшийся обозом армии. Мы двинулись по Калужской дороге (тут уж мы были в Азии); немного погодя, мы расположились бивуаком в лесу на ночь, а так как было уже поздно, то отдых наш оказался недолгим.

Только что рассвело, как мы опять пустились в путь. Сделав около одного лье, мы снова попали в пресловутый обоз, обогнавший нас за то короткое время, пока мы отдыхали. Большая часть повозок уже теперь пришла в полную негодность, другие не могли двигаться вследствие того, что дорога была песчаная и колеса увязали в почве. Слышались крики на французском языке, руготня на немецком, молитвенные воззвания по-итальянски, призывы к богородице по-испански и по-португальски.

Миновав всю эту сутолоку, мы принуждены были остановиться, чтобы дождаться левого фланга нашей колонны. Я воспользовался досугом, чтобы осмотреть свой ранец, казавшийся мне черезчур тяжелым, и удостовериться, нельзя ли что-нибудь выкинуть, чтобы облегчить свою ношу. В ранце было порядочно-таки запасов: я взял с собою несколько фунтов сахару, рису, немного сухарей, полбутылки водки, костюм китаянки из шелковой материи, затканный золотом и серебром, несколько серебряных и золотых безделушек, между прочим, обломок креста Ивана Великого, т. е. кусочек покрывавшей его серебряной вызолоченной оболочки; мне дал его один солдат из команды, наряженный для снятия креста с колокольни. [1]

Со мной был также мой парадный мундир и длинная женская амазонка для верховой езды (эта амазонка была орехового цвета и подбита зеленым бархатом. Не зная ее употребления, я вообразил, что носившая ее женщина была больше шести футов росту). Далее две серебряных картины, длиною в 1 фут на 8 дюймов ширины, с выпуклыми фигурами; одна картина изображала суд Париса на горе Иде, на другой был представлен Нептун на колеснице в виде раковины, везомой морскими конями. Все это было тонкой работы. Кроме того, у меня было несколько медалей и усыпанная бриллиантами звезда какого-то русского князя. Все эти вещи предназначались для подарков дома и были найдены в подвалах или домах, обрушившихся от пожаров.

Как видите, мой ранец должен был весить не мало, но, чтобы облегчить его тяжесть, я выкинул из него свои белые лосиные брюки, предвидя, что они не скоро мне понадобятся. На мне же был надет, сверх рубашки, жилет из стеганого на вате желтого шелку, который я сам сшил из женской юбки, а поверх всего большой воротник, подбитый горностаем. Через плечо у меня висела сумка на широком серебряном галуне; в сумке было также несколько вещей, между прочим, распятие из серебра и золота и маленькая китайская ваза. Эти две ве-

---

[1] Я забыл упомянуть, что среди большого креста Ивана Великого был другой из массивного золота, около фута в длину.

щицы избегли крушения каким-то чудом, и я до сих пор храню их, как святыню. Кроме того, на мне была моя амуниция, оружие и 60 патронов в лядунке. Прибавьте ко всему этому большой запас здоровья, веселости, доброй воли и надежду засвидетельствовать свое почтение дамам монгольским, китайским и индейским — и вы будете иметь понятие о сержанте императорской гвардии.

Бургонь, стр. 61—64.

120

1812 г. октября 11. — Рапорт Иловайского 4-го из Москвы Ф. В. Ростопчину о вступлении его в Москву после ухода армии Наполеона.

Вашему сиятельству долгом поставляю почтеннейше донести, что неприятель вчерашнего дня в ночь вышел из города Москвы по Калужской дороге, конечно, для соединения с своею армиею, подорвав сделанными им минами некоторые в Кремле и города места, кроме соборов, храмов божиих и Ивана Великого, которые промыслом всевышнего остались целы.

В отсутствие корпусного командира, ген.-л. Винценгероде, занял я столицу по утру сего числа, выгнав из оной остального неприятеля с довольным его на месте поражением и взятием в плен. Теперь находятся здесь полки: Казачий имени моего, лейб-Казачий, Казанский драгунский и Изюмский гусарский, посредством содержания коими во всех местах города караулов я стараюсь восстановить всякое в городе благосостояние, определяя к тому, в особенности, нарочито полицейских чиновников, сколько оных будет здесь мною открыто, с поручением их под начальство случившемуся здесь московской драгунской команды майору Гельмену.

Подписал ген.-м. Иловайский 4-й.

Нужно надобно еще сделать отряд из корпуса к преследованию неприятеля, вашему сиятельству о сем донося, не благоугодно ли будет приказать сюда командировать войско для занятия Москвы. Ген.-м. Иловайский 4-й.

Октября 11-го дня 1812 г. г. Москва, № 1048.

Военно-ист. вестник, 1909, № 3—4, стр. 44.

121

1812 г. октября 25. — Из письма А. Я. Булгакова жене Н. В. Булгаковой о состоянии Москвы после ухода армии Наполеона.

Я писал к тебе вчера, милая Наташа, и дал тебе отчет как о нашем путешествии, так и о печальном въезде в Москву. Исключая меня, все в доме спят, и я пользуюсь минутой

общего покоя, чтобы побеседовать с тобой подольше. От Богородска до Москвы мы заметили мало следов неприятельского шествия: сожжено несколько деревень, от времени до времени видны были на дороге мертвые тела. Начиная с Зверинца, число мертвых тел увеличилось. Мы въехали через Рогожскую заставу в сопровождении драгун, казаков и гусар, начальники которых представляли свои рапорты по мере приближения к городу. Первый взгляд на Москву не произвел на меня того впечатления, которого я ожидал, ибо уцелевшие церкви с своми золотыми и серебряными главами придавали городу вид довольно игривый. Но боже, что я ощущал при каждом шаге вперед!

Мы проехали Рогожскую, Таганку, Солянку, Китай-город, и не было ни одного дома, который бы не был сожжен или разрушен. Я почувствовал на сердце холод, и не мог говорить: всякое попадавшееся лицо, казалось, просило слез об участи несчастной нашей столицы. На заставе нашли мы Василия Обрезкова. Все это место усеяно лошадиными трупами; но я не почувствовал никакого запаха; только пожалел наших бедных солдат, закапывавших эти трупы, которые, должно быть, вблизи издавали сильный запах. Это мне внушило мысль, которую граф тотчас же одобрил и которая заключалась в том, чтобы употреблять на эти работы, вместо своих, французских солдат, здесь оставшихся и выздоравливающих от ран...

Мы направились к Иверским воротам. Лавки с обеих сторон все сожжены и уничтожены, а те, которые на левой стороне, разрушены выстрелами трех орудий, поставленных у Сената и теперь еще тут стоящих. У Никольских ворот я увидал другое чудо, о котором уже я писал. Арсенал взлетел на воздух, стена, около Никольских ворот — тоже, самая башня разрушена, и среди этих развалин не только уцелел образ, но и стекло и фонарь, в котором находится лампада. Я был поражен и не мог оторваться от этого зрелища. Понятно, что в городе только и толка, что про эти чудеса. Спасские ворота заперты; а так как Никольские завалены обломками башни, шпиля (я разглядел во рву под мостом двуглавого орла, который венчал башню) и Арсенала, то нам нельзя было въехать в Кремль ни теми ни другими воротами, и мы принуждены были ехать по Моховой мимо Пашкова дома через Боровицкие ворота, где стоит пикет и не пропускает никого без особого позволения. Я увидел опять ту маленькую лесенку, на которой, помнишь, мы ждали с графом и Полиной приезда государя. Но как все изменилось! Царское местопребывание стало местом ужаса: дворец сгорел; на большой лестнице валялась солома, капуста, картофель. Грановитая палата сожжена; я вошел во внутрь, во многих местах еще дымилось.

Мы спустились по Красному крыльцу: оба собора представились нашим глазам совершенно целыми, также и Иван Великий, у которого впрочем есть продольная трещина, на стороне, обращенной к Красному крыльцу. Колокольни и все, что примыкало к Ивану Великому, взорвано и представляет страшную развалину: тут и кирпичи, и камни, и колокола, и балки, и кресты, перемешанные в грудах обломков, которыми завалена площадь на большое пространство. Часть стены, обращенная на Москву-реку, разрушена; это сделано было, вероятно, для того, чтобы проложить самый короткий путь к реке, куда французы, кажется, побросали пропасть пушек, ибо видны следы от самого верха до гранитной набережной; а железная решетка была в этом месте снята. Часть Кремля, где прежде стояла царь-пушка, усеяна бумагами, рукописными книгами и пергаментами; некоторые из них я прочел: это сенатские и межевые дела; видно, они из этой бумаги делали патроны.

Оттуда пошли мы на площадь против Сената: Арсенал взорвало, т. е. ту половину, которая к Никольским воротам; прочее только сожжено, но не взорвано. Новая Оружейная совершенно цела, Сенат — также; только в нем все переломано; оконницы и стекла все перебиты. Комендантский дом цел. Выехали мы из Кремля теми же воротами. От Пашкова дома до Апраксина все сожжено, и театр. С удивлением увидели мы дом кн. Петра Алексеевича: вообрази, что между двух Везувий он остался цел; даже деревянный забор, даже дрова, бывшие на дворе, и те не сгорели. На Пречистенке едва есть 5 домов. Арбат, Поварская почти все сожжены. От Арбатских до Никитских ворот все сожжено, кроме домов Лунина, Лобанова и трактиров. От Никитских до Тверских ворот по левую сторону все сожжено, а по правую — целы дома кн. Щербатова, гр. Строгановой и еще дома с два. Балабина дом, где вы жили, цел. Тверская от Тверских ворот до дома главнокомандующего, по обеим сторонам, вся цела; а потом, от Черткова вниз до Моховой, вся выгорела, по обеим сторонам...

... Кроме сего ни один дом не остался цел во всей слободе Немецкой: ни Seannot, ни Фаст, ни Волков, — никто. Образовалось обширное поле, покрытое обгоревшими трубами, и, когда выпадет снег, они будут казаться надгробными памятниками, и весь квартал обратится в кладбище. От Ильинских ворот, по обе стороны, все цело до Покровских ворот. Дома Ив. Дм. Нарышкина, кн. Фед. Николаевича Голицына и гр. Мих. Петр. Румянцева целы; все же прочие до Никиты Мученика сожжены; на противулежащей стороне — также, кроме Заборовского и двух-трех других. Нелединского дом цел. Вот, что видел я собственными глазами, а потому как истинное тебе даю; буде станут у тебя справляться, то

можешь на меня ссылаться смело. Ужас и уныние наводит смотреть на опустошение...

Р. А., 1866, стлб. 722—727.

122

1812 г. октября 11. — Из «Краткого журнала военных действий» о сражении под Малоярославцем.

Октября 11. Ген.-от-инфантерии Милорадович доносит, что ген.-адъютант барон Корф получил, не доходя еще до Воронова, рапорт от ген.-майора Карпова, что со светом вместе замечено, что неприятельские посты, оставив Вороново, ретировались. Тот же час казаки заняли сие село. Несколько офицеров свиты его и. в. по квартирмейстерской части и казаки отправлены для открытия неприятеля.

Неприятель, повидимому, оставил совсем Москву, дабы отступить обильнейшими нашими провинциями, потянулся с большими силами по новой Калужской дороге к Боровску. Несмотря на все его намерения его предупреждено (sic!), ген.-от-инфантерии Дохтуров с корпусом своим подвинут был 11-го на 12-е число ночью к Малому Ярославцу, где он нашел его. В 5 часов утра завязалось дело, которое впоследствии с прибытием всех наших войск сделалось довольно значительным сражением, продолжавшимся до 10 часов ночи. Предметом сражения был город, который 8 раз занимаем был нами и столько же был уступаем сильному стремлению неприятеля.

Положение Ярославца оказалось такое, что войска неприятельские, выбиваемые из оного нашими, всегда подкрепляются высотами правого берега реки Лужи, и для того решился главнокомандующий около 1 часа пополуночи город, который со всех сторон от канонады горел, оставить и занять высоты в $2^1/_2$ верстах от Ярославца, где армия оставалась готовая к сражению, ожидала неприятеля. Между тем, он с главными своими силами оставался на левом берегу реки, но того дня к вечеру получено известие, что показались войска его, из пехоты и конницы состоящие, по дороге к Медыню, которых передовые, хотя и разбиты были казачьим полковником Иловайским 9-м, но, приметив намерение его итти к городу Калуге, должно было приближаться более к дороге, ведущей чрез Медынь в сей город, и тем прикрыть оный. Для сего в 5 часов утра 14-го числа перешла армия на весьма выгодные высоты при д. Гончарове, в которой прежде ее прибытия уже начаты нужные укрепления к усилению слабых мест...

Материалы, т. XV, стр. 45—46.

Из воспоминаний Ф. Сегюра о военном совете после боя под Малоярославцем.

... Подавленный горем и печальными предчувствиями, Наполеон медленно вернулся на главную квартиру. Мюрат, принц Евгений, Бертье, Даву и Бессьер следовали за ним. Эта бедная хата невежественного ткача заключала в своих стенах императора, двух королей, трех генералов! Они пришли сюда решать судьбу Европы и армии, которая ее завоевала! Целью был Смоленск. Итти ли туда через Калугу, Медынь или через Можайск? Между тем Наполеон сидел за столом; голова его была опущена на руки, которые скрывали его лицо и, вероятно, отражавшуюся на нем скорбь. Царило полное безмолвие. Мюрат, порывисто ходивший по избе, не вынес этой нерешительности. Послушный лишь своему таланту, весь во власти пламенной натуры, он вышел из нее тем, что воскликнул:

«Пусть меня снова обвинят в неосторожности, но на войне все решается и определяется обстоятельствами; там, где остается только атака, осторожность становится отвагой и отвага осторожностью; остановиться нельзя, бежать опасно; значит, надо преследовать неприятеля. Что нам за дело до угрожающего положения русских и их непроходимых лесов? Я презираю все это! Пусть мне только дадут остатки кавалерии и гвардии, и я углублюсь в их леса, брошусь на их батальоны, уничтожу все и снова открою армии путь к Калуге!»

Здесь Наполеон, подняв голову, остановил эту горячую речь словами: «Довольно отваги; мы слишком много сделали для славы; теперь время думать только о спасении остатков армии!» Тогда Бессьер, потому ли, что для его гордости было оскорбительно подчиняться Неаполитанскому королю, или потому, что ему хотелось сохранить неприкосновенной гвардейскую кавалерию, которую он образовал, за которую отвечал перед Наполеоном и которая состояла под его начальством, — Бессьер, чувствуя поддержку, осмелился прибавить: «Для подобного предприятия у армии, даже у гвардии нехватит мужества. Уже поговаривают, что, так как повозок мало, теперь раненый победитель останется во власти побежденных; что таким образом всякая рана будет смертельна; итак, за Мюратом последуют неохотно и в каком состоянии? Мы только что убедились в наших силах. А каков неприятель? Разве не видели мы поля вчерашней битвы? А с каким неистовством русские ополченцы, едва вооруженные и обмундированные, шли на верную смерть?» Этот маршал закончил свою речь словом «отступление», которое Наполеон одобрил своим молчанием...

Сегюр, стр. 233—234.

XXI

ДЕЙСТВИЯ М. И. КУТУЗОВА ВО ВРЕМЯ ОТСТУПЛЕНИЯ АРМИИ НАПОЛЕОНА

124

Из записок Р. Вильсона о планах М. И. Кутузова при преследовании армии Наполеона.

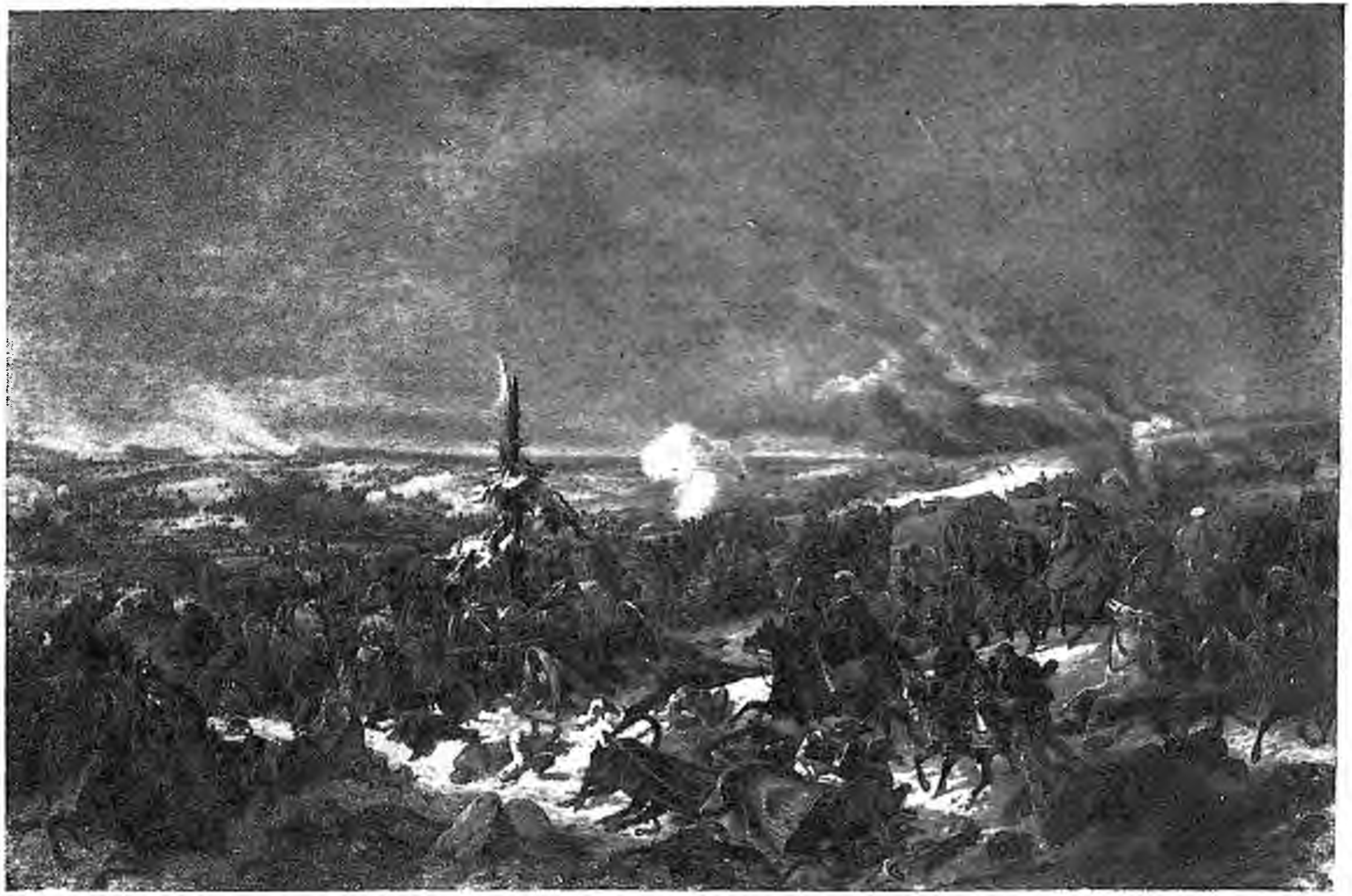
... Около 2 часов утра генералы были вновь созваны к Кутузову... Кутузов, сев в средине нашего кружка, коротко объявил нам, что по донесениям, им полученным, он принужден оставить свое намерение защищать позицию перед Малоярославцем и решился отступить за Корицу для защиты Калужской дороги и сообщения с Окой... Начались представления, что подобное движение в такую минуту, при невыгодах темноты и узкого пути отступления, не может быть исполнено без гибельного замешательства, что неприятель, заметив это, без сомнения, будет стараться увеличить наше замешательство нападением, что, если он воспользуется своею выгодой, то все войско подвергнется опасности, а арриергард неизбежной гибели. На усиленное представление мною этих соображений фельдмаршал отвечал: «Не нуждаюсь в ваших возражениях; предпочитаю пропустить неприятеля по золотому мосту, как вы говорите, чем получить от него затылочный удар».

R. Wilson, стр. 233—234.

125

Из «Дневника партизанских действий» Д. В. Давыдова об отношении М. И. Кутузова к партизанской войне.

... Я догнал 1 ноября на походе колонну ген. Дохтурова и гр. Маркова, которые в то время заезжали в какой-то господ-



Переход через Березину.
С литографии.

ский дом для привала. Намереваясь дать вскоре отдых партии моей, я указал Храповицкому на ближнюю деревню и приказал ему остановиться в ней часа на два. Я сам заехал к ген. Дохтурову, пригласившему меня на походный завтрак. Не прошло четверти часа времени, как Храповицкий прислал мне казака с известием, что светлейший меня требует к себе. Я никак не полагал столкнуться с главною квартирою в этом направлении, но так как заняться туалетом было некогда, я сел на коня и явился немедленно к фельдмаршалу. Я нашел его в избе. Перед ним стояли Храповицкий и кн. Кудашев. Увидя меня, светлейший подозвал к себе и сказал: «Я еще лично не знаком с тобою, но прежде знакомства хочу поблагодарить тебя за твою службу». Он обнял меня и прибавил: «Удачные опыты твои доказали мне пользу партизанской войны, которая нанесла, наносит и нанесет неприятелю много вреда». Я, пользуясь ласковым его приемом, просил извинения в том, что осмелился предстать пред ним в мужицкой моей одежде. Он отвечал мне: «В народной войне это необходимо, действуй, как ты действуешь головою и сердцем; мне нужды нет, что одна покрыта шапкой, а не кивером, а другое бьется под армяком, а не под мундиром. Всему есть время, и ты будешь в башмаках на придворных балах». Еще светлейший полчаса говорил со мною, расспрашивал меня о способах, мною употребленных для образования сельского ополчения, об опасностях, в каких я находился, о мнении моем на счет партизанского действия и прочем...

Давыдов, стр. 105—106.

126

Из записок И. С. Жиркевича о беседе М. И. Кутузова с солдатами Семеновского полка под Красным.

3 ноября мы подошли к Красному. Тут, после сильных морозов, начавшихся от Вязьмы и продолжавшихся дней 10, сделалась сильная оттепель. На дневке вечером, часу в пятом, Кутузов, объезжая бивуаки, подъехал к Семеновскому полку. За ним ехало человек 5 генералов, в числе которых были принц Александр Виртембергский, Опперман и Лавров, а позади них 7 человек конногвардейцев везли отбитые у неприятеля знамена.

«Здравствуйте, молодцы-семеновцы! — закричал Кутузов. — Поздравляю вас с новою победою над неприятелем. Вот и гостинцы везу вам. Эй, кирасиры! Нагните орлы пониже! Пускай кланяются молодцам. Матвей Иванович Платов доносит мне, что сегодня взял 115 пушек и сколько-то генералов. Не помнишь ли ты, Опперман, сколько именно?» Опперман

отвечал: «15». «Слышите ли, мои друзья, 15, т. е. 15 генералов? Ну, если бы у нас взяли столько, то остальных сколько бы осталось. Вот, братцы, пушки пересчитать можно на месте, да и тут не верится; а в Питере скажут: „хвастают!"».

Затем Кутузов подъехал к палатке ген. Лаврова, командовавшего в то время 1-й гвардейской пехотной дивизией и расположившегося за Семеновским полком. Кутузов и прочие генералы сошли с лошадей и приготовились пить чай у Лаврова. Тут же кирасиры сошли с лошадей, стали в кружок и составили из знамен навес, вроде шатра. Кто-то из офицеров, подойдя к знаменам, стал читать надписи на одном из них вслух все те сражения, в которых отличался тот полк, которому принадлежало знамя, и в числе прочих побед прочел: «Аустерлиц». «Что там, — спросил Кутузов, — Аустерлиц? Да, правда! Жарко было и под Аустерлицем. Но омываю руки мои пред всем войском: неповинны они в крови аустерлицкой. Вот, хотя бы и теперь, к слову, не далее как вчера, я получил выговор за то, что капитанам гвардейских полков за Бородинское сражение дал бриллиантовые кресты в награду. Говорят, что бриллианты — принадлежность кабинета и что я нарушаю предоставленное мне право. Правда, и в этом я без вины виноват. Но ежели по совести разобрать, то теперь каждый, не только старый солдат, но даже и последний ратник столько заслужили, что осыпь их алмазами, то они все еще не будут достаточно награждены. Ну, да что и говорить! Истинная награда не в крестах или алмазах, а просто в совести нашей. Вот здесь кстати я расскажу о дошедшей мне награде. После взятия Измаила я получил звезду св. Георгия; тогда эта награда была в большой чести. Я думаю, здесь есть еще люди, которые помнят молодого Кутузова (тут Кутузов вздернул нос кверху). Нет? Ну, после! Когда мне матушка-царица приказала прибыть в Царское Село к себе, я поспешил выполнить ее приказание — поехал. Приезжаю в Царское. Прием мне был назначен парадный. Я вхожу в залу в одну, в другую, все смотрят на меня, я ни на кого и смотреть не хочу. Иду себе и думаю, что у меня Георгий на груди. Дохожу до кабинета, отворяются двери; что со мною сталось! И теперь еще не опомнюсь! Я забыл и Георгия и то, что я Кутузов. Я ничего не видел, кроме небесных, голубых очей, кроме царского взора Екатерины. Вот была награда!» И с чувством, постепенно понижая голос, Кутузов приостановился — и все кругом его молчало. Потом весь этот рассказ он повторил на французском языке принцу Александру Виртембергскому, видимо, с целью, чтобы от него перешло это выше — в Петербург... Тут один из офицеров Семеновского полка сказал громко: «Не правда ли, как эта

сцена походит на сцену из трагедии „Дмитрий Донской" (трагедия Озерова)?»

Посников закричал: «Ура! Спасителю России!» — и громкое «ура» понеслось и разлилось по всему войску. Столь неожиданный возглас тронул каждого из присутствующих, а Кутузова, конечно, более всех. Он вдруг встал на скамейку и закричал: «Полноте, друзья, полноте! Что вы! Не мне эта честь, а слава русскому солдату!» — и потом, бросив вверх свою фуражку и сильно возвысив свой голос, закричал: «Ура! Ура! Ура! доброму русскому солдату!..»

Р. Ст., 1874, № 8, стр. 659—661.

127

1812 г. ноября 8. — Из письма Н. М. Лонгинова С. Р. Воронцову из Петербурга о способах преследования М. И. Кутузовым отступающей армии Наполеона.

...Поход кн. Кутузова прямо через Ельню на Красное, по-моему, настолько же мудр, как страшен для неприятеля, который видит у себя слева могучую и победоносную армию, идущую параллельно ему и которую он ни разу не смог прорвать. В то же время справа и сзади его на каждом шагу осаждает туча легких отрядов, о которых он некогда отзывался с презрением, которым теперь ничего не может противопоставить и которые не дают ему возможности даже вздохнуть... Крикуны армии (из них — наиболее ожесточенный Вильсон, я этим очень недоволен) говорят, что можно было окончательно уничтожить Бонапарта и его армию под Малым Ярославцем и Вязьмою, напав на него по всем пунктам. Но Кутузов, как говорят, заявил этим господам, что не потеряет без необходимости ни одного человека, что неприятелю, усталому, голодному, ослабленному до последней степени, надо итти еще 800 верст, а он, идя в порядке с победными, свежими, хорошо накормленными и обеспеченными всем войсками, всегда будет иметь время нагнать неприятеля, не утомляя бесполезно своей армии ни сражениями, ни форсированными маршами, и достигнет той же цели, сохранив людей и провиант. Гр. Сен-При писал сюда, что он не узнал армии, оставленной им при Бородине: так она пополнилась и поправилась после отступления из Москвы и что с подобной армией можно итти не только до Вислы, но, если нужно, то и значительно дальше. Но этот вопрос, как мне кажется, еще не решен.

Р. А., 1912, ч 4, стр. 528—529.

*

XXII

ИЗГНАНИЕ АРМИИ НАПОЛЕОНА ИЗ РОССИИ

128

1812 г. октября 28. — Из письма М. И. Кутузова жене Е. И. Кутузовой из Ельны с сообщением о бедствиях армии Наполеона.

... 28 октября, город Ельна. Я, мой друг, хотя и здоров, но от устали припадки; например, от поясницы разогнуться не могу; от той причины и голова временем болит. По сию пору французы еще все бегут неслыханным образом, уже более 300 верст, и какие ужасы с ими происходят! Эта участь моя, чтобы видеть неприятеля без пропитания, питающегося дохлыми лошадьми, без соли и хлеба. Турецкие пленные извлекали часто мои слезы; об французах хотя и не плачу, но не люблю видеть этой картины. Вчерась нашли в лесу двух, которые жарят и едят третьего своего товарища. А что с ими делают мужики! Кланяйся всем. Об Бенигсене говорить не хочется; он глупый и злой человек; уверили его такие же простяки, которые при нем, что он может испортить меня у государя и будет командовать всем; он, я думаю, скоро поедет. Детям благословение. Верный друг Михайла Кутузов...

Р. Ст., 1872, № 4, стр. 651—652.

129

1812 г. октября 28. — Письмо П. П. Коновницына жене с описанием преследования армии Наполеона.

28 октября, в 70 верстах от Смоленска.

Милый друг! Мы день и ночь гоним неприятеля, берем пушки и знамена всякий почти день и пленных пропасть. Не-

приятель с голоду помирает, не только ест лошадей, но видели, что людей жарят, т. е. описать нельзя их крайности. Можно ручаться, что армия их совсем пропала. Итак, мой друг, мы победители и враг погибает. Чрез 3 дня мы проходим Смоленск, а чрез две недели не быть ли нам в Минске, где и твои клавикорды отниму? У нас зима и нам трудненько, — холодно и смерть утомились, но, благодаря бога, победно. Не бывал Бонапарт в такой беде: сам улепетывает коекак, чуть его казаки не схватили, авось попадет еще в руки, его примечают наши. Итак, любезная родина радуется, веселится нашим победам, благодаря бога. Ежели бог даст, из Вильны попрошусь к тебе отдохнуть на месяц.

Прощай, мой друг, буди с тобою милость божья, крещу тебя, благословляю, и детей. Молю вышняго, да разрешит тебя здраво и невредимо и да спасет тебя. Я же по смерть тебе верный друг П. Коновницын.

Бумаги Щукина, ч. VIII, стр. 113.

150

1812 г. октября 29. — Приказ М. И. Кутузова войскам по поводу отступления армии Наполеона.

После таковых чрезвычайных успехов, одерживаемых нами ежедневно и повсюду над неприятелем, остается только быстро его преследовать, и тогда, может быть, земля русская, которую мечтал он поработить, усеется костьми его. Итак, мы будем преследовать неутомимо. Настают зима, вьюги и морозы; но нам ли бояться их, дети севера? Железная грудь ваша не страшится ни суровости погод, ни злости врагов, она есть надежная стена отечества, о которую все сокрушается. Вы будете уметь переносить и кратковременные недостатки, если они случатся. Добрые солдаты отличаются твердостию и терпением, старые служивые дадут пример молодым. Пусть всякий помнит Суворова, который научал сносить голод и холод, когда дело шло о победе и славе русского народа. Идем вперед! С нами бог! Пред нами разбитый неприятель, за нами да будет тишина и спокойствие.

Изображение военных действий, стр. 83—84.

151

1812 г. ноября 6. — Из «Журнала военных действий» о разгроме неприятеля под Красным.

... Около 3 ч. пополудни казаки ген.-м. Юрковского открыли корпус маршала Нея, который, действием нашей армии 5-го числа, будучи отделен от главных сил, шел от Смо-

ленска к Красному в намерении пробиться сквозь нашу армию. Ген. Милорадович, подкрепленный 8-м корпусом, ожидал приближения его. Густой туман скрывал число неприятельских колонн, которые приблизились на малый картечный выстрел и, невзирая на жестокий огонь, с бешенством бросились на наши батареи, но на расстоянии 250 шагов встречены были жесточайшим картечным огнем со всех батарей. Между тем ген.-м. Паскевич с бригадою лейб-гвардии, лейб-гвардии Уланский с правой, Павловский гренадерский с левой сторон бросились на другой ряд колонн, шедших на подкрепление первым, и, несмотря на сильный батальонный огонь, врезались и истребили все им встретившееся. Дежурный ген. Коновницын, по приказанию ген.-фельдмаршала устроив войска на левом фланге — бригаду 1-й кирасирской дивизии и лейб-гвардии конную батарею — поставил впереди оных конвойный казачий Чернозубова 4-го полк, приказав наблюдать неприятеля от г. Красного к переправе Сырокоренья, и при случае ничего не упустить к поражению. Полковник Чернозубов исполнил оное с большим успехом. Видя приближающегося неприятеля к переправе в ночное время, быстро на него ударил и отбил 10 пушек, обратил несколько из оных на него же и наносил ему жестокий вред, причем побил и потопил довольное число и взял в плен. Неприятель, потеряв пушки, знамена и множество пленных, был сбит с поля сражения и рассеян по лесам. Кавалерия под командою ген.-адъютанта Корфа его преследовала и поражала; в 5 часов вторично показались неприятельские колонны в твердом намерении пробиться, но удачное действие 24 батарейных орудий наносило им сильное поражение, и в то же время кавалерия, заскакав, принудила прислать парламентера и просить пощады. В 12 часов пополудни весь неприятельский корпус, положа оружие, сдался военнопленным. В сем деле неприятель потерял пленными: штаб- и обер-офицеров 100, нижних чинов 12 тыс., пушек 27, знамен 2 и штандартов 3. А всего неприятель потерял, считая с 3-го числа по 7-е пленными: генералов 8, из коих 1 умер от ран, штаб- и обер-офицеров — 300 и нижних чинов 21 170, пушек 209, считая с теми, которые им брошены на Смоленской дороге, подходя к Красному, и 800 зарядных ящиков взорвано казаками на воздух...

Материалы, т. XXI, стр. 241.

152

1812 г. ноября 6. — Из дневника Ц. Ложье об отступлении армии Наполеона.

...Наступила эта страшная зима, к которой мы совсем не подготовились. С 23 октября все изменилось: и пути, и внеш-

ность людей, и наша готовность преодолевать препятствия и опасности. Армия стала молчаливой, поход стал трудным и тяжким. Император перестал работать; он взваливает все на своих помощников, а те, в свою очередь, на своих подчиненных. Бертье, верное эхо, верное зеркало Наполеона, бывало, всегда начеку, всегда ясный, всегда определенный, ночью, как и днем, теперь только передает приказы императора, но ничего уже от себя не прибавляет. Масса офицеров растеряла всё — взводы, батальоны, полки; в большей своей части больные и раненые, они присоединяются к группам одиночек, смешиваются с ними, примыкают на время то к одной колонне, то к другой и видом своих несчастий еще более обескураживают тех, кто остается еще на своем посту. Порядок не в состоянии удержаться при наличности такого беспорядка, и зараза охватывает даже полковых ветеранов, участвовавших во всех войнах революции...

Но надо сказать и то, что борьба оказывается выше сил человеческих. Солдатам, еще стоящим под ружьем, все время одним приходится стоять лицом к лицу перед неприятелем. Они мучаются от голода и часто вынуждены спорить с вышедшими из рядов, которых они презирают, из-за какого-нибудь куска павшей лошади. Они подвергнуты всем ужасам зимы, они массами падают в местах, где властная необходимость заставляет их задержаться и повернуть лицо к неприятелю. Они умирают во сне, умирают на долгих переходах. Каждый шаг, каждое движение требуют от них усилий; а, кажется, что им надо хранить все свои силы, чтобы воспользоваться ими в момент битвы.

Вечером, в полях, где приходится останавливаться для ночного отдыха, они укладываются у подножия елей, белых берез или под повозками, кавалеристы с уздой в руках, пехотинцы оставляют на спине ранец и прижимают к себе оружие; точно как в стаде, они плотно прижимаются друг к другу и обнимаются, чтобы разогреться. Сколько раз при пробуждении среди этих обнявшихся находят уже остывший труп; его оставляют, не бросивши на него ни одного взгляда. Иные, чтобы развести огонь, вырывают с корнем деревья, иные в отчаянии поджигают дома, где расположились генералы. Иные, наконец, настолько изнурены усталостью, настолько слабы, что уже не в состоянии шевелить ногами; прямо и неподвижно, как призраки, сидят они перед кострами. Лошади грызут древесную кору, проламывают лед ударами копыт и лижут снег, чтобы утолить жажду.

Каждый бивак, каждый трудный переход, каждый сожженный дом открывает для взора кучу трупов, наполовину уже истребленных. К ним скоро подходят новые жертвы, которые, стараясь как-нибудь облегчить свои муки, устраиваются возле

дымящихся остатков среди испускающих последний вздох товарищей и сами вскоре подвергаются той же участи. Что же касается тех, кто попадает в руки казаков, то слишком нетрудно отгадать, как с ними поступают. Таково положение армии при возвращении из Москвы. Большую часть этого долгого пути единственной пищей служит для нее лошадиное мясо; спиртные напитки отсутствуют, а все ночи приходится проводить на открытых биваках при двадцатиградусном морозе.

Немыслимо описать, как страдают наши несчастные раненые. Всего сказанного недостаточно, чтобы выразить, какое сострадание возбуждают они к себе даже в самых загрубелых сердцах. В беспорядке наваленные на повозки, лошади которых падают, они оказываются покинутыми посреди дорог, около биваков, без помощи, даже без надежды получить ее. Открытые всем ужасам климата, ничем не прикрытые, умирающие, они ползают между трупами, поджидая смерти с минуты на минуту; и нет никого около, кто дал бы им хоть каплю воды, чтобы смочить их уста...

Ложье, стр. 301—304.

155

Из «Дневника партизанских действий» Д. В. Давыдова о нападениях его отряда на армию Наполеона.

...21 октября около полуночи мы прибыли за 6 верст от Смоленской дороги и скрытно остановились в лесу. За 2 часа пред рассветом мы двинулись на Ловитву. Не доходя этого села за 3 версты до большой дороги, нам начали попадаться несметное число обозов и много мародеров, которых мы подбирали без малейшего с их стороны сопротивления. Когда же мы достигли с. Рыбков, тогда увидели мы следующее: фуры, телеги, кареты, палубы, конные и пешие солдаты, офицеры, денщики и всякая сволочь, — всё двигалось беспорядочными массами. Если бы партия моя была бы вдесятеро сильнее и у каждого казака было бы по 10 рук, и тогда было бы невозможно захватить в плен десятую часть того, что следовало по большой дороге. Предвидя это, я еще пред выступлением на поиск предупредил казаков моих и дозволил им не брать более в плен, а, как говорится, катить головнею по всей дороге. Скифы мои не требовали на это подтвердительного приказания. Зато надо было видеть, как вся сия масса ужаснулась при появлении этих немирных путешественников. Надо было быть свидетелем этого странного сочетания криков отчаяния с возгласами ободрительными, выстрелов защищающихся с треском взлетавших на воздух артиллерийских палубов. Все это по-

крывалось громогласным «ура!» моих казаков. Это более или менее продолжалось до времени появления французской кавалерии и за нею гвардии; тогда по данному мною сигналу, вся партия отхлынула от дороги и начала строиться.

Между тем гвардия Наполеона, посредине которой он сам находился, стала подвигаться. Вскоре часть кавалерии бросилась с дороги вперед и начала строиться, с намерением отогнать нас далее. Я был совершенно убежден, что бой мне далеко не по силе, но я горел желанием погарцовать вокруг Наполеона и с честью отдать ему прощальный поклон за посещение его. Свидание наше было весьма недолговременно. Умножение неприятельской кавалерии, которая тогда была еще в довольно изрядном положении, принудило меня вскоре оставить большую дорогу и отступить пред громадами, валившими одна за другой. Однако во время этого перехода я успел взять с бою в плен 180 человек, при двух офицерах, и до самого вечера конвоировал с приличным почетом Наполеона...

Давыдов, стр. 88—90.

154

Из записок И. П. Радожицкого о деятельности партизанского отряда А. С. Фигнера.

...После того, как мы расстались с Фигнером под Москвою 2 сентября, я не имел о нем никаких известий до самого Тарутинского лагеря. Тут он явился опять, к живейшей радости любивших его товарищей... По дружескому настоянию Фигнер мало-помалу рассказал нам, что, расставшись со мною, он тотчас переоделся русским мужиком и пошел в Москву, тогда как пожар стал распространяться и французы занялись грабежом. Потом из числа оставшихся в Москве разного звания людей он составлял для истребления неприятелей вооруженные партии, делал с ними, среди пламени, в улицах и в домах засады, нападал на грабителей по силам и распоряжался так, что везде французы были убиваемы, особенно по ночам. Так Фигнер начал истреблять неприятелей, с шайкою удальцов, в самом городе, среди ужасов пожара и грабежа. Французы видели в развалинах пылающей русской столицы методическую войну отважного и скрытого мстителя; тщетно они искали, даже имели его перед глазами, и не могли найти. В простой одежде мужичка он днем бродил между французскими солдатами, чем мог им прислуживал, между тем вслушивался в их разговоры, потом распоряжался с своими удальцами для ночных нападений, и к утру по всем улицам являлись тела убитых французов...

Всякому партизану предоставлено было на собственный произвол выбирать себе подчиненных по роду оружия, какое

находил он приличным для своих предприятий; потому Фигнер, еще не заслуживший общего доверия, на первый раз был в затруднении. Но ему скоро пришла счастливая мысль: для истребления мародеров неприятельских обратиться к своим. Известно, что по флангам и в тылу всякой армии бывает всегда, под видом усталых и фуражиров, немалое число рассыпающихся по селениям и дорогам праздношатающихся вооруженных людей всякого рода войск, называемых мародерами или бродягами. Фигнер нашел довольно таких из легкой кавалерии; пеших посадил на крестьянских лошадей; увлекательным красноречием умел соединить их к общему участию для приобретения добычи и с двумя сотнями разнокалиберных удальцов начал производить свои набеги. Днем обыкновенно он прятал их в чащу леса, а сам, переодевшись французом, поляком или итальянцем, иногда с трубачом, а иногда один, ездил к неприятельским форпостам. Тут делал он выговор пикетному караулу за оплошность и невнимательность, давая знать, что в стороне есть партия казаков; в другом месте извещал, что русские занимают такую-то деревню, а потому для фуражирования лучше идти в противную сторону. Таким образом, высмотревши положение, силу неприятелей и расположив их по своим мыслям, он с наступлением вечера принимал настоящий вид партизана и с удальцами своими являлся, как снег на голову, там, где его вовсе не ожидали и где французы, по его уверению, почитали себя в совершенной безопасности. Таким способом отважный Фигнер почти ежедневно присылал в лагерь главной квартиры по 200 и 300 пленных, так что стали уже затрудняться там в их помещении и советовали ему истреблять злодеев на месте.

С помощью крестьян, которых Фигнер собирал, вооружал и чрез которых узнавал о силе и положении неприятелей, увеличивая беспрестанно свою партию прибылыми удальцами, он успел недалеко от Москвы, на Можайской дороге, отбить неприятельский парк, состоявший из шести новых пушек, с зарядными палубами, со всею прислугою и упряжью, который 4 месяца шел из Италии под слабым прикрытием; с тем вместе попалась ему небольшая казна золота. Деньги роздал он сподвижникам своим, все прочее сжег, а пушки заклепал и зарыл в землю. При этом он имел неосторожность оставить из числа пленных итальянцев нескольких при себе; они после разбежались, и один унтер-офицер, заметив отважность Фигнера, с отличными способностями во вред французам, описал им все его подвиги, храбрость и хитрости. С тех пор в армии неприятельской имя Фигнера стало ужасно, и голова его была оценена...

Радожицкий, стр. 206—211.

1812 г. ноября 13. — Письмо М. И. Кутузова П. В. Чичагову из Копыся о предполагаемом направлении движения главных сил армии к местечку Березино.

После сильного поражения неприятеля при Красном главная неприятельская армия направилась на Оршу и, перейдя Днепр, при сем месте оставила оный город 9-го числа. Ген. Платов с пятнадцатью казачьими полками, ген.-м. Бороздин с шестью следуют по бокам отступающего неприятеля, тогда когда ген. Милорадович с главным авангардом армии, состоящим из 54 баталионов пехоты и одного корпуса кавалерии, следует по пятам его.

Без сумнения Наполеон, отступая чрез Коханов, Толочин к Бобру, присоединит к себе Сен Сира и Виктора, вследствие чего предписано от меня гр. Витгенштейну соединенно с ген.-адъютантом Голенищевым-Кутузовым, не упуская из виду неприятеля, следовать быстро за ним. Ваше высокопревосходительство усмотреть можете, что, по мере соединения сил неприятельских в направлении к Борисову, сближатся и силы наши до нанесения сильного и, может быть, и последнего удара неприятелю.

Если Борисов занят неприятелем, то, вероятно, что оный, переправясь чрез Березину, пойдет прямейшим путем к Вильне, идущим чрез Зембин, Плещеницы и Вилейку. Для предупреждения сего необходимо, чтобы ваше высокопревосходительство заняли бы отрядом дефилею при Зембине, в коей удобно удержать можно гораздо превосходнейшего неприятеля. Главная наша армия от Копыса пойдет чрез Староселье, Цифжин, к местечку Березино, во-первых, для того чтобы найти лучше для себя продовольствие, во-вторых, чтобы упредить оного, если бы пошел от Бобра чрез Березино на Игумень, чему многие известия дают повод к заключениям. Ниже города Борисова в 8 верстах при д. Ухолоды весьма удобный брод для прохода кавалерии.

Остаюсь с истинным почтением и преданностию вашего высокопревосходительства покорный слуга. Подлинно подписал кн. Голенищев-Кутузов Смоленский.

№ 502. Ноября 13-го дня 1812 г. Главная квартира. Город Копысь.

Бумаги Щукина, ч. VI, стр. 109.

156

Из воспоминаний А. П. Ермолова о переправе через Березину.

... Показавшаяся в 28 верстах ниже Борисова часть неприятельской кавалерии и полученные известия, что там устраи-

вается переправа, отвлекли адмирала Чичагова к тому пункту. Отряд ген.-м. Чаплица оставался у селения Бытча, где настоящая предназначена была неприятелем переправа, закрывая собою в то же время так называемый Зембинский мост, чрез непроходимое болото построенный. Неприятель, воспользовавшись отсутствием прочих войск адмирала, приметив также, что ген.-м. Чаплиц отступает, построил 2 моста, перевел часть войск и артиллерии и предложил переправляться. Слабый отряд ген.-м. Чаплица,[1] не имея довольно сил воспрепятствовать переправе, должен был уступить неприятелю. Маршалы Гувион-Сен-Сир и Виктор соединились с Наполеоном 14-го числа. Арьергард их удерживал ген. гр. Витгенштейн в далеком еще от реки расстоянии, чему способствовала сильная кавалерия, скрывавшая отсутствие самих маршалов с войсками, и гр. Витгенштейн думал, что гонит все силы неприятеля, тогда как от самой позиции у Череи неприятель выиграл у него 2 марша и очень спокойно прибыл к переправе. Я смею предполагать, что гр. Витгенштейн с намерением не теснил неприятеля, желая дать время Наполеону пройти с войсками и иметь дело с одним арьергардом маршала Виктора.

Адмирал Чичагов, приметя сделанную им важную ошибку отдалением войск своих от селения Бытча, возвратился поспешно в прежнюю позицию, но уже нашел неприятеля в таких силах, которых достаточно было для обеспечения его переправы и которые, сверх того, овладели и Зембинским мостом и дефиле. Нельзя извинить ген.-м. Чаплица, что, оставляя позицию у переправы, он не приказал сжечь сего моста: такой недостаток соображения непростителен в частном начальнике.

16-го числа вместе с рассветом началась горячая перестрелка. Войска адмирала Чичагова не все еще прибыли. Атаман Платов, за неимением моста, не мог скоро к нему переправиться и по причине лесистого местоположения был для него бесполезен. Мой отряд в 9 часов утра был уже в Борисове, но, сделавши 18 верст марша и имея еще 12 верст до места сражения, делал небольшой привал. Четыре адъютанта адмирала Чичагова присланы были ко мне с приказанием итти сколько можно поспешнее, и я пришел на занимаемую адмиралом позицию прежде прибытия многих его войск.

В Борисове я нашел ген. гр. Витгенштейна со всею его главною квартирою. Нигде не видал я столько пустого и ни на что ненужного народа, таких дерзких и пустых вралей. Почти все адъютанты и даже те существа, которым звание ординарцев дается как бы с тем, чтобы они ни мыслить, ни говорить иначе не смели, как им приказывают, все выставляли сделанные ими удачные распоряжения, и редкий из них не был при-

[1] Он скоро возвратился, но не было средств удержать неприятеля.

чиною выигранной баталии, так что гр. Витгенштейну оставалось считать себя счастливым, что он служит под их руководством. Остатки города Борисова наполнены были отдавшеюся в плен неприятельскою конницею.

16-го числа в 10 часов утра передовые войска ген. гр. Витгенштейна показались перед позициею, которую удерживал неприятель на левом берегу реки. Прибывший авангард его начал канонаду мало весьма вредную для неприятеля, весь же его корпус не прежде собрался как к первому часу пополудни.

Между тем со стороны адмирала Чичагова сражение продолжалось с жестокостью. Местоположение, занятое неприятелем, было для него весьма невыгодным, ибо многочисленная артиллерия его и кавалерия, свежая и хорошая, оставались без действия, большая часть пехоты не иначе могла действовать, как в стрелках; артиллерия расположена была по одной большой дороге; одно свободное место в лесу, на котором могли устроиться 3 эскадрона кавалерии, занимал неприятель. Чичагов выигрывал расстояние и терял его попеременно, по превосходству сил; сражавшиеся войска переменял свежими, и одна неимоверная храбрость войск наших могла удержать место, но переправа была закрыта, и не только препятствовать ей, ниже видеть ее, было невозможно. Против войск гр. Витгенштейна по левому берегу реки неприятель занимал выгодную позицию: возвышенный берег не давал ни малейшей поверхности превосходным силам гр. Витгенштейна, и до глубокой ночи неприятель не уступил ни одного шага.

Атаман Платов употреблял все усилия сжечь мост и овладеть Зембинским дефиле, но без успеха: болотистые берега реки Гойны, в жесточайшие зимы не замерзающей, были неприступны. Большая партия казаков была отправлена в обход, но мост, по которому можно было перейти реку Гойну, был не ближе 30 верст. Не могли укрыться от неприятеля старания истребить Зембинский мост, и потому, не ожидая присоединения оставшихся на левом берегу Березины войск, решился неприятель ими пожертвовать для спасения прочих.

17-го числа в 8 часов пополуночи неприятель из позиции своей между реками Гойною и Березиною начал отступление на Зембин. Войска его, остававшиеся на левом берегу реки Березины, видя, что армия отступает, и боясь, чтобы адмирал Чичагов не занял переправы и не лишил их единственного средства к спасению, с такою стремительностью и беспорядком бросились на мосты, что те, не сдержав тяжести, обрушились. Пехота бросилась на лед, но несколько дней оттепели ослабили его и он обломился. Река с одного берега до другого покрылась телами; артиллерия и обозы, все было в воде, но большое еще количество осталось на берегу. При сем случае

потонуло не менее 6 тыс. человек; лошадей было вынуто из воды до 5 тыс.

Никогда в жизни не случится видеть столь ужасного зрелища. Несчастные, окончившие вместе с жизнию бедствия свои, оставили по себе завидовавших участи их: несравненно несчастнее были те, которые сохранили жизнь для того, чтобы от жестокости холода потерять ее в ужаснейших мучениях. Судьба, мстившая за нас, представила нам все виды смерти, все роды отчаяния.

В сей день, после погоды довольно теплой, вдруг сделался весьма сильный мороз и поднялась вьюга. По собственному пленных признанию, потеря неприятеля простиралась до 20 тыс. человек убитыми, утонувшими и отдавшимися в плен; взято было весьма много артиллерии, взяты были почти все обозы и чрезвычайно большая добыча. Богатства Москвы не перешли Березины: за них было заплачено бегством, срамом и жизнию. Потеря в армии адмирала Чичагова была весьма чувствительна: в корпусе ген. гр. Витгенштейна малозначащая.

Убедительнейшим доказательством того, что ген. гр. Витгенштейн мало весьма участвовал в сражении при Березине и дал время корпусам маршалов Гувион-Сен-Сира и Виктора переправиться чрез реку, служат самые пленные, взятые у сих корпусов адмиралом Чичаговым на правом берегу Березины. А как известно, что прежде переправлялись неприятельские войска, пришедшие от Смоленска, то по крайней мере в том не может быть ни малейшего сомнения, что они не были теснимы гр. Витгенштейном, так как в плен они попались не его войскам и на противоположном берегу реки. Столько же неосновательно приписывает себе ген. гр. Витгенштейн и то, что он прогнал неприятеля с левого берега реки Березины, ибо до того времени, как армия начала отступать на Зембин, неприятель не оставлял своего места и хотя ничего не препятствовало ему перейти и прежде, но он потому единственно удерживался, чтобы не отдать в руки войск наших возвышенного берега, с которого артиллерия наша могла бы наносить величайший вред войскам, сражавшимся на правом берегу, который низменным положением своим давал нам большие выгоды. Армия адмирала Чичагова переправилась чрез реку Гойну, на которой неприятель, отступая, сжег мост, и пошла вслед за неприятелем...

Ермолов, стр. 270—277.

157

Из воспоминаний А. Пасторе о голоде в армии Наполеона при отступлении.

...Первые дни похода после Березины мы, может быть, более чем когда-либо страдали от голода. Наши жалкие запасы

вышли, а случая возобновить их нам еще не представлялось. В самый день переправы мы втроем отправились к ген. Лаборду просить ужина. Он дал нам, что было у него у самого: то был суп из вареного овса с кусками жира, плававшими в ледяной воде. На третий день, после пяти- или шестичасовой ходьбы, падая от усталости и от голода, я купил на вес золота лепешку из навоза, смешанного с небольшим количеством ячневой крупы, и положил на нее полуиспорченную свекольную кожуру. То было бы единственной моей пищей, если бы ген. Шарпантье, бывший недавно витебским губернатором, а теперь считавшийся начальником генерального штаба 1-го корпуса, не дал мне немного хлеба и притом белого хлеба, показавшегося мне тончайшим кушаньем, какое только я когда-либо пробовал. Но по мере того, как мы подвигались вперед, лишения наши начинали становиться менее жестокими, и в деревнях, через которые нам случалось проходить, мы находили все больше и больше нужного нам. Говоря мы, я разумею офицеров, принадлежавших к императорскому дому и к генеральному штабу, или тех, кто сохранил еще достаточно денег, чтобы по какой бы то ни было цене покупать все необходимое. Остальные продолжали страдать до Кенигсберга, и страдания эти были ужасны. Я сам испытал их и видел, что у других они достигали до невыносимой степени. . .

Р. А., 1900, № 12, стр. 538.

Из записок А. Ф. Ланжерона об отступлении армии Наполеона после перехода через Березину.

. . . Холод стал давать себя знать, начиная с Зембина, было (11 декабря) — уже 28 градусов. Снегу выпало мало, и он растаял. 17 (29) шел дождь, а затем сразу наступил мороз, и сделалась гололедица, так что лошади с большим трудом держались на ногах; большая часть потеряли подковы, и нельзя было снова подковать. Генералы, офицеры, даже солдаты, кавалеристы и артиллеристы шли пешком, ведя лошадей под уздцы, каждую минуту останавливаясь, так как лошади спотыкались. Лишь невообразимые казаки все время не сходили с лошадей, которые не были подкованы. Между Зембином и Плющаницами, куда мы прибыли 20 ноября (2 декабря), и Иллией, которой мы достигли 21-го в полночь, после ужасного и чрезмерного по усталости перехода, мы нашли множество разломанных и оставленных экипажей, пушек, подвод, несчастных, истощенных, наполовину замерзших солдат. Но это еще ничего не значило в сравнении с тем ужасным зрелищем, которое поражало

нас во время дальнейшего похода. В продолжение этих трех дней наши солдаты, еще находившиеся в отчаянии по поводу пожара Москвы, приписанного французам, и знавшие, что во время своего бегства Наполеон приказал расстреливать русских пленников, которых не мог увести (это было засвидетельствовано самими французами), убивали прикладами несчастных, попадавших в их руки, называя их сожигателями Москвы. Офицеры по мере возможности противодействовали этому ужасному мщению, которое на самом деле оказывало услугу этим несчастным, сокращая их страдания.

Вскоре жалость заместила в сердцах наших солдат эту жажду мщения, конечно, ужасную и несправедливую, но, может быть, извиняемую тем злом, которое испытала их родина вторжением, напоминавшим самые варварские времена. Вскоре они смотрели молча и равнодушно на жертвы, которых рок им предоставлял, а потом делились с ними получаемою пищею, — напрасное, даже жестокое проявление человеколюбия, так как оно лишь продолжало мучительную агонию этих несчастных.

Между Иллией и Молодечной, куда мы прибыли 21 ноября (3 декабря), дорога идет по дремучему лесу; она была до такой степени загромождена трупами, что павлогородские гусары, составлявшие авангард и шедшие пешком, были принуждены подымать трупы пиками и отбрасывать их в стороны, чтобы очистить дорогу для колонны. Здесь и во время дальнейшего шествия открылось зрелище, которого, полагаю, не было и, вероятно, не будет еще раз. Русская армия шла сомкнутою колонной по середине дороги, а по бокам шли или, вернее сказать, тащились две неприятельские безоружные колонны: и те, и другие попирали ногами мертвых, коими была усеяна земля. Ежеминутно падали сотни беглецов. Доведенные до крайнего предела сил, необходимых для борьбы со смертью, они останавливались, падали и в корчах умирали.

Среди подобного крушения, заставлявшего страдать в такой степени чувство человеколюбия, если бы можно было испытывать хоть сколько-нибудь веселости, то костюм некоторых из жертв Наполеона мог бы ее внушить. Это был полный маскарад: гренадеры с длинными усами были украшены чепцами и одеты в женские шубы, другие облечены в одеяния русских священников, иные одеты в вышитые камергерские мундиры, разграбленные из повозок. Фигура самого Наполеона, как меня уверяли некоторые очевидцы, была не менее забавна. Когда он решался совершать путь верхом (это было редко, обыкновенно он восседал в прекрасной карете, закутанный в шубы), то садился на лошадь соловой масти, облаченный в огромную зеленую, расшитую галуном шубу, похищенную в Москве, и в большом меховом чепце. Он, как и другие, представлял собою настоящую карикатуру.

Бивуак французов.
С литографии по рисунку Фабер дю Фора.

После Березины несчастные французы, в коротеньком платье, в панталонах и жилетах из бумажной ткани, без шинелей, не имели никакой провизии и питались только лошадиной падалью; они резали ее кусками и жарили, нанизав на палку, но чаще ели ее сырьем, и эта ужасная пища причиняла им зачастую дизентерию, ослабляя их вместо того, чтобы подкреплять. Но выбора у них не было...

Увы, мне пришлось увидеть более страшные вещи. В лесу под Молодечною я видел только что родившую женщину, она испускала дух возле своего мертвого ребенка. Я видел мертвого человека: его зубы впились в ляшку еще трепетавшей лошади; видел мертвого в лошади: он выпотрошил ее и залез в нее, чтобы согреться. Я видел впившегося зубами в кишки мертвой лошади. Я не видел, чтобы несчастные французы пожирали друг друга, но я видел трупы с кусками мяса, вырезанными для пищи. Мы находили трупы в подводах, из которых были выброшены припасы. Ген. Башилов подобрал под Иллией молодого офицера, ослабевшего от лишений; он дал ему хлеба, надел на него шубу и посадил в свою коляску. Прибыв в Иллию, он нашел его мертвым.

На изуродованных фигурах всех этих трупов можно было еще замечать их характер и выражение той минуты, когда они умирали: один умер, простирая руки к небу, к которому он, конечно, возносил свои моления при последнем издыхании; другой, сжав руки и в положении молящегося; третий — подняв кулак с видом отчаяния, угрозы и ярости, конечно, против Наполеона. Но так велико было обаяние его личности, что никто из всех отчаявшихся не посягнул на его жизнь и персону.

Среди всех этих ужасов кровожадный и безучастный деспот думал лишь о себе, заботился только о своей особе; закутавшись в шубы, он спал в своей карете, катившейся по трупам. Он издевался над страданиями жертв; окруженный тысячами умирающих от голода, он заботился усердно о своем обеде и сладко кушал, ни разу не лишив себя бордо и шампанского...

Р. А., 1895, № 10, стр. 154—157.

159

Из воспоминаний Н. Е. Митаревского о преследовании Наполеона.

... Не только иностранные писатели, но и наши слишком много преувеличивают морозы. Они пишут, что от Березины до Вильно были постоянные морозы от 25 до 27° и доходили до 28°. Пехота при таких морозах, идя скорым шагом по сыпкому снегу, могла бы согреваться. Пришедши на квартиры,

она имела время отдохнуть по избам и у разложенных огней, ей только и было дела, что составить ружья в козлы и поставить нескольких часовых. В артиллерии же было труднее — она тянулась очень медленно по снегу. Когда не было остановок, то мы уходили в час версты четыре. Беспрестанно случалось, что орудия и ящики заседали в снежных сугробах и раскатах, случалась ломка и другие остановки. Переход в 20 или 25 верст совершали мы в течение целого дня. Поднявшись почти до света, часто приходили на ночлег часу в осьмом, а иногда и позже. Однажды даже не ночевали на своих квартирах по случаю ветра и метели. Днем давали артиллерии отдых только часа на полтора или на два. В это время нужно было доставать фураж: голодные лошади не повезли бы по такой тяжелой и ухабистой дороге. Питаясь гнилою соломою с крыш и обгрызывая хвосты одна у другой, как пишут историки, они не далеко бы ушли. Нужно было отпречь и расставить их, подмазать колеса в артиллерии и обозах, причем приходилось иногда с трудом вытаскивать застывшие чеки у осей. Приходилось расчищать водопои в реках, а иногда поить лошадей из колодцев. Пищу варили большею частью на открытом воздухе. Наконец, нужно было запрягать лошадей и укладываться. Вставали рано, останавливались поздно. Если принять во внимание все предыдущее, то мало оставалось времени солдатам греться по избам: большую часть времени они оставались на морозе.

Упомянутые работы производились в потертых и выношенных шинелях и мундирах, в киверах, в обыкновенных солдатских сапогах, в плохих рукавичках. Да было довольно и такого дела, которое нужно было делать голыми руками, например: мазать колеса, распрягать и запрягать лошадей и прочее. Несмотря на то, замерзших у нас не было. Было несколько человек, больше молодых, с приморожеными носами и пальцами на руках и ногах, но очень мало. С нашими солдатами случалось почти то же самое, что и в мирное время в зимние походы, при всех выгодах. Штабс-капитан имел волчью шубу, у меня был тулупчик, но походом я так истаскал его, что были только остатки. Прочие офицеры были в мундирах, потертых легких шинелях, но, накидывая сверху плащи из крестьянского сукна, они достаточно согревались. Во всей роте было, может быть, с полдюжины тулупчиков на солдатах. Знали, что купить их было и негде и не на что, но мы не доискивались, откуда их доставали.

Что иностранные писатели все почти единодушно приписывают истребление наполеоновской армии голоду и морозам, то это неудивительно. Все почти имели там своих представителей, и не сознаться же им пред целым светом и потомством, что истребили их действия русских армий! Странно, что и

наши историки истребление наполеоновской армии приписывают тем же причинам, не исследуя настоящих причин. И неужели позднейшее потомство останется навсегда того мнения, что наполеоновская армия истреблена не мужеством и терпением русских войск и распорядительностию генералов, а голодом и морозом! ? Русская армия тоже страшно терпела, и даже более, чем наполеоновская, так как шла сзади ее, а следовательно, должна была продовольствоваться остатками от нее. Неприятельская армия в бегстве бросала оружие и прочую амуницию и бежала с одними только пустыми ранцами, а часто и без них, между тем как наша шла в полной амуниции, даже не оставляя шанцевого инструмента. Правда, было много отставших и в нашей армии, но это происходило не от голода и холода, а от непомерных трудов. Большая часть офицеров были люди недостаточные и потому, при малом жалованье, были привычны ко всяким лишениям, но было довольно пожилых генералов и штаб-офицеров, имевших нужду в покое... От Тарутина же до Вильно, в продолжение двух месяцев, мы не проходили ни одного города, а потому, кроме скудных припасов у незначительного числа маркитантов, нигде не могли ничего достать ни за какие деньги. С трудом даже доставали самый простой курительный табак. И не только ни от кого не слышно было ропота и жалоб, но даже было в обыкновении хвалиться пренебрежением к удобствам...

Митаревский, стр. 174—177.

140

1812 г. декабря 31. — Из приказа М. И. Кутузова по русской армии в связи с окончанием Отечественной войны.

Храбрые и победоносные войска! наконец вы — на границах империи. Каждый из вас есть спаситель отечества. Россия приветствует вас сим именем: стремительное преследование неприятеля и необыкновенные труды, подъятые вами в сем быстром походе, изумляют все народы и приносят вам бессмертную славу. Не было еще примера столь блистательных побед. Два месяца сряду рука ваша каждодневно карала злодеев, путь их усеян трупами. Токмо в бегстве своем сам вождь их не искал иного, кроме личного спасения. Смерть носилась в рядах неприятельских; тысячи падали разом и погибали. Тако всемогущий бог изъявлял на них гнев свой и поборал своему народу. Не останавливаясь среди геройских подвигов, мы идем теперь далее. Прейдем границы и потщимся довершить поражение неприятеля на собственных полях его, но не последуем примеру врагов наших в их буйстве и неистовствах, унижающих солдата. Они жгли домы наши, руга-

лись святынею, и вы видели, как десница вышнего праведно отмстила их нечестие. Будем великодушны: положим различие между врагом и мирным жителем. Справедливость и кротость в обхождении с обывателями покажет им ясно, что не порабощения их и не суетной славы мы желаем, но ищем освободить от бедствия и угнетений даже самые те народы, которые вооружались против России.

Материалы для истории дворянства С.-Петербургской губ., т. II, вып. I, СПб. 1912, стр. 153.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН, ПОМЕЩЕННЫХ В ЗАГОЛОВКАХ ДОКУМЕНТОВ

Андреев Николай Иванович, батальонный адъютант 50-го Егерского полка 27-й пехотной дивизии русской 2-й Западной армии.

Антоновский Антон Иванович, поручик 26-го Егерского полка в корпусе Витгенштейна.

Аракчеев Алексей Андреевич, гр., ген.-от-арт., в 1812 г. состоял в свите Александра I.

Арндт Эрнст Мориц, немецкий поэт; в 1812 г. находился в Петербурге в качестве помощника барона Штейна по организации немецкого легиона.

Багратион Петр Иванович, кн., ген.-от-инф., командующий 2-й русской Западной армией, смертельно ранен в сражении при Бородине.

Балашев Александр Дмитриевич, ген.-адъютант, с 1810 по 1819 г. — министр полиции.

Баранов Николай Иванович, сенатор, почетный опекун Московского воспитательного дома.

Барб-Негр Жозеф, ген., во время оккупации армией Наполеона Белоруссии и Смоленской губ. был назначен военным губернатором Борисова, а затем — Смоленской губ.

Барклай де-Толли Михаил Богданович, ген.-от-инф., военный министр, командующий 1-й Западной армией; до назначения М. И. Кутузова (8 августа 1812 г.) исполнял обязанности главнокомандующего русской армией; с 22 сентября отстранен от должности.

Бертье Александр, кн. Невшательский, герцог Ваграмский, маршал, начальник штаба армии Наполеона.

Бестужев-Рюмин Алексей Дмитриевич, коллежский асессор, служил в Московском вотчинном департаменте; во время оккупации армией Наполеона Москвы был членом Московского муниципалитета.

де-Боволье Петр Людовик, гр., интендант 5-й Кирасирской дивизии армии Наполеона.

Богарне Евгений-Наполеон, герцог Лейхтенбергский, кн. Эйхштадтский, вице-король итальянский, маршал, командир 4-го корпуса армии Наполеона; после отъезда Мюрата принял командование над остатками армии Наполеона.

Булгаков Александр Яковлевич, секретарь по секретной дипломатической переписке Ф. В. Ростопчина.

Бургонь Адриен-Жан-Батист-Франсуа, сержант гвардейского батальона фузелеров-гренадеров армии Наполеона.

Бутенев Аполлинарий Петрович, чиновник канцелярии министерства иностранных дел; в 1812 г. (с июня по сентябрь) состоял в дипломатической канцелярии 2-й Западной армии.

Вильсон Роберт-Томас, ген., английский комиссар при штабе главнокомандующего русской армией.

Витгенштейн Петр Христианович, гр., ген.-л., командир 1-го корпуса, действовавшего на правом фланге русской армии и прикрывавшего дорогу в Петербург.

Властов Егор Иванович, ген.-м., командовал в корпусе Витгенштейна частями авангарда и арьергарда.

Волконский Сергей Григорьевич, кн., полковник; с начала войны состоял в свите Александра I, затем — в отряде Винценгероде, которым был послан к Александру I с донесением; после оставления армией Наполеона Москвы командовал партизанским отрядом; декабрист.

Воронцов Семен Романович, гр., дипломат, русский посол в Англии с 1785 по 1806 г., после чего, находясь в отставке, проживал в Лондоне.

Вязмитинов Сергей Кузьмич, ген.-от-инф.; 1812 г. (с сентября) — председатель Комитета министров и управляющий военным министерством; кроме того, ему был поручено заведывание министерством полиции и управление Петербургом.

Голенищев-Кутузов Смоленский, Михаил Илларионович, кн., ген.-от-инф., после Бородинского сражения фельдмаршал; 17 июня был избран начальником Петербургского ополчения, с 8 августа — главнокомандующий русской армией.

Голицын Александр Николаевич, кн., с 1810 г. обер-прокурор Синода.

Граверт Ю. А. Р., ген., командир прусского вспомогательного отряда, входившего в состав 10-го французского корпуса под командой маршала Макдональда, действовавшего на рижском направлении.

Гудович Иван Васильевич, гр., ген.-фельдмаршал, с 1809 по февраль 1812 г. — главнокомандующий в Москве.

Давыдов Денис Васильевич, подполковник Ахтырского гусарского полка, знаменитый партизан, поэт.

Дедем де-Гельдер, ген., голландец, командующий бригадой в авангарде армии Наполеона.

Домерг Арманд (Луи-Антуан), с 1809 г. — режиссер французского театра в Москве; в 1812 г. выслан Ростопчиным в Макарьев.

Егоров Анатолий Евгеньевич, сотрудник «Русской старины» в 1880 гг.

Емельянов, крестьянин Сычевского у. Смоленской губ., отставной майор; организатор и предводитель партизанского отряда крестьян.

Ермолов Алексей Петрович, ген.-л., начальник штаба 1-й Западной армии; после сражения при Бородине — начальник штаба обеих русских армий.

Жиркевич Иван Степанович, поручик гвардейской артиллерии.

Ивашкин Петр Алексеевич, ген.-м., московский полицеймейстер.

д'Изарн-Шевилье, французский эмигрант, торговец в Москве.

Иловайский 4-й, ген.-м., командир кавалерийского корпуса.

Клаузевиц фон Карл, прусский майор, эмигрант; с начала войны 1812 г. состоял адъютантом ген. Фуля, затем — начальником штаба кавалерийского корпуса ген. Палена, а потом — кавалерийского корпуса Уварова; с ноября состоял в штабе корпуса Витгенштейна; крупнейший военный писатель.

Кольчугин Григорий Никитич, гоф-маклер в коммерческом банке в Москве; при оккупации армией Наполеона Москвы был членом Московского муниципалитета.

Коновницын Петр Петрович, ген.-л.; с начала войны командовал 3-й пехотной дивизией 2-й Западной армии; с 4 сентября 1812 г. — дежурный ген. при штабе Кутузова.

Курин Герасим Матвеевич, крестьянин Вохонской экономической вол. Богородского у. Московской губ.; предводитель партизанских отрядов крестьян.

Лавров, ген.-л., в начале войны — начальник главного штаба.

Ланжерон Александр Федорович (Людовик-Александр-Андро), французский эмигрант, ген.-от-инф., командующий корпусом в армии Чичагова.

де-Лессепс Жан Батист-Бартоломи, барон, до войны — французский консул в Петербурге; во время оккупации Москвы армией Наполеона был назначен московским интендантом.

Ложье Цезарь, второй лейтенант, адъютант при штабе легкоконного (велитского) полка королевской гвардии Евгения Богарне.

Лонгинов Николай Михайлович, секретарь императрицы Елизаветы Алексеевны.

Лористон Александр-Жак-Бернар, маркиз, ген. и дипломат; с апреля 1811 г. по май 1812 г. — посол в Петербурге, после чего состоял при штабе армии Наполеона.

Маевский Сергей Иванович, ген., с начала войны состоял при штабе 2-й Западной армии, после оставления Москвы — начальник канцелярии главнокомандующего.

Мевиус Аполлон Федорович, в 1812 г. — офицер Горного корпуса.

Митаревский Николай Евстафьевич, офицер 7-й артиллерийской бригады 6-го корпуса 1-й Западной армии.

Михайловский-Данилевский Александр Иванович, адъютант М. И. Кутузова, вел журнал военных действий, первый историк Отечественной войны.

Муравьев (Карсский) Николай Николаевич, прапорщик; во время войны состоял в квартирмейстерской части штаба главнокомандующего; при преследовании отступающей армии Наполеона находился в авангарде русской армии.

Нахимов Николай Матвеевич, уездный предводитель дворянства Сычевского у. Смоленской губ.

Норов Авраам Сергеевич, прапорщик гвардейской артиллерии.

Оденталь Иван Петрович, чиновник Петербургского почтамта, корреспондент А. Я. Булгакова.

Опперман Карл Иванович, ген.-л., начальник Инженерного департамента; руководил возведением крепостей в Динабурге и Бобруйске; с начала войны находился при 1-й и 3-й Западных армиях, с октября состоял при штабе главнокомандующего.

Пасторе Амеде-Давид, аудитор в Государственном Совете Наполеона; при оккупации Витебска армией Наполеона был назначен индендантом Витебской губ.

Перовский Василий Алексеевич, гр., офицер-квартирмейстер казачьих войск 2-й Западной армии; при занятии Москвы армией Наполеона был взят в плен.

Платов Матвей Иванович, ген.-от-кав., атаман войска Донского, командующий казачьими полками, находился в авангарде русской армии.

Пущин Николай Николаевич, прапорщик лейб-гвардии Литовского полка.

Пюибюск А., ген.-обер-провиантмейстер армии Наполеона.

Радожицкий Илья Петрович, поручик 2-й артиллерийской бригады 1-й Западной армии.

Ростопчин Федор Васильевич, гр., ген.-от-инф.; с 29 мая 1812 г. по 1814 г. — ген.-губернатор и главнокомандующий Москвы.

Румянцев Николай Петрович, гр., государственный канцлер и председатель Государственного Совета.

Самусь (Потапов) Федор, солдат Елизаветградского гусарского полка, организатор и предводитель отряда крестьян в Гжатском у. Смоленской губ.

Свистунов Петр Николаевич, корнет Кавалергардского полка, декабрист.

Сегюр Филипп-Поль, гр., ген., военный писатель; в 1812 г. — адъютант Наполеона.

Снегирев Иван Михайлович, в 1812 г. — кандидат словесных наук Московского университета.

Суходольский Николай Петрович, отставной ротмистр, судья Мосальского у., начальник Мосальской кордонной стражи.

Тормасов Александр Петрович, гр., ген.-от-кав., командующий русской

3-й Западной армией; с октября 1812 г. (после соединения 3-й армии с Молдавской) состоял в штабе М. И. Кутузова.

Тутолмин Иван Васильевич, ген.-м., начальник Воспитательного дома в Москве.

Тучков 3-й Павел Алексеевич, ген.-м., командир 2-й бригады 17-й пехотной дивизии 1-й Западной армии; в сражении при Валутиной горе, тяжело раненый, был взят в плен неприятелем.

Уваров Федор Петрович, гр., командир 1-го кавалерийского корпуса 1-й Западной армии.

Фабер Готтиль Федор, чиновник русского министерства иностранных дел.

Фигнер Александр Самойлович, штабс-капитан 11-й артиллерийской бригады 1-й Западной армии, знаменитый партизан.

Четвертаков Ермолай, солдат Киевского драгунского полка, организатор и предводитель отряда крестьян в Гжатском у. Смоленской губ.

Чичагов Павел Васильевич, адмирал, командующий Дунайской армией; должен был при Березине отрезать путь армии Наполеона, но не справился с этой задачей.

Шаховской Александр Александрович, кн., литератор и театральный деятель; в 1812 г. командовал полком Тверского ополчения.

Шепелев Василий Федорович, начальник Калужского ополчения.

Штакельберг (Стакельберг) Густав Оттонович, гр., русский посланник в Австрии.

Щербаков, коллежский советник, один из уездных комиссаров Смоленской губ. во время оккупации ее армией Наполеона.

Яковлев Иван Алексеевич, отец А. И. Герцена.

Якушкин Иван Дмитриевич, подпрапорщик лейб-гвардии Семеновского полка, участвовал в ряде сражений, декабрист.

Эделинг Роксандра Скарлатовна, гр., фрейлина императрицы Елизаветы Алексеевны.

Эссен 1-й Иван Николаевич, ген.-л.; в 1810 г. — рижский военный губернатор; в 1812 г. — командующий войсками, стоящими против корпуса Макдональда.

И-I Ребятушки Напартовъ здѣсь какъ много.
Слышь Власьевна.' держи на привязи ихъ строго.

Карикатура А. Г. Венецианова.

«Угощение Наполеону».
Карикатура И. И. Теребенева.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ В БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛКАХ

Аглаимов — Отечественная война 1812 года. Собрал С. П. Аглаимов. Исторические материалы лейб-гвардии Семеновского полка, Полтава, 1912.

Акты — Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов, т. 37. Вильна, 1912.

Апухтин — Апухтин В. Р. Народная военная сила. Дворянское ополчение в Отечественную войну. 1812—1912. Архивные материалы, М., 1912.

Ассонов — В тылу армии. Калужская губерния в 1812 году. Обзор событий и сборник документов. Составил В. А. Ассонов. Изд. П. И. Щукина, Калуга, 1912.

Афанасьев — Афанасьев В. Подлинные документы о Бородинском сражении 26 августа 1812 г. Изд. Кружка ревнителей памяти Отечественной войны 1812 года, М., 1912.

Ахлестышев — Двенадцатый год. Исторические документы собственной канцелярии главнокомандующего 3-ею Западною армиею ген.-от-кав. А. П. Тормасова. Извлек из семейного архива и привел в порядок Д. П. Ахлестышев, СПб., 1912.

Беляев — Беляев В. К истории 1812 года. Письма маршала Бертье к принцу Евгению-Наполеону Богарне, вице-королю Итальянскому. СПб., 1905.

Бумаги Щукина — Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Щукиным, чч. I—X, М., 1897—1908.

Бургонь — Пожар Москвы и отступление французов 1812 г. Воспоминания сержанта Бургоня. Перевод с французского Л. Г. Изд. А. С. Суворина, СПб., 1898.

Wilson Robert. Narrative of Events Düring the Invasion of Russia by Napoleon Bonoparte... London. 1860.

Военно-ист. вестник — Военно-исторический вестник, изд. при Киевском отделе императорского Русского военно-исторического общества. Киев.

Горяинов — Горяинов С. 1812. Документы Государственного и С.-Петербургского главного архива. СПб., 1912.

Давыдов — Сочинения Дениса Васильевича Давыдова, т. II. Проза. Дневник партизанских действий 1812 года. Изд. Я. Соколова, СПб., 1895.

Дубровин — Отечественная война в письмах современников (1812—1815 гг.). Н. Дубровин. Приложение к XLIII тому Записок Академии Наук, № 1, СПб., 1882.

Ермолов — Записки Алексея Петровича Ермолова. Материалы для истории войны 1812 года. М., 1863.

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.

Журналы Комитета министров — Журналы Комитета министров в царствование императора Александра I, 1802—1826 гг., т. II, 1810—1812 гг. СПб., 1891.

Изображение военных действий — Изображение военных действий 1812 года. Соч. Барклая де-Толли. СПб., 1912.

Ист. Вестн. — «Исторический Вестник».
Клаузевиц — Клаузевиц. 1812 год. М., 1937.
Краснянский — Краснянский В. Г. Минский Департамент великого княжества Литовского (эпизод из истории войны 1812 г.). СПб., 1902.
Ложье — Ложье Цезарь. Дневник офицера великой армии в 1812 году. Перевод с французского под ред. Н. П. Губского. Изд. «Задруга», М., 1912.
Материалы — Материалы Военно-ученого архива Генерального штаба. Отечественная война. Отд. I. Переписка русских правительственных лиц и учреждений, тт. I—XXI.
Митаревский — Воспоминания о войне 1812 года Николая Евстафьевича Митаревского. Записки о том, что мог видеть и испытать молодой артиллерийский офицер в кругу своих действий. М., 1871.
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи.
Пюибюск — Письма о войне в России 1812 года. Сочинение Пюибюска, ген.-обер-провиантмейстера войск Наполеоновых. Перевод Александра Рюмина. М., 1833.
Радожицкий — Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 г. Артиллерии подполковника И. Р(адожицкого).
Р. А. — Русский Архив.
Р. Ст. — Русская Старина.
Сб. РИО — Сборник императорского Русского исторического общества.
Сб. ист. матер. — Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной его императорского величества канцелярии.
Сегюр — Граф де-Сегюр. Поход в Россию. Записки адъютанта императора Наполеона I. С предисловием Мельхиора де-Вогюэ. Перевод с французского Э. Пименовой и Н. Васина. Книгоиздательство «Польза» В. Антик и К°, М., 1912.
Смоленская старина — Смоленская старина, вып. II (1812—1912). Смоленск, 1912.
«1812 год» — Журнал «1812 год».
Харкевич — Харкевич В. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Материалы Военно-ученого архива Главного штаба, вып. I—IV, Вильна.
Якушкин — Записки И. Д. Якушкина. Изд. «Современные проблемы», М., 1926.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРЕЧЕНЬ ВАЖНЕЙШИХ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ 1812 Г. (ПО СТАРОМУ СТИЛЮ)

Июнь

10 — Объявление Наполеоном приказа о начале «второй польской войны».
11 — Главные силы армии Наполеона подошли к Неману; корпус Макдональда подошел к Тильзиту.
11 — 12 — В ночь с 11-го на 12-е началась переправа армии Наполеона через Неман против Ковно.
12 — Занятие Ковно армией Наполеона; корпус Макдональда переправился через Неман у Тильзита.
13 — Армия Наполеона тремя колоннами выступила из Ковно; приказ Александра I по армии о переходе армии Наполеона через Неман и о начале войны.
16 — Занятие армией Наполеона Вильны.
18 — Корпус Макдональда прибыл в Россиены.
19 — Главные силы I русской армии прибыли в Свенцяны; встреча Балашова с Наполеоном в Вильне; II армия прибыла в Слоним; Платов с казаками прибыл в Лиду.
22 — Корпус Жерома выступил из Гродно и Белостока с целью атаковать Багратиона.
22 — 23 — Переправа II армии через Неман у Николаева; Багратион получил известие о занятии армией Даву Вишнев.
26 — Корпус Макдональда выступил из Россиен.
28 — 29 — II армия выступила из Несвижа к Слуцку.
27 — 29 — Войска I армии вступили в лагерь на Дриссе.

Июль

1 — II армия расположилась у Слуцка.
2 — Начался выход I армии из Дрисского лагеря.
5 — Командир 1-го отдельного пехотного корпуса Витгенштейн получил от Барклая предписание остаться близ Дриссы для прикрытия дороги на Петербург.
6 — II армия собралась в Бобруйске; I армия прибыла в Полоцк.
7 — В Бобруйске Багратион получил повеление Александра I двинуться через Могилев и Оршу на соединение с I армиею; часть войск двинулась в тот же день.
8 — Армия Наполеона заняла Могилев.
9 — Авангард II армии (Раевский) достиг Старого Быхова.
10 — 11 — Сражение войск II армии с войсками Даву у Салтановки.
11 — I армия прибыла в Витебск.
12 — II армия отступила к Новому Быхову; главные силы армии Наполеона в Бешенковичах.
13—14 — Сражение при Островне.

14 — Корпус Удино занял Полоцк; главные силы II армии переправились через Днепр у Нового Быхова.
15 — Русские войска очистили Динабург; сражение между арьергардом Палена и армией Наполеона около Витебска.
16 — Русский арьергард оставил Витебск; корпус Удино выступил из Полоцка по пути на Петербург.
17 — Кутузов избран командующим Петербургским ополчением.
18 — Корпус Удино подошел к Клястицам.
18 и 19 — Сражение при Клястицах.
19 — Адмирал Чичагов выступил из Валахии на Волынь.
20 — Сражение при Боярщине.
20 — К Смоленску прибыла I армия.
22 — К Смоленску прибыла II армия.
27 — Платов разбил под Инковым (при Молевом болоте) авангард Себастьяни.
28 — Дохтуров с двумя пехотными и двумя кавалерийскими корпусами перешел к Мощинке, куда перенесена и главная квартира.
29—30 — Войска III армии сосредоточились у Городечны.
31 — Сражение у Городечны (III армия).

Август

1—2 — Армия Наполеона переходила через Днепр у Расасны и у Хомина и направилась через Ляды к Красному.
2 — Сражение под Красным (Неверовский); начало переправы армии Наполеона через Днепр.
4—6 — Сражение под Смоленском.
4 — II армия днем вернулась в Смоленск.
5 и 6 — Сражение при Полоцке.
6 — В ночь на 6-е войска, оборонявшие Смоленск, начали сниматься с позиций и переходить через Днепр.
6 — Наполеон вошел в Смоленск.
7 — Винценгероде подошел к Витебску; сражение при Лубине (при Валутиной горе).
8 — Указ Александра I о назначении Кутузова главнокомандующим; части I армии переправились через Днепр у Соловьевой переправы.
11 — Кутузов выехал из Петербурга к армии.
В ночь с 11-го на 12-е русские армии отошли к Дорогобужу.
В ночь с 12-го на 13-е русские армии начали отступление к Вязьме.
15 — Русские армии расположились у Вязьмы.
16 — Русские армии отступили к Федоровскому.
17 — Войска Тормасова отступили за реку Стырь; русские армии отступили к Цареву-Займищу; Кутузов прибыл в Царево-Займище; армия Наполеона заняла Вязьму.
19 — Русские войска снялись с позиции у Царева-Займища; I и II армии прошли через Гжатск.
20 — Наполеон прибыл в Гжатск.
21 — Главные силы I и II армий отошли от д. Дурыкина к Колоцкому монастырю.
22 — Русская армия отступила к с. Бородину; в с. Бородине к русской армии присоединились ополчения Московское и Смоленское.
23 — Сражение между арьергардом русской армии и конницей Мюрата у Гриднева.
24 — Сражение между арьергардом русской армии и конницей Мюрата у Колоцкого монастыря; бой при деревнях Шевардине и Доронине.
25 — К вечеру вся армия Наполеона стояла около д. Валуевой.
26 — Сражение при Бородине.
27 — Русские войска до рассвета снялись с Бородинской позиции и отступили за Можайск к с. Жукову.

28 — Русские войска отошли к Землину.
29 — Русские войска отошли за р. Нару к с. Крутицам.
31 — Александр отправил к Кутузову Чернышева с планом захвата Наполеона в плен.

Сентябрь

1 — Русская армия, выступив от Мамоновой, двинулась к Москве и расположилась на бивуаках в 2 верстах от Дорогомиловской заставы; военный совет в д. Филях.
В ночь на 2-е главные силы русской армии выступили с Поклонной горы.
2 — Вступление авангарда армии Наполеона в Москву; вечером вспыхнул пожар в нескольких пунктах Москвы; русская армия дошла до Панки и здесь ночевала.
3 — Из Петербурга к Себежу выступил первый отряд петербургского ополчения; Наполеон перенес в 6 час. утра главную квартиру в Кремль; дневка русской армии у д. Панков.
4 — В полдень начался пожар в Кремле; переход Наполеона из Кремля в Петровский дворец; донесение Кутузова из Жилина Александру I об оставлении Москвы; главные силы русской армии переправились по Боровскому мосту за Москва-реку.
5 — Русская армия форсированным маршем перешла от Боровского моста на дорогу Москва — Каширa; главные силы русской армии двинулись по правому берегу р. Пахры по направлению к Подольску; арьергард под сильным натиском неприятеля переправился через Москва-реку.
6 — Русская армия достигла Подольска.
7—9 — Дунайская армия прибыла на р. Стырь.
8 — Главные силы русской армии перешли к с. Горкам; правительственное сообщение о занятии Москвы армией Наполеона; русская армия достигла селения Горок на Старой Калужской дороге.
9 — Главные силы русской армии расположились у с. Красной Пахры.
9—16 — Рейд ген. Дорохова из с. Десны на Старую Смоленскую дорогу.
В ночь на 10-е корпус Понятовского выслан к Подольску и Мюрату отдано приказание преследовать русскую армию по пятам.
В ночь с 9-го на 10-е Наполеон получил донесение, что его авангард потерял из вида русскую армию.
10 и 11 — Армии Тормасова и Чичагова переправились через р. Стырь.
15 — Главные силы русской армии отошли к Бабенкову.
16 — Русские войска перешли в д. Бабенково; арьергард занял позицию при Красной Пахре.
17 — Мюрат атаковал русский арьергард у Красной Пахры, но был отбит.
19 — Русская армия отступила к Спас-Купле.
20 — Главные силы русской армии вступили в лагерь при Тарутине.
22—6 октября — Русская армия и армия Мюрата стояли друг против друга.
23 — Свидание Кутузова с Лористоном.
27 — Дорохов занял Верею.
28 — 3-я западная армия заняла Брест-Литовский.

Октябрь

3 — Корпусы Шварценбергера и Рейнье вытеснены 3-й Западной армией за Буг в герцогство Варшавское.
4 — Начало наступления войск Витгенштейна к Полоцку.
5—8 — Сражение при Полоцке.
6 — Сражение при Тарутине на речке Чернишне.
В ночь с 6-го на 7-е армия Наполеона стала сосредоточиваться под Москвой (у Калужской заставы) для выступления.
7 — Корпус Штейнгеля подошел к Полоцку с правого берега Двины; армия Наполеона выступила из Москвы.

В ночь на 8-е корпус Сен-Сира оставил Полоцк.
9 — Наполеон перенес главную квартиру в Плесково (близ Игнатова).
10 — Войска Дорохова выступили из Тарутинского лагеря по направлению к Фоминскому.
В ночь с 10-го на 11-е Мортье ушел из Москвы, взорвав Кремль.
11 (утром) — В Москву вступил отряд Иловайского 4-го.
11 (вечером) — Русская армия выступила из Тарутинского лагеря к Спасскому; армия Наполеона вступила в Малоярославец; переход корпуса Витгенштейна на левый берег Двины.
12 — Сражение при Малоярославце.
14 — Отступление Наполеона от Малоярославца; русская армия отведена от Малоярославца назад по Ново-Калужской дороге.
В ночь на 15-е Милорадович отвел авангард от Малоярославца к Афанасову; в то же время Даву очищал Малоярославец.
На рассвете 15-го русские передовые посты заняли Малоярославец.
15 — Главная квартира Наполсона перешла в Верею.
16 — Авангард корпуса Витгенштейна занял д. Высокие Стены; Чичагов двинулся из окрестностей Пружан к Минску; Наполеон с гвардиею вышел на большую Смоленскую дорогу.
17 — Авангард корпуса Витгенштейна заставил неприятеля очистить Лепель; Наполеон с гвардиею прошел через Бородинское поле; вечером прибыл в Гжатск; Кутузов с главными силами перешел в Адамовское.
18 — Платов с двадцатью казачьими полками вышел на большую Смоленскую дорогу; главные силы русской армии ночевали в Кременском.
19 — Сражение у Чашников; Платов атаковал неприятеля у Колоцкого монастыря; Наполеон прибыл в Вязьму.
20 — Арьергард армии Наполеона прошел через Гжатск; армия Наполеона находилась между Вязьмою и Гридневом, будучи растянута на 100 км.
21 — Главные силы русской армии дошли до Дубровы.
22 — Сражение при Вязьме.
24 — Главная квартира Наполеона в Дорогобуже; главные силы русской армии выступили из Быкова через Белый Холм к Ельне.
25 — Армия Чичагова прибыла в окрестности Слонима; главная квартира армии Наполеона была перенесена в Михалевку.
26 — Часть войск корпуса Витгенштейна выбила неприятеля из Витебска; сражение между русским авангардом и арьергардом армии Наполеона у Дорогобужа.
27 — Главные силы русской армии пришли в Ельню.
28 — Дневка главных сил русской армии в Ельне; у Ляхова (на Ельнинской дороге) Сеславин, Давыдов и Фигнер истребили отряд ген. Ожеро; главная квартира Наполеона перенесена в Смоленск.
29 — Главные силы русской армии перешли от Ельни к Балтутину; отряд Милорадовича — от Алексеева к Ляхову.
30 — Авангард Дунайской армии вступил в Несвиж.
31 — Отряд Платова подошел к Смоленску.
31—3 ноября — Армия Наполеона выступила из Смоленска.

Ноябрь

1 — Главные силы русской армии перешли к с. Щелканову.
2 — Сражение при Смоляницах; передовые части армии Наполеона подошли к Красному; сражение при Чашниках (Смоляницах).
3 — Наполеон прибыл в Красное; корпус Нея вступил в Смоленск.
4 — Минск занят войсками Дунайской армии.
4—6 — Бои под Красным.
5 — Главные силы Дунайской армии прибыли в Минск; корпус Нея выступил из Смоленска.
6 — Головные части армии Наполеона достигли Орши; гвардия подошла к Дубровне; арьергард ночевал между Дубровной и Лядами.

В ночь с 6-го на 7-е корпус Нея переправился через Днепр у д. Варишек.
7 — Наполеон прибыл в Оршу.
8 — Остатки корпуса Нея прибыли в Оршу; Дунайская армия выступила из Минска; главные силы русской армии выступили из окрестностей Красного; Наполеон выехал из Орши; авангард Ермолова перешел в Дубровне через Днепр.
9 — Авангард Дунайской армии выбил неприятеля из Борисова; главная квартира Наполеона находилась в Каменице близ с. Коханова; отряд Платова заставил неприятеля очистить Оршу; армия Наполеона оставила Оршу.
10 — Армия Чичагова занимала Березину от Зембино до Унги, имея главную массу у Борисова; вечером голова армии Наполеона достигла Бобра; гвардия и главные силы прибыли в Толочин; у Лошницы находился арьергард; у Череи располагался корпус Виктора; пехота и обозы Дунайской армии перешли на левый берег Березины у Борисова; главные силы Дунайской армии сосредоточились у Борисова; Наполеон подошел к Толочину.
11 — Армия Наполеона выбила Дунайскую армию из Борисова; главные силы русской армии подходили к Копыси; отряд Ожаровского занял Могилев.
12 — Главная квартира армии Наполеона прибыла в Лошницу; у Студянки появились войска корпуса Штейнгеля.
13 — Дунайская армия двинулась из Борисова и ночью прибыла в Шабашевичи (к югу от Борисова); Наполеон прибыл в Борисов; главные силы русской армии дневали в Копысе.
14 — Главные силы русской армии перешли через Днепр в Копысе; Наполеон прибыл к Студянке.
15 — Наполеон с гвардией переправился через Березину.
17 — Французами зажжены мосты через Березину.
18 — Главная квартира Наполеона достигла м. Плещениц.
21 — Главная квартира Наполеона находилась в Молодечно.
23 — Главные силы русской армии переправились через Березину у Жуковца и прибыли в Раваничи; Дунайская армия переправилась через р. Ушу у Молодечна; Наполеон из Сморгони выехал в Париж.
24 — Дунайская армия пришла в Сморгонь; главные силы Дунайской армии дошли до Беницы; остатки армии Наполеона двигались от Сморгони к Ошмянам.
26 — Мюрат прибыл в Вильну; утром Наполеон переехал обратно через границу.
28 — Мюрат выступил из Вильны по Ковенской дороге; русские войска заняли Вильну.
29 — Главные силы Дунайской армии прибыли в Вильну; сюда перенесена главная квартира; армия Наполеона отступила к Румшишкам.
30 — Остатки армии Наполеона прибыли в Ковно.

Декабрь

1 — Мюрат выехал из Ковно; Ней с арьергардом прибыл в Ковно.
2 — К Ковно подошел Платов с казаками; остатки армии Наполеона вышли из Ковно.
3 — Платов с казаками выступил в Ковно.
8 — Австрийский корпус очистил Гродно и ушел к Белостоку; отряд Давыдова занял Гродно.
9 — Митава занята русскими войсками.
11 — Александр I прибыл в Вильну.
18 — Австрийский корпус отступил к Пултуску.
31 — Приказ Кутузова по армии в связи с окончанием Отечественной войны.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ НА ОТДЕЛЬНЫХ ЛИСТАХ

М. И. Голенищев-Кутузов. С портрета работы Дау. (Государственный Эрмитаж.)

М. Б. Барклай де-Толли. С портрета работы Дау. (Государственный Эрмитаж.)

П. И. Багратион. С портрета работы Дау. (Государственный Эрмитаж.)

М. И. Платов и казаки. С гравюры Югеля по рисунку Шадова.

Унтер-офицер егерских полков 1812—1816 гг.

Казак и урядник Донского атаманского казачьего полка начала XIX в.

Воин пеших дружин С.-Петербургского ополчения 1812—1813 гг.

Рядовой калмыцких полков 1812—1825 гг.

Г. Курин. С портрета работы неизвестного художника. (Государственный Исторический музей.)

В. Кожина («Старостиха Василиса»). (Государственный Исторический музей.)

Стрелок французской легкой пехоты. С литографии Шарле.

Стрелок молодой гвардии. С гравюры Вейланда.

Гренадер старой гвардии. С гравюры Вейланда.

Мародеры. С литографии Баумейстера по рисунку Фабер дю Фора.

Сражение под Смоленском. С анонимной гравюры.

Ранение Багратиона. С рисунка Жерэна. (Государственный Эрмитаж.)

Пожар Москвы. С гравюры Карделли.

Переход через Березину. С литографии.

Бивуак французов. С литографии по рисунку Фабер дю Фора.

«Пастух и волк». Карикатура И. И. Теребенева.

«Угощение Наполеону». Карикатура И. И. Теребенева.

Карикатура А. Г. Венецианова.

EB_1941_OFO_336

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Отечественная война 1812 г. VII

I. ПОДГОТОВКА НАПОЛЕОНА К ВОЙНЕ С РОССИЕЙ

1. 1811 г. августа 5. — Донесение А. И. Чернышева Н. П. Румянцеву из Парижа о военных приготовлениях Наполеона 1
2. 1810 г. марта 14. — Предписание М. Б. Барклая де-Толли К. И. Опперману о выборе мест для укрепленного лагеря и крепостей на западной границе 2
3. 1812 г. апреля 1. — Из приказа П. И. Багратиона по 2-й Западной армии об отправке в тыл «излишних тяжестей» и офицерских и солдатских жен 4
4. Из записок К. Клаузевица о Дрисском лагере . . . . . —
5. 1812 г. мая 1. — Письмо русского посла в Австрии гр. Г. О. Стакельберга П. И. Багратиону о наполеоновских шпионах, направляемых в Россию 7
6. Из воспоминаний И. П. Радожицкого о наполеоновских шпионах 8
7. 1812 г. июня 3. — Письмо А. П. Тормасова И. В. Гудовичу из Дубно о наблюдении за отправившимися в Москву французскими купцами 9
8. 1812 г. июля 8. — Предписание А. Н. Голицына петербургскому цензурному комитету по поводу проверки иностранцев . . . —
9. 1812 г. октября 9. — Донесение М. И. Кутузова Александру I с приложением показаний шпиона А. С. Платера 10
10. Из рассказа гравера Лаля Иосифу Бонапарту о подделке им ассигнаций в Париже в 1810 г. 12

II. ПЕРЕХОД АРМИИ НАПОЛЕОНА ЧЕРЕЗ НЕМАН И ПЕРВЫЕ ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ

11. 1812 г. июня 10. — Приказ Наполеона при переходе армии через Неман 14
12. 1812 г. июня 13. — Рапорт Лаврова М. И. Платову о переходе армии Наполеона через Неман 15
13. Из воспоминаний П. А. Тучкова о начале военных действий . . . . . —
14. 1812 г. июня 20 — 24. — Из дневника Ц. Ложье о первых впечатлениях в России после перехода армии Наполеона через Неман 17
15. Из записок П. де-Боволье о продовольственных затруднениях армии Наполеона при вторжении в Россию 18

III. ХАРАКТЕРИСТИКА РУССКОЙ АРМИИ

16. 1810 г. — Английский офицер Р. Вильсон о русских солдатах 20
17. 1812 г. ранее июля 17. — Из «Наставления гг. пехотным офицерам в день сражения» М. Б. Барклая де-Толли 21
18. 1812 г. августа 9. — Из донесения М. Б. Барклая де-Толли Александру I о необходимости поднятия дисциплины 23

IV. МЕРОПРИЯТИЯ ПО УВЕЛИЧЕНИЮ ЧИСЛЕННОСТИ РУССКОЙ АРМИИ

19. 1812 г. июля 12. — Предписание С. К. Вязмитинова вологодскому гражданскому губернатору о наборе стрелков из охотников и об отправлении их в Петербург 24
20. 1812 г. июля 6. — Из манифеста Александра I о сборе земского ополчения 25
21. Из записок Н. Н. Муравьева о московском ополчении . . 26

V. НАЧАЛО НАРОДНОЙ ВОЙНЫ С АРМИЕЙ НАПОЛЕОНА

22. Заметка из журнала «Русский Вестник» о патриотизме поредкого крестьянина 27
23. 1812 г. августа 1. — Из письма Ф. В. Ростопчина А. Д. Балашову из Москвы о борьбе крестьян против войск Наполеона . 28
24. Из воспоминаний А. П. Бутенева об отношении крестьянства Смоленской губ. к своей армии и о борьбе с врагом . . . . . —
25. Из воспоминаний А. Ф. Мевиуса о намерении студентов Горного корпуса вступить добровольцами в армию 30
26. «Отечественные записки» о деятельности одного из организаторов крестьянских отрядов Емельянова 31
27. 1812 г. августа ... Воззвание М. Б. Барклая де-Толли к жителям Псковской, Смоленской и Калужской губ. с призывом к борьбе с армией Наполеона 32

VI. УЧАСТИЕ НАРОДОВ РОССИИ В ЗАЩИТЕ СТРАНЫ

28. Из воспоминаний Э. Арндта о народах России в армии . . . 34
29. 1812 г. ранее августа 8. — Записка С. К. Вязмитинова Александру I об организации полков из башкир и мишарей 35
30. 1812 г. августа 19 — октября 18. — Сообщения газеты «Северная Почта» о пожертвованиях немцев Поволжья и о калмыцких и башкирских полках 37
31. 1812 г. ноября 12. — Предписание А. А. Аракчеева П. Х. Витгенштейну по поводу вооружения башкирских полков пиками —

VII. АГИТАЦИЯ РУССКОГО КОМАНДОВАНИЯ В РЯДАХ АРМИИ НАПОЛЕОНА

32. Воззвание М. Б. Барклая де-Толли к немцам—солдатам армии Наполеона 39
33. 1812 г. ранее июня 7. — Воззвание русского командования к итальянцам — солдатам армии Наполеона 40
34. 1812 г. июля 13. — Рапорт И. А. Эссена 1-го М. Б. Барклаю де-Толли по поводу получения им прокламаций на испанском и португальском языках 41
35. Из записок А. И. Антоновского о добровольной сдаче в русский плен испанцев — солдат армии Наполеона . . . . . —

VIII. БОРЬБА ВОКРУГ ВОПРОСА ОБ ОТСТУПЛЕНИИ РУССКОЙ АРМИИ

36. 1812 г. июля 20. — Приказ М. Б. Барклая де-Толли по 1-й армии с объяснением причин отступления к Смоленску 42
37. 1812 г. июля 28. — Из письма Н. М. Лонгинова С. Р. Воронцову из Петербурга по поводу конечных целей войны и желания армии прекратить отступление 43
38. 1812 г. июля . . . — Письмо П. И. Багратиона А. А. Аракчееву по поводу необходимости наступления 44
39. 1812 г. июля 29. — Письмо П. И. Багратиона А. А. Аракчееву с жалобами на Барклая де-Толли 45
40. 1812 г. ранее октября 25. — Из объяснения М. Б. Барклая де-Толли, представленного Александру I из Владимира, по поводу отступления русской армии . . . . . —

IX. ОСТАВЛЕНИЕ СМОЛЕНСКА

41. Из воспоминаний Н. И. Андреева об отступлении 2-й армии к Смоленску 49
42. 1812 г. августа 7. — Из дневника Ц. Ложье о вступлении армии Наполеона в Смоленск 50
43. Из воспоминаний П. А. Тучкова о разговоре с ним Наполеона в Смоленске по поводу возможности заключения мира . . . —
44. 1812 г. августа 7. — Письмо П. И. Багратиона А. А. Аракчееву с жалобами на М. Б. Барклая де-Толли 53

X. НАПОЛЕОНОВСКАЯ АРМИЯ В ЗАХВАЧЕННЫХ МЕСТНОСТЯХ

45. 1812 г. июля 26. — Письмо А. Бертье Евгению Богарне из Витебска об организации Наполеоном управления в Витебской губ. 55
46. 1812 г. августа 23. — Приказание А. Бертье о мерах охраны фуражиров армии Наполеона от крестьян и казаков 56
47. 1812 г. сентября 22. — Из донесения комиссара Щербакова смоленскому военному губернатору Барб-Негру о насилиях армии Наполеона над крестьянами Смоленской губ. 57

XI. НАЗНАЧЕНИЕ М. И. КУТУЗОВА ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМ

48. 1812 г. июля 19. — Из письма И. П. Оденталя А. Я. Булгакову о настроении в Петербурге в пользу назначения М. И. Кутузова главнокомандующим 58
49. 1812 г. августа 6. — Из письма Ф. В. Ростопчина Александру I из Москвы по поводу желания московского населения назначения М. И. Кутузова главнокомандующим 59
50. 1812 г. августа 16. — Из письма И. П. Оденталя А. Я. Булгакову из Петербурга об отношении петербургского населения к М. И. Кутузову . . . . . —
51. Из воспоминаний И. М. Снегирева о разговоре Ф. Опочинина с М. И. Кутузовым 60
52. 1812 г. августа 19. — Письмо М. И. Кутузова его дочери А. М. Хитрово из-под Гжатска о возможности перенесения театра военных действий в район Тарусы . . . . . —

XII. БОРОДИНСКАЯ БИТВА

53. 1812 г. августа 24. — Диспозиция русской армии перед Бородинским боем 62

54. 1812 г. августа 25. — Диспозиция армии Наполеона перед Бородинским боем 63
55. Из воспоминаний А. С. Норова о Бородинском бое 64
56. 1812 г. сентября 19. — Из донесения П. П. Коновницына М. И. Кутузову об отдельных эпизодах Бородинского боя 69
57. 1812 г. сентября 27. — Из рапорта Ф. П. Уварова М. И. Кутузову о диверсии 1-го кавалерийского корпуса в Бородинском бою. 70
58. Из записок Ф. Сегюра о результатах Бородинского боя . 71
59. 1812 г. августа 26. — Записка М. И. Кутузова М. Б. Барклаю де-Толли о его намерении продолжать сражение на следующий день 72
60. 1812 г. августа 27. — Донесение М. И. Кутузова Александру I с позиции при Бородине о Бородинском бое . . . . . —

XIII. МОСКВА ПЕРЕД ЗАНЯТИЕМ ЕЕ НАПОЛЕОНОМ

61. 1812 г. сентября 1. — Предписание Ф. В. Ростопчина П. А. Ивашкину о вывозе из Москвы пожарных труб 74
62. 1812 г. августа 31. — Из записок А. Д. Бестужева-Рюмина о готовности народа защищать Москву . . . . . —
63. Из воспоминаний И. М. Снегирева о намерении жителей Москвы дать сражение армии Наполеона 75
64. 1812 г. сентября 7. — Из письма Н. М. Лонгинова С. Р. Воронцову из Петербурга о готовности народа защищать Москву 76
65. 1812 г. августа 18. — Из записок А. Д. Бестужева-Рюмина об отношении крестьян к бегству московского населения 77
66. 1812 г. июля 15. — Из записок А. Д. Бестужева-Рюмина о торговле оружием в Москве 78
67. Из записок С. Г. Волконского о настроениях во время войны 79

XIV. ОСТАВЛЕНИЕ МОСКВЫ

68. Из воспоминаний А. П. Ермолова о военном совете в Филях 81
69. Из записок С. И. Маевского об оставлении Москвы 83
70. Из воспоминаний Ф. Сегюра о Наполеоне перед вступлением в Москву 84
71. Из записок И. Д. Якушкина о настроении народа при оставлении Москвы 86
72. Из воспоминаний А. Е. Егорова о настроении народа в связи с пожаром Москвы 87
73. Из записок А. А. Шаховского о настроении крестьянства после сдачи Москвы 88
74. Из записок Р. С. Эделинг об отношении населения Петербурга к Александру I после сдачи Москвы 89

XV. НАПОЛЕОН В МОСКВЕ

75. 1812 г. сентября 2—3. — Из дневника Ц. Ложье о вступлении армии Наполеона в Москву 91
76. 1812 г. сентября 2. — Обращение А. Бертье (кн. Невшательского) к жителям Москвы 93
77. 1812 г. сентября 4. — Приказ А. Бертье об истреблении русских солдат, обнаруженных в Москве 94
78. 1812 г. сентября 24. — Объявление Лессепса об обязанностях Московского муниципалитета . . . . . —
79. Из воспоминаний А. Домерга о деятельности Московского муниципалитета 95

80. Из записки Г. Н. Кольчугина, адресованной неизвестному лицу, о его участии в Московском муниципалитете 96
81. Из воспоминаний д'Изарна о Москве во время французской оккупации 99
82. 1812 г. ноября 16. — Из письма чиновника Московского воспитательного дома И. Иванова неизвестному лицу о грабежах в Москве армии Наполеона 103
83. Из воспоминаний В. А. Перовского о пребывании в плену у французов 105

XVI. ПОДАВЛЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКИХ ВОЛНЕНИЙ АРМИЕЙ НАПОЛЕОНА

84. 1812 г. июля 13. — Объявление, изданное в Митаве командующим прусским корпусом Гравертом, о необходимости повиновения крестьян помещикам 108
85. 1812 г. июля 17 и 18. — Предписания Отделения главной полиции в Минске Уездной Борисовской комиссии о мерах подавления крестьянских волнений 109
86. 1812 г. не позднее августа 5. — Из объявления Комиссии временного управления великого княжества Литовского о необходимости повиновения крестьян помещикам 110
87. Из записок А. Дедема о подавлении Наполеоном крестьянских волнений . . . . . —
88. Из воспоминаний Пюибюска о помощи армии Наполеона русским помещикам 111
89. Из записок А. Пасторе о личном участии Наполеона в редактировании прокламации к крестьянам Витебской губ. . . . . —
90. Из книги В. Г. Краснянского «Минский департамент великого княжества Литовского» о подавлении ген. Барб-Негром крестьянских восстаний в Борисовском у. 112

XVII. РАЗГАР НАРОДНОЙ ВОЙНЫ

91. Из «Дневника партизанских действий» Д. В. Давыдова об участии крестьян в войне 113
92. 1812 г. августа 22 — сентября 3. — Из дневника Н. Н. Пущина о сражении крестьян с неприятельским отрядом около Бородина и о настроении офицеров после оставления Москвы 114
93. 1812 г. августа 29. — Из рапорта Мосальского кордонного начальника Н. П. Суходольского калужскому гражданскому губернатору о действиях крестьян против неприятеля 115
94. 1812 г. сентября 3. — Рапорт сычевского уездного предводителя дворянства Н. Нахимова М. И. Кутузову из Сычевки о действиях крестьян против неприятеля 116
95. 1812 г. сентября 11. — Рапорт жиздринского уездного предводителя дворянства калужскому гражданскому губернатору о действиях крестьян против неприятеля 117
96. 1812 г. сентября 21. — Рапорт Е. И. Властова П. Х. Витгенштейну из местечка Белого о действиях крестьян против неприятеля 118
97. 1812 г. сентября 23. — Корреспонденция в газету «Северная Почта» о действиях крестьян против неприятеля . . . . . —
98. Правительственное сообщение о деятельности крестьянских отрядов против армии Наполеона в Московской губ. 119
99. 1812 г. сентября 27. — Из «Краткого журнала военных действий» о борьбе крестьян Бельского у. Смоленской губ. с армией Наполеона 123
100. 1812 г. октября 24. — Донесение М. И. Кутузова Александру I о патриотизме крестьян 124

101. Из статьи Н. П. Поликарпова «Серые герои Отечественной войны» о действиях крестьян д. Жарцов Полоцкого повета Витебской губ. 124
102. Из статьи Н. П. Поликарпова «Неведомый и неуловимый русский партизанский отряд» о действиях Е. Четвертакова и других крестьян 125
103. Действия партизанского отряда Г. Курина в описании участника 130
104. Из статьи А. И. Михайловского-Данилевского «Два отрывка о войне 1812 года» о народной войне 132
105. Из анонимной записки «Подвиги русских солдат» о деятельности партизанского отряда Самуся 133
106. 1812 г. декабря 1. — Из письма Г. Фабера неизвестному из Петербурга о борьбе народа с армией Наполеона 134

XVIII. РУССКАЯ АРМИЯ ОТ ОСТАВЛЕНИЯ МОСКВЫ ДО СРАЖЕНИЯ ПРИ ТАРУТИНЕ

107. 1812 г. сентября 4. — Донесение М. И. Кутузова Александру I из с. Жилина о причинах отхода армии за Москву . . . 138
108. 1812 г. сентября 11. — Из донесения М. И. Кутузова Александру I из с. Красной Пахры о фланговом марше 139
109. 1812 г. сентября 17. — Рапорт начальника калужского ополчения В. Ф. Шепелева М. И. Кутузову из Калуги (?) о действиях ополчения 141
110. 1812 г. сентября 20. — Из письма М. И. Кутузова П. Х. Витгенштейну из с. Богородицкого о фланговом марше 142
111. Из воспоминаний П. Н. Свистунова о настроении среди офицеров в Тарутинском лагере . . . . . —
112. Из записок Н. Н. Муравьева о Тарутинском лагере 143
113. 1812 г. октября 6. — Из «Краткого журнала военных действий» о сражении при Тарутине 144

XIX. ПОПЫТКИ НАПОЛЕОНА ВСТУПИТЬ В МИРНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ

114. 1812 г. ноября. . . — Из письма И. В. Тутолмина Н. И. Баранову из Москвы о свидании с Наполеоном 145
115. Рассказ И. А. Яковлева о беседе с ним Наполеона в Москве по поводу предложения мира Александру I 146
116. 1812 г. сентября 8. — Письмо Наполеона Александру I из Москвы с уверением его в дружеских чувствах 149
117. 1812 г. сентября 23. — Донесение М. И. Кутузова Александру I из Тарутина о посещении его Лористоном 150

XX. УХОД АРМИИ НАПОЛЕОНА ИЗ МОСКВЫ И СРАЖЕНИЕ ПОД МАЛОЯРОСЛАВЦЕМ

118. Из воспоминаний Ф. Сегюра о выходе армии Наполеона из Москвы 152
119. Из воспоминаний А. Бургоня о выходе армии Наполеона из Москвы 153
120. 1812 г. октября 11. — Рапорт Иловайского 4-го из Москвы Ф. В. Ростопчину о вступлении его в Москву после ухода армии Наполеона 155

121. 1812 г. октября 25. — Из письма А. Я. Булгакова жене Н. В. Булгаковой о состоянии Москвы после ухода армии Наполеона 155
122. 1812 г. октября 11. — Из «Краткого журнала военных действий» о сражении под Малоярославцем 158
123. Из воспоминаний Ф. Сегюра о военном совете после боя под Малоярославцем 159

XXI. ДЕЙСТВИЯ М. И. КУТУЗОВА ВО ВРЕМЯ ОТСТУПЛЕНИЯ АРМИИ НАПОЛЕОНА

124. Из записок Р. Вильсона о планах М. И. Кутузова при преследовании армии Наполеона 160
125. Из «Дневника партизанских действий» Д. В. Давыдова об отношении М. И. Кутузова к партизанской войне . . . . . —
126. Из записок И. С. Жиркевича о беседе М. И. Кутузова с солдатами Семеновского полка под Красным 161
127. 1812 г. ноября 8. — Из письма Н. М. Лонгинова С. Р. Воронцову из Петербурга о способах преследования М. И. Кутузовым отступающей армии Наполеона 163

XXII. ИЗГНАНИЕ АРМИИ НАПОЛЕОНА ИЗ РОССИИ

128. 1812 г. октября 28. — Из письма М. И. Кутузова жене Е. И. Кутузовой из Ельны с сообщением о бедствиях армии Наполеона 164
129. 1812 г. октября 28. — Письмо П. П. Коновницына жене с описанием преследования армии Наполеона . . . . . —
130. 1812 г. октября 29. Приказ М. И. Кутузова войскам по поводу отступления армии Наполеона 165
131. 1812 г. ноября 6. — Из «Журнала военных действий» о разгроме неприятеля под Красным . . . . . —
132. 1812 г. ноября 6. — Из дневника Ц. Ложье об отступлении армии Наполеона 166
133. Из «Дневника партизанских действий» Д. В. Давыдова о нападениях его отряда на армию Наполеона 168
134. Из записок И. П. Радожицкого о деятельности партизанского отряда А. С. Фигнера 169
135. 1812 г. ноября 13. — Письмо М. И. Кутузова П. В. Чичагову из Копыся о предполагаемом направлении движения главных сил армии к местечку Березино 171
136. Из воспоминаний А. П. Ермолова о переправе через Березину . . . . . —
137. Из воспоминаний А. Пасторе о голоде в армии Наполеона при отступлении 174
138. Из записок А. Ф. Ланжерона об отступлении армии Наполеона после перехода через Березину 175
139. Из воспоминаний Н. Е. Митаревского о преследовании Наполеона 177
140. 1812 г. декабря 31. — Из приказа М. И. Кутузова по русской армии в связи с окончанием Отечественной войны 179

Указатель имен, помещенных в заголовках документов 181
Список сокращений в библиографических ссылках 185
Хронологический перечень важнейших военных действий 1812 г. . 187
Список иллюстраций на отдельных листах 192

Редактор *Вишневский И. Ф.* Подписано к печати 15/VII 1941 г. М 71230. Объем 14¹/₄ печ. л. + 21 вкл. уч.-авт. л. 15,25. Тираж 10 000 экз.

2-я типография Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига», им. А. М. Горького. Заказ № 1127.

БАН СССР
1943К
184